

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 11 МАРТ 1982

Белорусская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ: 207,6 ТЫСЯЧИ КВАДРАТНЫХ КИЛОМЕТРОВ.
НАСЕЛЕНИЕ: 9 МИЛЛИОНОВ 744 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК.
НАСЕЛЕНИЕ МИНСКА — 1 МИЛЛИОН 387 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
УВЕЛИЧИЛОСЬ ЗА 1940—1981 ГОДЫ В 30 РАЗ,
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ — В 2 РАЗА,
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — В 66 РАЗ.

КОЛЫБЕЛЬ МОЯ, ГОРДОСТЬ МОЯ— Б Е Л А Р У С Ь

Геннадий БУРАВКИН,
поэт

Беларусь!
Мне
Надо ли в любви к тебе клясться
Лишь затем,
чтоб ты помнила клятву мою.
Просто,
где бы я ни был —
В Сморгони иль в Клястицах,—
Каждый раз
Тебя заново узнаю.
Узнаю тебя юной и тысячелетней,

В полыханье огней и разливах берез.
Сколько раз
каждым нервом своим,
каждой клеткой

Я судьбу твою
Вместе с тобой перенес!
Много вынес и выстрадал,
край ты мой милый,
Много дел и побед у тебя впереди.

И поныне
окопы,
траншеи,
могилы,

Словно шрамы,
Горят у тебя на груди...

См. стр. 13.

Москва. 5 марта 1982 года. Торжественное собрание в Большом театре Союза ССР.

Фото А. Гостева

СЛАВНЫЕ ДОЧЕРИ ОТЧИЗНЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 11 (2852)

13 МАРТА 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982

5 марта в Большом театре Союза ССР состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских и общественных организаций столицы, посвященное Международному женскому дню.

Бурными, продолжительными аплодисментами приветствовали собравшиеся товарищи Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

Горячими аплодисментами встретили собравшиеся приветствие ЦК КПСС советским женщинам, которое огласила секретарь МК КПСС Р. Ф. Дементьева.

Разительные перемены произошли при социализме в судьбах женщины всех наций и на-

родностей, населяющих Советский Союз, отметила в своем выступлении заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Л. П. Лыкова.

На торжественном собрании выступили также швея объединения «Сокол» И. Н. Калмынова и оператор Бронницкой птицефабрики Московской области Л. Д. Хлобошина.

С Международным женским днем собравшихся поздравил народный артист СССР кинорежиссер Е. С. Матвеев.

Участников торжественного собрания поздравили с праздником пионеры столицы.

В приветственном письме Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР участники собрания единодушно заверили, что женщины, все трудящиеся столицы умножат усилия в борьбе за претворение в жизнь предначертаний партии.

Встреча на аэродроме.

С ДЕЛОВЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР 9 марта в Москву с деловым визитом прибыл Президент Финляндской Республики Мауно Койвисто.

На Внуковском аэродроме М. Койвисто встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

В этот же день М. Койвисто возложил венок к Мавзолею В. И. Ленина. Минутой молчания он почтил память основателя Советского государства.

Венок был возложен также к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Гость почтил память советских воинов, павших в борьбе с фашизмом во имя мира и счастья народов.

У могилы Неизвестного солдата был выстроен почетный караул трех видов Вооруженных Сил СССР — Сухопутных войск, Воен-

но-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота. Оркестр исполнил Государственные гимны Финляндии и Советского Союза.

Президент и сопровождающие его лица осмотрели достопримечательности Кремля. Они посетили музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле», Оружейную палату и выставку Алмазного фонда СССР.

9 марта в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто.

Л. И. Брежнев в ходе переговоров подчеркнул, что Советский Союз неизменно выступает за

прочную дружбу, добрососедство и широкое взаимовыгодное сотрудничество с Финляндией, начало которым положил основатель Советского государства В. И. Ленин.

М. Койвисто заявил, что Финляндия будет неуклонно продолжать выработанный президентами Ю. К. Паасикиви и У. Кекконеном внешнеполитический курс, центральное место в котором занимает всестороннее развитие отношений с СССР на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года.

Л. И. Брежнев и М. Койвисто высоко оценили развитие отношений между двумя странами. Они подчеркнули, что линия, определенная Договором 1948 года и подтвержденная в совместных документах, принятых в последующие годы, отвечает долговременным интересам Советского Союза и Финляндии, обеспечивает неуклонное и стабильное развитие дружбы и сотрудничества между ними,

делает советско-финляндские отношения весомым конструктивным фактором европейской политики.

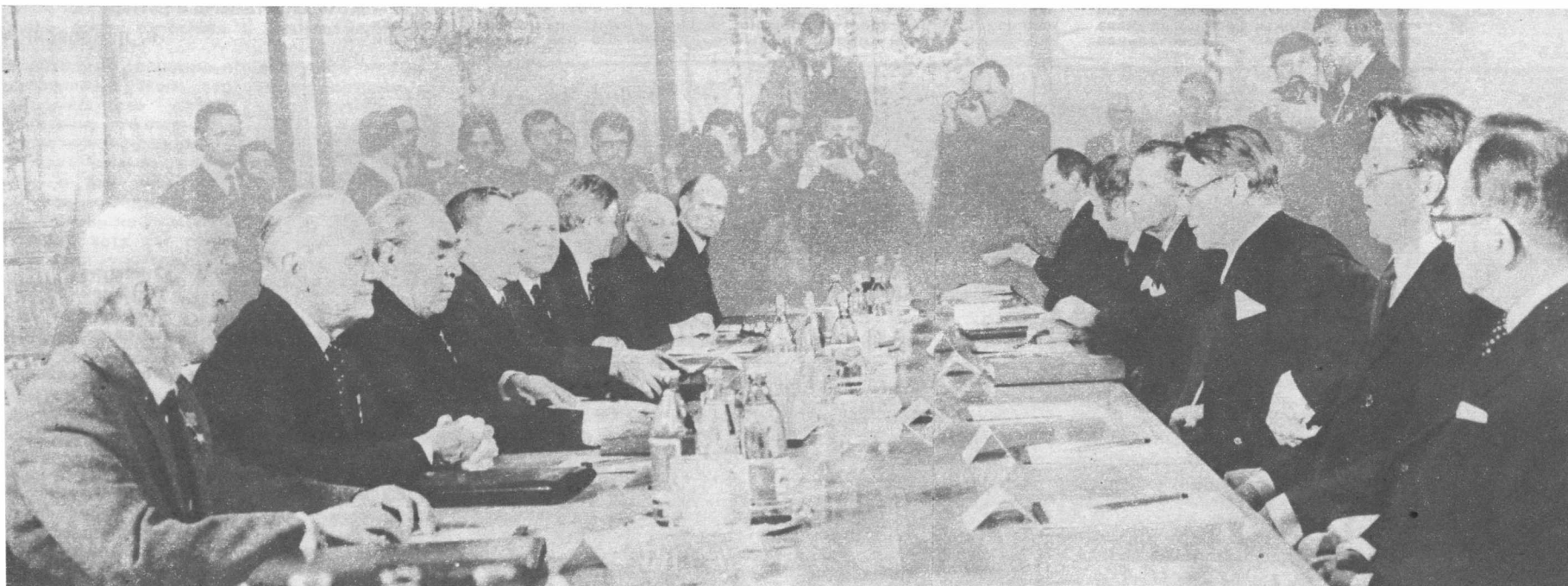
При рассмотрении актуальных международных проблем было констатировано совпадение позиций двух стран по вопросам, касающимся сохранения мира и дальнейшего развития процесса разрядки, прекращения гонки вооружений, устранения существующей напряженности в международных отношениях и развития равноправного сотрудничества между государствами.

При обсуждении положения на Севере Европы была подчеркнута актуальность известного предложения Финляндии о создании безъядерной зоны в этом регионе. М. Койвисто отметил, что конструктивная позиция Советского Союза имеет важное значение для его практической реализации.

Переговоры проходили в дружественной обстановке и в духе взаимопонимания.

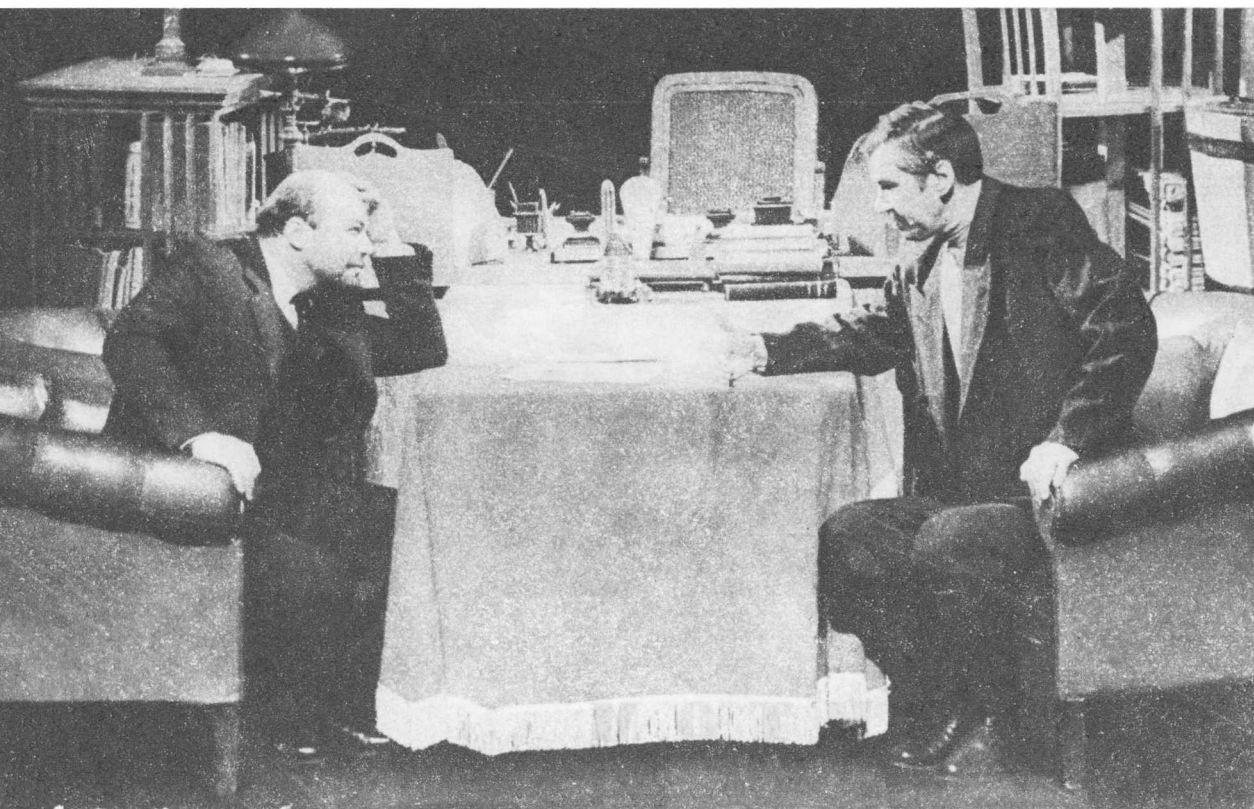
Во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОЖДЮ РЕВОЛЮЦИИ

«Так победим!» — новый спектакль Московского Художественного академического театра, воссоздающий эпизоды жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина в труднейший для Советской власти послеоктябрьский период. Говоря об этой работе театра (спектакль по пьесе М. Шатрова поставлен О. Ефремовым), прежде всего хочется отметить главного исполнителя: в роли Ленина — заслуженный артист РСФСР А. Калягин.

Известный артист театра и кино еще раз подтвердил, что его таланту подвластно многое. В этой роли, ставшей подлинным творческим взлетом актера, Калягин сумел не просто сыграть, а как бы прожить на глазах зрителей часть жизни великого человека и вождя революционного народа, показав глубину, сложность и масштабность его личности, цельность воли, веры и действия; неразрывность в Ленине личного и исторического, единство человека и политика.

Спектакль рассказывает о торжестве бессмертных заветов В. И. Ленина, всепобеждающей силе его учения, на основе которого советский народ под руководством Коммунистической партии строит новое общество, борется за мир во всем мире.

На одном из первых спектаклей «Так победим!» присутствовали товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, В. И. Долгих, М. В. Зимянин.

На снимке: в роли В. И. Ленина — А. Калягин; Бутузов — Г. Бурков.

Фото И. Александрова

ПРАЗДНИК ЗИМНЕГО СПОРТА

6 марта в Красноярске торжественно открылись финальные соревнования V зимней Спартакиады народов Советского Союза.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» очертило широкую перспективу физкультурной работы в нашем обществе. В осуществлении задач, определенных этим документом, роль Спартакиады народов СССР неопределима — эти соревнования являются самыми масштабными и массовыми из всех, проводимых в нашей стране и за рубежом.

В преддверии финальных состязаний V Спартакиады был проведен Всесоюзный день лыжника, в стартах которого приняли участие многие миллионы людей. Так была открыта новая замечательная

традиция, которая, несомненно, получит широчайшее развитие и для многих людей определит как бы новую точку отсчета в их отношении к физической культуре.

Система спартакиадных стартов многоэтапна. На начальных этапах в состязаниях участвуют люди самого разного возраста, в том числе среднего и старшего. Финальные соревнования — для сильнейших.

Впервые Спартакиада проводится в Сибири, и это закономерно. Бурное развитие производительных сил в восточных районах нашей Родины, приток сюда молодежи вызвали к жизни массовое физкультурное движение. Ведь Сибири нужны твердые духом и телом люди. Сибирь воспитывает характеры. И вот в различных районах Сибири строятся спортивные базы, дворцы спорта, крытые

катки, горнолыжные подъемники, трамплины для прыжков. Все больше сибиряков приобщается к прекрасному миру спорта. Все больше их входит в ряды лучших спортсменов страны.

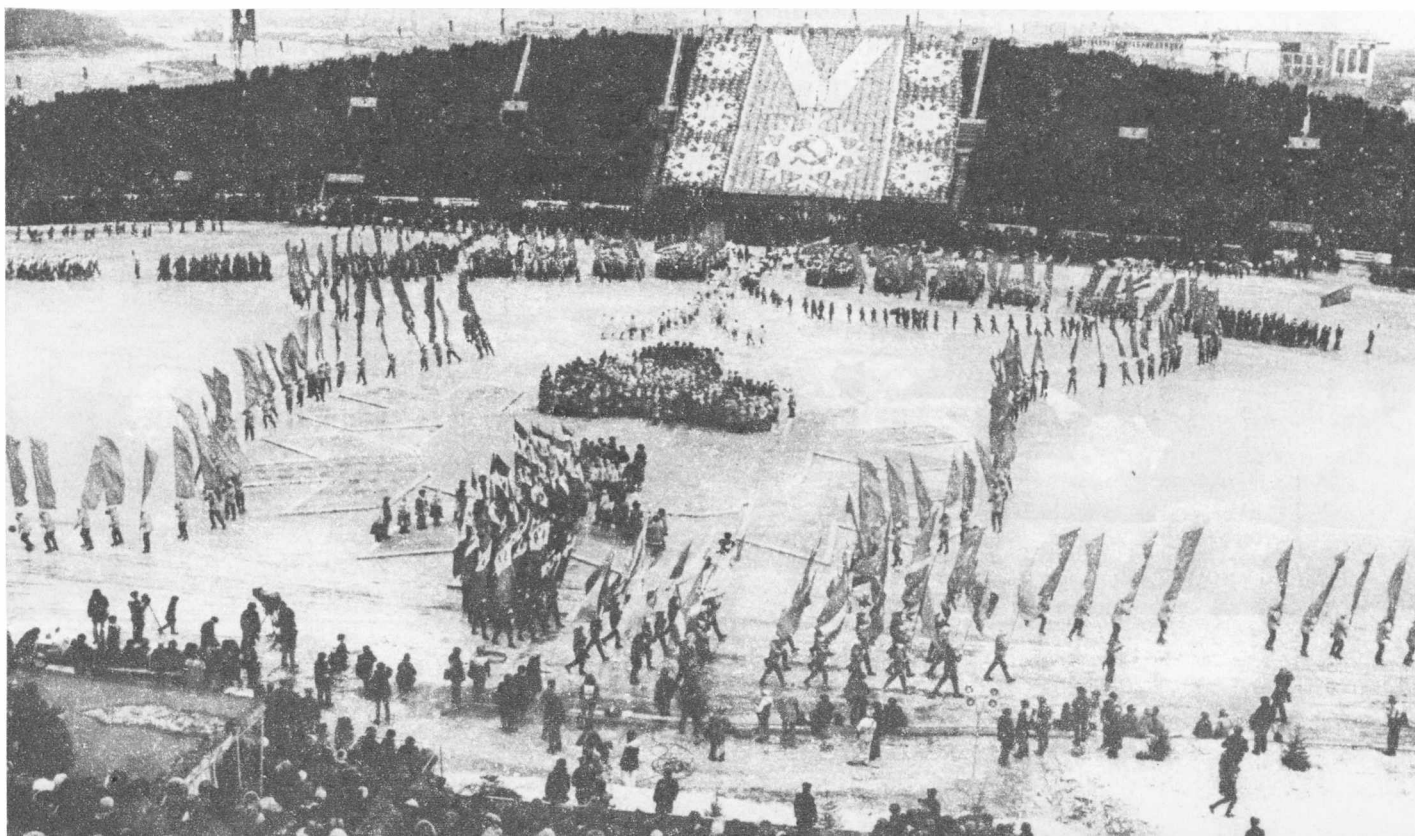
Мы ждем появления новых имен и дарований. В традициях Спартакиад открывать их. Пусть будет так и на этот раз!

Собрались все сильнейшие. Уже определены победители в состязаниях по лыжному двоеборью, скоростному бегу на коньках (кстати, проводились они в Дивногорске, недалеко от плотины Красноярской ГЭС). Превосходно выступил на ледяной дорожке ленинградец Дмитрий Бочкарев: 5000 метров — 7 минут 03,13 секунды и 10 000 метров — 14,37,92 — два новых равнинных рекорда страны. По две победы одержали

ленинградская горнолыжница Людмила Кедрина-Реус — в гигантском слаломе и специальном слаломе, дальневосточник Юрий Бурлаков — в лыжных гонках на 15 и 30 километров. Подтвердили свой традиционно высокий класс лыжницы Зинаида Амосова, победившая на 5-километровой дистанции, и Галина Кулакова, выигравшая 10-километровую гонку. Золотые медали в состязаниях на санях получили москвичи Елена Перминова и Сергей Данилин. Продолжаются соревнования биатлонистов, фигуристов, прыгунов на лыжах с трамплина, лыжников-гонщиков, горнолыжников. В Норильске завершается турнир юношей по хоккею.

Спартакиада в разгаре.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

Открытие V зимней Спартакиады народов СССР.
Фото А. Бочинина

ЗАПРЕТИТЬ СРЕДСТВА ХИМИЧЕСКОГО ГЕНОЦИДА

Филипп МУНГ

Филипп Мунг — доктор наук, химик и заведующий лабораторией в Политехническом училище Франции, одном из самых престижных учебных заведений страны. Собкор АПН в Париже А. ИГНАТОВ попросил ученого высказаться по поводу новых американских планов развертывания химического оружия.

Решение американских властей о разработке химического оружия возмущает меня как человека, как ученого, как гражданина. Не приемлема даже сама мысль об использовании оружия массового поражения, жертвой которого в первую очередь станет гражданское население. Химическое оружие может быть также применено против национально-освободительных движений. Именно так Соединенные Штаты Америки использовали потенциал своей химической индустрии в Юго-Восточной Азии.

Сегодня Вашингтон пытается обвинить Советский Союз в применении химического оружия в Юго-Восточной Азии и Афганистане. Однако никаких доказательств этого нет. Специальная комиссия ООН, направленная в эти районы, вернулась, не найдя подтверждений подобным спекуляциям. Зато у всех живых в памяти факты применения Соединенными Штатами химического оружия в войне против народа Вьетнама.

Результат — массовое поражение людей, болезни, передающиеся по наследству, тысячи гектаров мертвой земли, которая останется бесплодной в течение долгих лет.

США использовали химическое оружие, демонстрируя пренебрежение международным правом, принципами гуманности и мнением мировой общественности. Где гарантия, что Вашингтон не повторит свой преступный эксперимент? Такая опасность грозит всем странам, в дела которых Вашингтон может вмешаться или уже вмешивается. Сегодня это прежде всего относится к латиноамериканскому континенту.

Необходимо решительно выступить против развертывания этого варварского оружия и поддержать все усилия, направленные на ограничение его производства, усиление контроля за ним и ликвидацию его запасов.

У меня немало друзей среди патриотов Лаоса, в том числе в руководящих кругах этой страны. Хорошо зная их, я могу утверждать, что они не способны поставить под угрозу жизнь хотя бы одного соотечественника даже ради уничтожения контрреволюционеров. Такой поступок противоречит убеждениям и морали этих людей. Поэтому слухи об использовании ими ядовитых газов я считаю чисто провокационными. От кого они исходят? От тех, кто, крича «держи вора», пытается отвлечь внимание от самих себя.

Американцы создают новые химические средства одновременно с новыми ракетами. Вообще сочетание химического оружия с ядерными средствами средней дальности вызывает серьезную озабоченность. Это непосредственно касается нас, французов. Ведь война между Западом и Востоком должна ограничиваться, по мнению Пентагона, европейским театром. Свое население Вашингтон не хочет подвергать подобному риску. Естественно, что на нашем континенте развертыва-

Рисунок Бор. Ефимова

ется массовое антивоенное движение. Европейцам необходимо проявить чувство ответственности и взять свою судьбу в собственные руки. Надо разоблачать авантюристический курс Белого дома и НАТО, ратующих за размещение в Европе ядерных ракет и химического оружия.

Следует отметить еще один важный аспект: объявленные американскими властями расходы на химическое оружие, вероятно, представляют собой далеко не все ассигнования, направленные на производство подобных средств. Часть их проводится по другим, на первый взгляд, безобидным статьям. Широко известно, скажем, что в начале 70-х годов США синтезировали чрезвычайно опасный яд тетродоксин. Вел разработку вполне граждан-

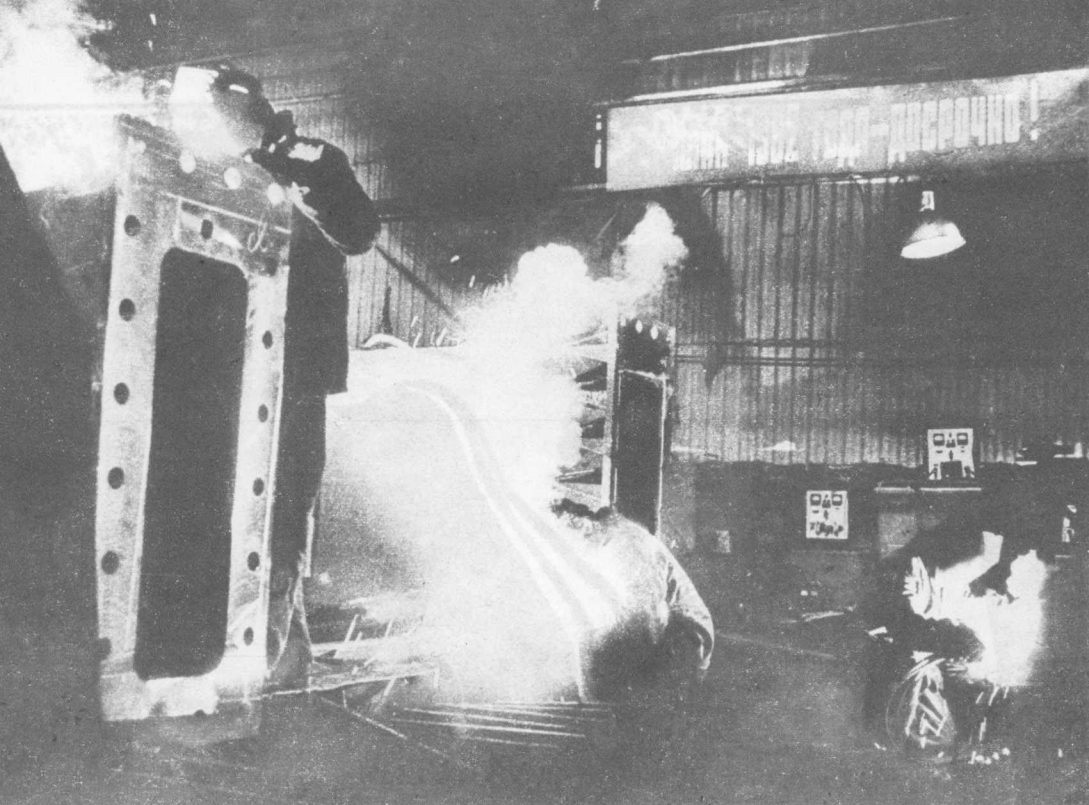
ский Американский фонд здравоохранения, но яд этот применялся в военных целях.

Современный уровень развития науки позволяет довольно быстро создавать все новые и новые боевые химические вещества. Были бы только деньги! Накопленные арсеналы такого оружия способны уничтожить миллионы людей, и защиты против него нет. Фактически оно носит наступательный характер. Я бы назвал его средством осуществления геноцида. Единственным кардинальным решением этой проблемы, на мой взгляд, будет лишь полное запрещение химического оружия.

АПН — специально для «Огонька».

Париж.

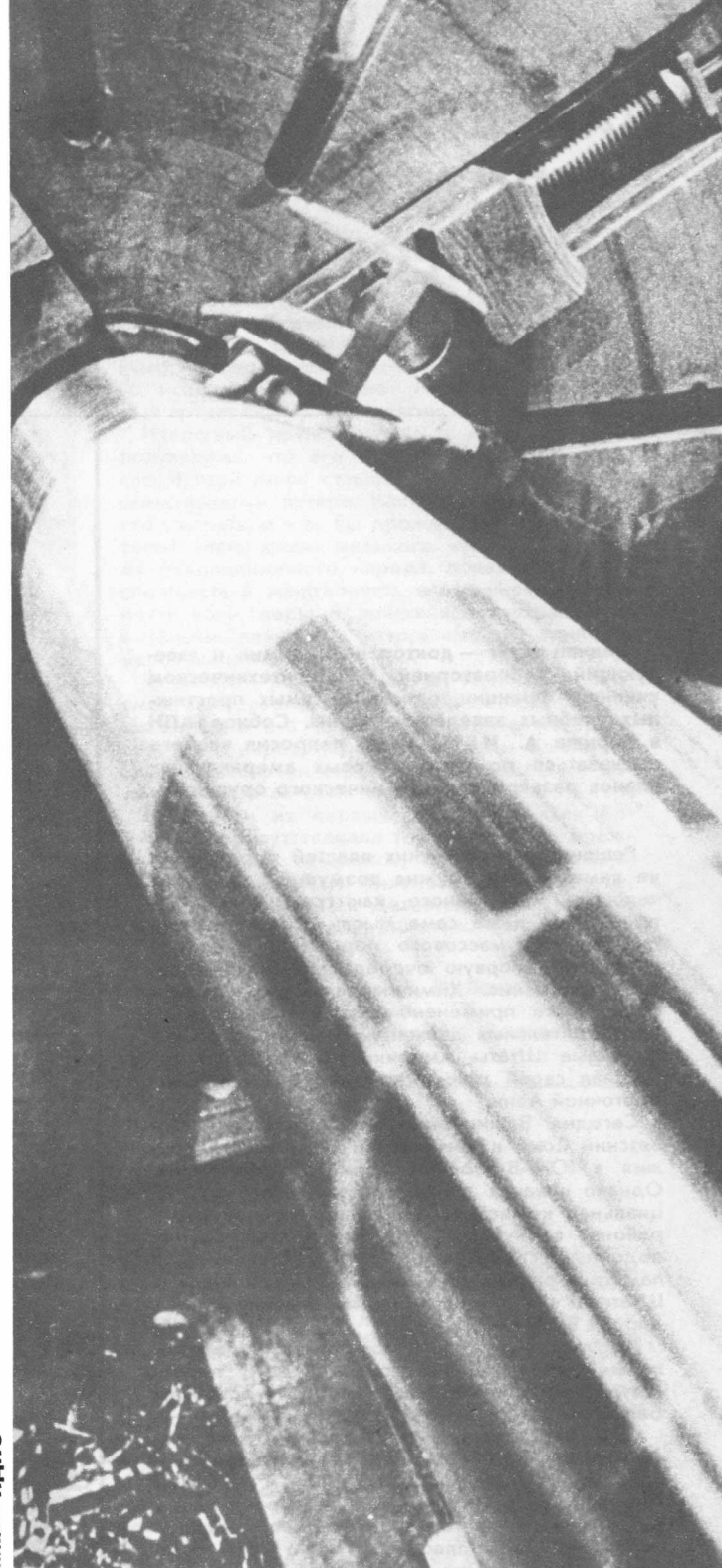

В искрах сварки рождается будущий кран.

Заместитель главного конструктора В. И. Михайлов проводит совещание.

Токарь М. М. Розов бесценно входит в состав заводского президиума постоянно действующего производственного совещания — ПДПС

ШКОЛА РАБОЧЕ

У стенда ПДПС.

Лауреат Государственной премии СССР бригадир электро-сварщиков Г. В. Муравьев.

Олег ПЕТРИЧЕНКО
Фото Юрия ЩЕННИКОВА

Завод подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова — признанный лидер отрасли, продукция которого широко известна не только у нас в Союзе, но и во многих зарубежных странах. Подъемные устройства с ленинградской маркой отлично проявили себя на строительстве крупнейших в мире ГЭС и в арктических рейсах советских атомных судов, в цехах ведущих металлургических комбинатов и на причалах портов, пожалуй, всех морей и океанов планеты.

И минувший год, первый в одиннадцатой пятилетке, предприятие завершило уверенно: вновь завоевано первенство в социалистическом соревновании, коллектив удостоен ордена «Народная республика Болгария» I степени, группе работников присуждена Государственная премия СССР.

Отрадно перечислять успехи. И, право, не верится, что сравнительно недавно завод попал в полосу затяжного, глубокого кризиса. Причин тому было много: недопоставки, перекосы планирования, нехватка кадров...

Однако, несмотря на все накопившиеся трудности, завод сумел не только наверстать упущенное, но и как бы обрел второе дыхание.

Тяжелая индустрия не та область, где еще встречаются чудеса. Любой успех (равно как и неудача) предопределяется здесь строгими законами экономики. И когда я спрашивал о причинах, позволивших коллективу столь успешно справиться с кризисом, мне охотно показывали станки с числовым программным управлением, установки «Кристалл» для плазменной резки и другую новейшую технику, рассказывали о том, как удалось улучшить планирование, стабилизировать снабжение, подобрать на решающие участки энергичных, волевых людей...

И все же в данном случае существовало еще одно важное обстоятельство. Председатель заводского комитета профсоюза А. В. Парфентьев обозначил его коротко, двумя словами: «Рабочая инициатива». Помолчал, задумавшись, потом продолжил: «Пожалуй, наиболее ярко проявилась она в деятельности постоянно действующего производственного совещания — сокращенно ПДПС. Это своего рода нервная система нашего коллектива, чутко реагирующая на все происходящее. С помощью ПДПС в каждом цехе, бригаде был произведен тщательный анализ недостатков, предложены и осуществлены ме-

вал необходимость расширять участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства.

Для меня знакомство с ПДПС завода ПТО имени С. М. Кирова началось с небольшого объявления, наклеенного возле проходной.

«Дорогие товарищи! Президиум ПДПС завода готовит совещание по вопросу «Экономике — быть экономной». Просим вас дать предложения по экономии электроэнергии, топлива, масел, металла, сырья, материалов, по использованию отходов в народном хозяйстве и других ресурсов. Не проходите мимо бесхозяйственности! Подавайте все свои предложения в цеховые комитеты!»

— Ну и что следует обычно за такими обращениями? — поинтересовался я у председателя завкома.

Порывшись в столе, Анатолий Васильевич достал плотную пачку листов бумаги. Они были разными по формату и цвету, аккуратно и торопливо исписаны, некоторые отмечены масляными, ненароком, видать, посаженными пятнами, другие привлекали внимание набросками каких-то чертежей и схем. Веером раскинув их по столу, председатель заметил:

— Не глядите, что неказисты на вид. Цена многим сотни, а то и тысячи рублей.

— Ответы на объявления?

— В общем, да. Но если быть точным, то обращение, которое вы видели, лишь вершина айсберга подготовительной работы, предшествующей обсуждению той или иной проблемы. Прежде чем взяться за нее, президиум ПДПС создает комиссию, в которую входят авторитетные специалисты. Они готовят подробный вопросник по всем интересующим аспектам, ну и в итоге мы получаем такую вот «почту». Откровенную, порой неловкую, но всегда абсолютно точную. Изучение ее позволяет детально разобраться в проблеме, а главный «бой» разворачивается непосредственно на общем собрании, где в спорах и рождается драгоценная истина.

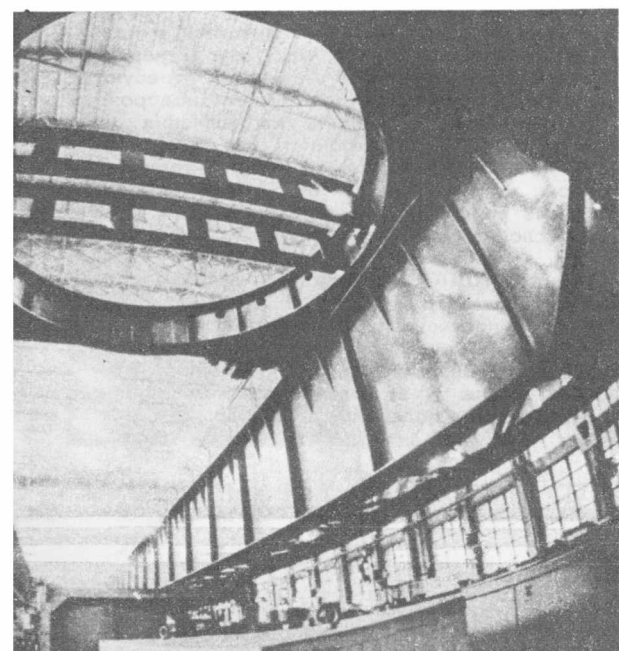
Драгоценная в прямом смысле слова. Так, досрочное изготовление уникальных лебедок для кранов, работающих на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, особо сложных порталных кранов для Норильского горно-металлургического комбината и других ответственных заказов стало возможным благодаря тому, что все этапы их рождения были взяты под контроль ПДПС.

Как же осуществляется этот контроль?

— Проиллюстрирую это на примере своего механического цеха, — рассказывает член президиума ПДПС токарь М. И. Розов. — Решив проанализировать причины возросших одно время непроизводительных потерь, мы начали, как обычно, с анкетирования. Составили восемнадцать вопросов и попросили ответить на них 175 человек из своего и соседнего, тоже механического, цеха. Подобная глубокая «вспашка» общественного мнения, несмотря

И ИНИЦИАТИВЫ

В сборочном цехе завода.

роприятия, позволившие эти недостатки устранить. В трудный период рабочие показали себя подлинными хозяевами производства.

Слушая Анатолия Васильевича, я вспомнил небольшой эпизод, случившийся во время посещения предприятия зарубежной делегацией. Гости искренне удивились, услышав мимоходом брошенное замечание о том, сколько тысяч киловатт-часов электроэнергии, топлива и всевозможных материалов сберегают ежегодно труженики предприятия. И задали активному члену ПДПС, бригадире слесарей цеха № 6 Николаю Васильевичу Пуцейко «коварный» вопрос: какая ему лично выгода от всех неизбежно связанных с экономией хлопот. Тот ответил лаконично и исчерпывающе: «Завод-то не чужой — свой».

Завод действительно свой для таких людей, как Н. В. Пуцейко, отдающих ему большую часть своей жизни, связавших свою судьбу с его заботами. И связь эта — кровная, нерасторжимая — простирается из самой сути нашего общества. Помните: В. И. Ленин подчерки-

вал, что трудящиеся должны быть хозяевами производства. Хотя бы потому, что приучает людей не просто работать в курилке по поводу того или иного недостатка, а требует делового ответа: что можешь сделать для исправления этого недостатка лично ты и какая помощь, от кого тебе для этого необходима?

В данном случае выяснилось, что станочников не удовлетворяла система обслуживания рабочих мест: потери времени на очереди в инструментальную кладовую, на поиск и перевозку заготовок, вызов и ожидание ремонтников... Претензий, причем вполне обоснованных, набралось много. Но немало было и деловых предложений.

Все они были внимательно изучены, члены комиссии побывали во всех горячих точках, побеседовали с рабочими, выслушали мнения начальников цехов. Пришлось потревожить и другие отделы, подразделения, усложнявшие жизнь станочников некачественным литьем, несовершенством предлагаемой технологии и т. д. Лишь после такого всестороннего ана-

Получил пригласительный билет, в котором говорилось, что Совет ветеранов войны Aviации Дальнего Действия устраивает торжественное собрание, посвященное 40-летию образования этой авиации. Далее следовали стихи нашего однопольчанина поэта Виктора Перова:

Давно ушли на цели парни,
И до сих пор их нет назад...
Там, у истоков нашей Дальней,
Нам столько выпало утрат!
Но светлой памяти достоин
Сорокалетний этот путь:
Мы ждем тебя, наш славный
воин,
Чтоб вместе в юность
заглянуть.

Прочитал, вспомнил юность, и защемило сердце. Март 1942 года. Подмосковный авиационный гарнизон: красные кирпичные здания среди матовых сосен. Повсюду открыты глубокие щели — укрытия от бомбежек. Уже веяло весной, и на припеке звенела весенняя капель. Здесь формировалась наша 1-я дивизия Aviации Дальнего Действия, которой командовал полковник Иван Васильевич Филиппов. В нее входили: 101-й полк, командир — прославленная летчица Герой Советского Союза Валентина Степановна Гризодубова, 102-й полк под командованием майора Бориса Петровича Осипчука и 103-й, которым командовал опытный военный летчик, полковник Григорий Николаевич Божко.

Авиации Дальнего Действия были переданы все дальнебомбардировочные полки и подразделения, а подчинялась она непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Опыт полетов на дальние цели у советских летчиков был. Они уже сделали на Берлин более ста самолето-вылетов. Наносили удары и по военным объектам городов Восточной Пруссии. Командующим Aviацией Дальнего Действия был назначен генерал-майор авиации Александр Евгеньевич Голованов.

В апреле стали уходить на цели и парни нашей дивизии:

Дальний бомбардировщик Ил-4 идет на цель в глубоком тылу врага.

ДАВНО УШЛИ НА ЦЕЛИ ПАРНИ...

летчики, штурманы, бортмеханики, радисты, воздушные стрелки. И сейчас они встанут в моей памяти, все как на подбор молодые, сильные, смелые и красивые...

Война шла беспримерно жестокая, и бывало не так уж редко, что экипажи с заданий не возвращались. Бортмеханик Боря Чубыкин сгорел в воздухе над Курском; другие принимали смерть, рухнув на землю, как экипаж Бориса Кочиманова. Они упали на шоссе между Вильнюсом и Нововильейкой, где теперь стоит памятник погибшим. Летчик Витя Андрианов, красивый парень с фигурой борца, выбросился из пылающего самолета с парашютом над линией фронта. Ветер дул в сторону советских войск, и немцы расстреляли его в воздухе из пулемета. Он спустился на руки нашим пе-

хотинцам, но уже мертвый. Трагически погиб многоопытный командир эскадрильи Иосиф Миненков. А потом в экипаже летчика Александра Недорезова погиб и его сын — бортмеханик Коля, совсем юный, почти мальчик.

В потерях была, как нам казалось, какая-то роковая очередность: то все было благополучно, то не возвращалось два, три, а то и четыре экипажа за ночь. Тогда в помещении приходил адъютант эскадрильи и забирал личные вещи погибших. Потом с их коек уносили спальные принадлежности, и они стояли осиротелые как напоминание о наших горьких утратах.

А война шла своим чередом. В полки прибывало пополнение, с молодыми делились боевым опытом «старики». Командир корабля Константин

Романов летал прекрасно, воевал смело, расчетливо. После Победы стал летчиком-испытателем в Аэрофлоте. Бывший полярный пилот Петр Засорин превратился в отличного военного летчика, командовал эскадрилей, полком, а потом дивизией. Стал генерал-майором авиации. Успешно воспитывал молодежь командир корабля Петр Фоменко. Видимо, уже тогда у него наметилась педагогическая жилка: теперь он проректор университета в Тарту.

Появились в дивизии и особо отличившиеся. Героями Советского Союза стали летчики Борис Лунц, Алексей Буланов, Виталий Масленников, Иван Валухов, штурманы Иосиф Козлов, Николай Покачалов.

Полки выполняли различные задания. Бомбили передний край противника, ходили на дальние цели, выбрасывали десанты, доставляли партизанам боеприпасы, оружие, медикаменты. В этих полетах отличились многие наши летчики, и среди них Николай Слепов. Он много летал к партизанам Белоруссии, а потом к партизанам Чехословакии во время Словацкого национального восстания. Югославским партизанам он доставил радиостанцию большой мощности. При первой попытке его самолет сбили при подходе к линии фронта. Экипаж спасся на парашютах. Через день он полетел снова и выполнил задание...

За годы войны Aviация Дальнего Действия сбросила на войска и объекты противника свыше двух миллионов бомб различного калибра. Более двухсот ее воинов стали Героями Советского Союза. Летчики Степан Кретов, Александр Молодчий, Василий Осипов, Василий Сенько, Павел Таран и Евгений Федоров стали дважды Героями Советского Союза.

В разгром фашистского рейха Aviация Дальнего Действия внесла свою весомую долю ратного труда.

А. ГОЛИКОВ

лиза ПДПС завода приняло постановление с точными рекомендациями, кому именно и чем следует заняться, чтобы оказать действенную помощь механическим участкам.

— А какова отдача таких рекомендаций?
— Все они обретают силу закона, поскольку подкрепляются соответствующим приказом директора. Вообще надо заметить, что авторитет ПДПС на заводе весьма высок. Этому немало способствует внимание к нему со стороны администрации, общественных организаций, руководители которых считают своим долгом участвовать в нашей работе. Помню, как однажды возмутился директор, узнав, что на наше заседание не пожелал явиться руководитель одного из отделов, сославшись на нехватку времени. «Я не менее занятый человек, — заметил директор, — но время тем не менее нашел».

В повышении авторитета заводского ПДПС немалая заслуга его бессменного — на протяжении последних одиннадцати лет — председателя, коммуниста Б. С. Войтинского. Человек принципиальный, он сумел сплотить вокруг себя не просто знающих специалистов, но, что немаловажно, людей беспокойных, ради справедливости смело идущих на любой конф-

ликт. Характерный факт: принимая в свое время дела, Войтинский получил «в наследство» всего... три протокола совещаний. А недавно сдал в архив — 800! Причем за каждым живое, доведенное до конца дело.

Их ценность не только в сбереженных средствах и сверхплановой прибыли. «ПДПС — это прежде всего отличная школа рабочей инициативы, практические уроки которой равно служат и экономике и воспитанию у трудящихся коммунистического отношения к своим обязанностям, непримиримости к недостаткам». Эти слова электросварщика Г. Муравьева примечательны своей точностью.

...Напряженные задачи наметил коллектив предприятия на одиннадцатую пятилетку. Предстоит освоить немало новинок: многоопорные краны пролетом до 92 метров, краны шахтные грузоподъемностью 60 тонн и высотой подъема 120 метров, создаваемые впервые в мире мостовые краны для подготовки состава изложниц при скоростной разливке стали и многое другое.

«Соответствие лучшим мировым и отечественным образцам — ни на что меньшее мы не можем и не должны соглашаться» — эти слова Л. И. Брежнева, сказанные на XXVI съезде

КПСС, стали ключевыми для плана экономического и социального развития завода.

В разработке, реализации его немалая заслуга ПДПС, не упускающего из виду ни одного из важных для завода дел. Улучшение качества стального литья, использование АСУ, внедрение бригадного подряда — вот лишь краткий перечень вопросов, которыми занималось ПДПС в последнее время.

Результаты этой работы впечатляют в прямом смысле слова: «питомцы» завода нередко достигают высоты 50 метров и требуют для своей перевозки до 20 железнодорожных платформ. А точность изготовления их сейчас буквально микронная, что, в частности, позволило отказаться от контрольной сборки узлов и комплектовать будущие порталы краны прямо на складе. Это тоже принесло немалый экономический эффект.

Ну, а какова же социальная отдача деятельности ПДПС? Председатель завкома протянул мне телеграмму:

— Вот, получена из Сочи. Строим там свою базу отдыха. Еще одну — для рыбаков и охотников — реконструируем на побережье Финского залива. А в Лейденпольском районе возводим свое подсобное хозяйство...

С. Пен. Род. 1951. ПОРТРЕТ СЕСТРЫ. 1981.

Н. Костырева. Род. 1951. ПОРТРЕТ ГЕОЛОГА А. И. АМЕЛИНА. 1981.

Переговоры и впрямь затянулись. По дороге из отеля в офис фирмы «Розз энд Розз» Костров предупредил режиссера:

— Мы заинтересованы в продаже вашего фильма и надеемся получить за него хорошую цену. Но больше, чем в деньгах, мы заинтересованы в том, чтобы сохранить ленту такой, какая она есть. У вас авторское право. Не уступайте. По опыту знаю: любая купюра, которую предложит фирма, повредит, потому что они постараются выхолостить все главное.

И вот уже третий час подряд в кабинете братьев шел бой. Майкл Розз настаивал на сокращении времени демонстрации фильма до одного часа сорока пяти минут.

— Вот наш план перемонтажа.

Он протянул Кострову монтажный лист, переведенный за ночь на английский язык. Красным фломастером были помечены планы и эпизоды, которые, по мысли старшего компаньона, следовало убрать.

Костров перевел режиссеру предложения фирмы, и тот возмущился:

— Но тогда получится лента в духе обычного вестерна. Ничего русского и советского в ней не останется. Такие картины в Голливуде штампуют быстрее и лучше, чем мы, и с более популярными в Америке актерами.

— Но зачем вам понадобилось показывать ретроспективные куски довоенной жизни героя? — горячился Майкл. — Ну, например, что он ездил отдыхать на Кавказ за счет завода, или как он учился ночами, по вашему выраже-

сделать с фильмом, выхолостило бы его. Ведь идея — плоть этого фильма!

— Идея должна быть в любом произведении искусства, — поддержал Кострова режиссер. — Иначе оно мертво.

— Но поймите же вы, что я не коммунист и Канада — страна с совсем другим политическим устройством. Я прогору с вашим фильмом, потому что в нем ваша коммунистическая идея, — раздраженно ответил Розз-старший.

Костров рассмеялся.

— А чего же ты хотел бы? Чтобы коммунисты проповедовали в своих фильмах идеи капитализма?

— Нет, но общечеловеческие хотя бы! — взмолился Майкл.

— Коммунизм — идея общечеловеческая, — парировал Костров.

— Черт бы вас побрал! С вами нельзя даже торговать, не вдаваясь в политику, — буркнул Майкл. — Ладно, я подумаю и о своем решении сообщу тебе в Москву.

— Нет, ответ ты должен дать мне до отъезда. Если фильм не нужен тебе, его купят другие. Я намерен продать его до возвращения домой.

— Ты берешь меня за горло, Эндрю. Ты настоящая «акула империализма», как у вас говорят. Ведь мы — старые друзья и партнеры. Как же ты можешь грозить мне, что продашь ленту другим?!

— Я не угрожаю и не изменяю нашей деловой дружбе. Ты первый, с кем мы ведем переговоры об этом фильме. Но если ты не хочешь или не можешь купить, то, сам понимаешь, нам ничего иного не остается, как предложить его другим. И даже не предложить, а уступить, потому что ленту уже запросили для просмотра три фирмы здесь, на нашем континенте.

— Хорошо, — сдался Майкл Розз. — Ты получишь ответ до конца декады.

— Извини, старина, но так дело не пойдет. От твоего решения зависят мои дальнейшие планы: лететь домой или в Штаты и вести переговоры о продаже фильма с другой ком-

Майкл, наоборот, пришел в восторг.

— Мужской и женский монастыри на колесах! Это неплохо! Успеем соскучиться за дорогу, и тем радостнее будет встреча. Переведи твоему режиссеру, — попросил Майкл.

Костров не очень охотно перевел. Режиссер захохотал несколько громче, чем следовало бы.

— Кстати, Эндрю, мои предположения насчет братца и Мэри не оправдались. Как я сразу не сообразил, что эта птаха не для него?! А хороша! А? Ну, признайся, ведь очень хороша? — настаивал Майкл.

— Да, — односложно ответил Андрей.

Майкл удивленно поглядел на него и нажал на акселератор. «Крайслер» плавно тронулся и бесшумно покотился по асфальту.

Режиссер, стараясь скрыть неловкость человека, который не понимает, о чем говорят, с несколько повышенным интересом разглядывал пробегавшие за окном картины.

Ланч прошел в непринужденной обстановке. Костров объявил, что после окончания декады по поручению агентства «Луч» передает в дар синемаатеки советские фильмы. Он предусмотрительно договорился об этом с руководством объединения еще в Москве, зная, что национальная синемаатека недавно пострадала от пожара, в котором полностью погиб ее фильмофонд. Сообщение Кострова тронуло хозяев. Расставаясь с гостями, они тепло благодарили за дар, желали успехов декаде советских фильмов.

Оживленной группой вышли на улицу гости и хозяева. Их провожал и владелец ресторана «Волга» Порфирий Панков — духобор, отец которого выехал из Орловской губернии еще в конце прошлого века. Он неплохо, хотя и несколько смешно, говорил по-русски и был очень горд тем, что не забыл родной язык, и просил прислать ему Государственный флаг Советского Союза, чтобы повесить его над входом в ресторан.

— Это возможно? — спрашивал он. — Сколько стоит и эту... почтовый сбор я заплачу.

ДЕКАДА

нию, «без отрыва от производства», и бесплатно слушал лекции в университете? Это не имеет отношения к фабуле, замедляет действие, растягивает фильм. Ведь главное для зрителя — видеть, что он храбрый человек, герой, и как он воевал!

Но режиссер не мог согласиться с ним:

— Нет, не то. Для меня было важно показать, почему он храбро воевал, во имя чего рисковал жизнью. Только это облагораживает и возвеличивает его подвиг.

— А во имя чего сражались американские солдаты? — возразил Розз.

— Они тоже любили свою родину, но это иная любовь. Я же хотел показать истоки преданности советского солдата своей социалистической Родине, а не фильм о патриотизме вообще, абстрактном патриотизме.

— Не спорь, Майкл, — вмешался Андрей. — Ты ведь сам знаешь, что были и у Гитлера храбрые солдаты, но это не те герои, к которым ты или я можем относиться с уважением.

— Это — другое дело. То фашистские головорезы, и у них были совсем не те идеалы, за которые дрались мы, — раздраженно перебил Майкл.

— Верно, — вмешался Андрей, — в этом-то все дело — не те идеалы. А фильм как раз про идеалы, которые вдохновляли наших советских парней на подвиг. То же, что ты предлагаешь

панией. Я, честно говоря, устал и очень хочу поскорее домой.

— Сколько же времени ты мне даешь?

— Пять дней хватит?

— О'кэй, — кивнул Майкл и хмуро повторил: — Ты настоящая акула! Но, как у вас говорят, бодливой корове бог рогов не дает. Слава богу, что ты в России, а не у нас — от тебя бы не было спасения.

...Через три дня Розз-старший сказал Кострову:

— Я покупаю фильм.

В этот день советские гости вместе с Майклом Роззом и Мэри Фергюссон получили приглашение на ланч, устроенный руководителями национальной синемаатеки и общества любителей киноискусства.

Встреча была назначена в загородном ресторане с русским названием «Волга». Предстояло проехать более двадцати миль. Решили добираться на машинах Майкла и Мэри. Этим как бы подчеркивалось гостеприимство хозяев.

Получилось так, что советские актрисы уже успели подружиться с Мэри и сели в ее «мус-танг». Кострову и режиссеру не оставалось ничего иного, как разместиться в «крайслере» президента фирмы «Розз энд Розз».

Мэри приняла это с плохо скрытой досадой — она надеялась, что Андрей поедет с ней.

Хотите деньги вперед? — суетился Порфирий. Стали рассаживаться по машинам.

Мэри подошла к Кострову и негромко сказала:

— Эндрю, садитесь ко мне.

— Я бы сделал это с удовольствием, но ведь нельзя оставить Майкла с режиссером. Они не смогут общаться. В каждой машине должно быть по переводчику, иначе нельзя. Она покорно вздохнула и отошла.

Мэри позвонила в фирму, надеясь застать там Кострова. Ей повезло.

— Я очень прошу вас прийти в сквер возле станции метро. Я жду здесь на скамейке возле остановки автобуса. Вы приедете? — спросила она.

Мэри сидела, положив ногу на ногу и обхватив правое колено красивыми длинными пальцами. Слегка наклоненные вперед плечи были бессильно опущены. На ее прекрасном, почти лишенном косметики лице светились нездоровым, лихорадочным блеском глаза.

Андрею стало больно смотреть на нее.

Костров направился к Мэри. Увидев его, она поднялась и, не здороваясь, сказала:

— Давайте простимся...

— Конечно, — ответил он.

Она повела его на станцию метро, где под землей было много небольших магазинов.

— Купите мне что-нибудь на память, — просто сказала она.

Он растерялся от неожиданности и от сознания собственной вины. Какую тьму сувениров раздарил он в общем-то случайным людям. Ощущение собственной бестактности вконец расстроило его.

— Я пришел для вас в фирму, — сказал он и смутился еще больше.

— Хорошо, — согласилась она. — А сейчас купите хоть что-нибудь.

Они стояли возле магазинчика, где торговали журналами, газетами, книгами, открытками.

— Ну хотя бы виды вашей Москвы...

Андрей и его спутница зашли в магазин.

— У вас есть виды Москвы?

Миловидная чернокожая продавщица наморщила лоб и нос, пытаясь припомнить, потом радостно хлопнула в ладоши.

— Да, сэр! — Она приподнялась на носки и протянула руку к верхней полке.

А рядом на прилавке стоял мохнатый медвежонок.

Андрей перехватил взгляд Мэри, смотревшей на игрушку.

— Это маленький гризли, — сказала она, — или кадык. А какие медведи в России? Ведь недаром же говорят про вас: русские медведи.

Андрей улыбнулся.

— Наши медведи называются бурими.

— Значит, маленький медведь будет буренка?

Костров рассмеялся.

— Буренками у нас обычно зовут коров, а маленького медведя называют медвежонок.

— Нет, Буренок лучше, — упрямо сказала она и попросила: — Купите мне Буренку.

Когда медвежонок очутился в ее руках, она двумя пальцами потрясла его лапу и сказала по-русски: «Здравствуй, Буренок!» Затем добавила по-английски: — Уж ты-то будешь меня любить?»

Андрей повернулся к продавщице, протянувшей ему блок открыток.

— Здесь есть место, где вы живете? — спросила Мэри.

Андрей перебрал открытки и на последней увидел Химкинский речной порт. Снимок был сделан со стороны Тушина.

— Мой дом недалеко отсюда.

Она внимательно посмотрела и сказала:

— Красиво.

Потом попросила:

— Напишите что-нибудь на память.

Он полез в карман и с досадой подумал: «Опять потерял ручку». Она поняла и вынула из сумочки тонкий дамский «паркер»:

— Возьмите мою. Не отдавайте и не теряйте.

Костров хотел что-то сказать, но она перебила:

— Пишите по-русски.

Мэри взяла открытку, медленно и негромко прочла вслух: «Спасибо за помощь и дружбу. От всей души. А. Костров». Он увидел, что глаза ее наполнили слезы, но она не смахнула их и не сводила с него ослепленного взгляда. Он осторожно взял ее под руку. Она послушно вышла с ним из магазина, сделала несколько шагов и остановилась.

— Эндрю, скажите мне, что я могу приехать в Москву и что вы этого хотите.

— Я этого не хочу, Мэри.

— Ну и черт с вами! — Она не извинилась. — Будьте коммунистом или капиталистом, христианином или иудеем, буддистом или мусульманином — мне все равно. Но только будьте. Я стану тем же, кем и вы. Я буду драться за светлое будущее для всех или только для нас с вами, за бедных или за богатых. Мне все равно, лишь бы с вами.

Костров молчал. Они прошли еще немного, и Мэри вновь остановилась.

— Розз-старший предложил мне очень выгодный контракт — быть его администратором в Оттаве. На реактивном четырехместном самолете Майкла это двадцать минут полета от дома и в то же время очень далеко от жены и брата. И я буду встречать его. Пожалуй, буду ездить на аэродром встречать, — повторила она с какой-то упрямой решимостью.

Мэри поглядела на Кострова в упор, отчаянно и, пожалуй, зло. Это был взгляд, который дается человеку в редкие минуты жизни и который проникает каким-то чудом в святая

святых души человеческой. И она увидела то, что хотела увидеть и о чем сам Андрей не догадывался, потому что любил другую женщину, иную жизнь. Она догадалась, что сделала ему больно, и была рада, что хоть этим вооружалась в его душу.

А Костров вдруг понял каким-то неведомым ему доселе чувством, что Мэри угадала смятение, вызванное ее словами. Да, он не хочет, чтобы она продавала Майклу суррогат любви, но никогда не скажет ей об этом. Но почему? Из ревности? Нет, ревности не было — ведь он не любил ее. Тогда что же? Просто жалость к красивой женщине, которая устала драться за себя? Ну вот она и будет продолжать бороться, хотя разве это борьба? Майкл — сильный, обаятельный, мужественный и богатый — конечно, купит ее. Впрочем, он сумеет сделать это деликатно, так, чтобы не обидеть ее, соблюсти приличия. Она любит спортивные машины — у нее будет «порш» последней модели, или «кроссовер», или двухместный «мерседес», либо и то, и другое, и третье. Будет уютный коттедж на тихой и степной окраине города и изумительные вечера под пальмами где-нибудь на Гавайях или на берегу другого острова в Тихом океане. Но чего-то главного, что наполнило бы и освятило все это, не будет... И оттого эта красивая со стороны жизнь окажется такой пустой и унылой, а сама Мэри одинокой и в общем-то глубоко несчастной. Может, поэтому Кострову и было жаль ее.

Но она по-своему поняла его смятение и, желая усилить это состояние, добавила упрямо:

— Я буду встречать его на аэродроме в Оттаве и возить к себе домой. — Она сделала паузу и поправила: — К нам домой.

Ему вновь стало неприятно.

Костров предложил на закрытии декады показать новый фильм: он хотел воспользоваться присутствием режиссера и актрис. Розз согласился.

Создатели фильма обрадовались, так как им не терпелось проверить действительность произведения здесь, за океаном, на зрителе, воспитанном в основном на лентах Голливуда.

Фирма дала хорошую рекламу, и за два дня до просмотра все билеты были проданы. Возможность представить публике создателей ленты Андрей задумал использовать для откровенной беседы со зрителями, еще одного напоминания о том, что советские люди знают, что такое война, и не хотят ее. Новая кинокартина в этом плане была веским документом, и он, Костров, завершил им разговор со зрителем на декаде. Ни в Торонто, ни на Запад, куда уже отправили остальные фильмы, Майкл Розз эту картину не дал.

— Я пушу ее в прокат осенью, когда дожди и холод погонят людей в кинотеатры.

Костров не стал возражать против этого. Он был удовлетворен тем, что убедил владельца фирмы показать фильм на декаде хоть один раз. Ведь общественное мнение о ней формировалось именно здесь, в некоронованной столице государства.

В день заключительного показа Кострова разбудил телефонный звонок. Прежде чем подойти к аппарату, он взглянул на часы. Была половина восьмого утра. «Кто еще в такую рань?» — подумал он и снял трубку.

— Простите, Эндрю, это я. Всю ночь не сомкнула глаз и не выпускала из рук медвежонка. У меня очень тревожно на душе: я чего-то жду и боюсь, очень боюсь за вас...

— А медвежонок? — пошутил Андрей.

— Он тоже, — ответила она. И добавила: — Вы зря смеетесь, я верю в предчувствия. Если с вами что-нибудь случится, мы с Буренком этого не переживем.

До вечера он не видел Мэри, но она дважды звонила ему. Один раз она застала Андрея в фирме, второй раз уже под вечер дома, куда он заехал переодеться перед кинотеатром. В голосе ее угадывались напряжение и тревога. Эти чувства передались и ему, хотя он не понимал причин. Теперь он тоже ждал удара.

Когда Костров заехал в отель за москвичами, те были в прекрасном настроении. Предвкушение встречи со зрителями радовало их.

В кинотеатр приехали перед самым началом

сеанса. «Шевроле» медленно тащился по улице, стиснутый потоком машин. Впрочем, задержка никого не взволновала: еще раньше решили, что Костров представит артистов публике после окончания сеанса. Так разговор будет предметнее.

Когда в зале зажегся свет и две очаровательные актрисы, держа за руки режиссера, вышли на небольшую авансцену перед экраном, разразившиеся аплодисменты не смолкали несколько минут. Зрители поднялись со своих мест и двинулись к экрану. К кинематографистам обратились на русском, украинском, польском, английском и французском языках. Их благодарили, у них просили автографы. Люди тянули к ним руки, размахивая книгами, журналами, газетами, проспектами, блокнотами и просто листками белой бумаги.

Костров увидел, как из толпы выбрался невысокий коренастый старик. Он направился в угол зала, поднялся на авансцену и подошел к режиссеру.

Старик хотел что-то сказать, но не находил слов. Вдруг он упал на колени, схватил руку режиссера и стал целовать ее.

Растерянный режиссер пытался отнять руку, но это никак не удавалось, и он смущенно восклицал: «Что вы делаете? Прекратите! Не нужно!» Однако старик не слушал его и, не отпуская руку, припал к ней на мгновение щекой, шепча что-то. Потом вдруг поднялся и сказал не режиссеру, а в зал с какой-то отчаянной решимостью:

— Громкий я, Иван... с-под Полоцку. Усе туточки правда, правду ен показав... Спасибо тебе, сынку, спасибо вам усім, спасибо нашей России, что она есть... А мы... эх... — Он безнадежно махнул рукой, тяжело ступая, спустился в зал и скрылся в толпе притихших вдруг зрителей.

Костров глядел вслед этому простому, одиозному, очевидно, оступившемуся когда-то солдату и вспоминал вдруг другого человека. Несколько лет назад он встретился с ним в Соединенных Штатах. Это был высокообразованный старик. Его фамилия в прошлом не раз упоминалась в одном ряду с самыми выдающимися мастерами русского искусства и литературы. В давние нелегкие для страны двадцатые годы он покинул Россию. Сначала перебрался в Западную Европу, потом, спасаясь от гитлеровцев, уехал за океан. Он обосновался здесь, стал профессором университета, разбогател, но в начавших покрываться старческой катарактой глазах жила такая печаль, что Костров подумал: «Да, и впрямь не хлебом единым...»

Около трех часов они провели вдвоем, обедая в столовой, разместившейся на первом этаже нового здания Массачусетского технологического института. За окном осенний ветер швырял дождевые капли на пожелтевшие листья кленов, морщил лужи.

— Осень всюду одинакова, — сказал Андрей.

— Почти, — неопределенно ответил старик. — Бостон — самый европейский город в Штатах. Не русский, конечно, но все-таки Европа. А осень здесь особенно страшна...

В словах старика открылась такая глубокая тоска по родине, что Андрей тут же перевел разговор на другую тему. Тяжело было видеть эту незаживающую душевную рану. «Как сложны и как просты судьбы людские, — подумал Андрей. — И как велик дух человеческий, если еще в древнем мифе он так точно определил трагедию человека, оторвавшегося от родной земли. Да, нет счастья вне своей страны, нельзя безнаказанно оторваться от матери, которая родила тебя...»

Андрей увидел Мэри сквозь витринное стекло фойе кинотеатра на подземной улице. Левою рукой она прижимала к груди медвежонка. Его поразило выражение тревоги на ее лице. Огромные глаза нервно щурились и почему-то казались еще больше, а лихорадочный блеск зрачков еще прекрасней. Она увидела Кострова издали и на какое-то мгновение успокоилась. Андрею даже показалось, что она улыбнулась ему, но это длилось лишь мгновение.

Последние зрители вошли в зал, и оттуда послышались первые аккорды музыкальной фонограммы.

— Я так волновалась, — виновато сказала

Мэри. И тут же добавила, будто оправдываясь: — Я даже не могла сесть за руль и приехала на такси. Эти два критика приехали из Чикаго специально для того, чтобы встретиться с известным советским режиссером.

Она улыбнулась мило и жалко, потом овладела собой и представила двух молодых мужчин. Оба они были длинноволосы, в больших роговых очках. «На кого они похожи?» — подумал Андрей и не смог вспомнить. От этого чувство тревоги еще больше усилилось.

Критики плохо знали советское киноискусство. Костров едва успевал переводить их вопросы и ответы режиссера. На некоторые вопросы отвечал сам, но и тогда все равно ему приходилось переводить их вопросы и свои ответы, чтобы всем было интересно. В то же время он пытался вспомнить, на кого они похожи.

Заговорили о творчестве Сергея Эйзенштейна и, естественно, о проблемах формы и содержания в современном киноискусстве. Атмосфера полемики накалялась. Андрей активно участвовал в ней, но мысль его продолжала тревожить загадка: «Кого они мне напоминают?»

Из зрительного зала донеслись звуки баяна и слова протяжной солдатской песни. Фильм подходил к концу.

А спор был в самом разгаре. Переводить становилось труднее, так как говорить пытались все сразу, перебивая друг друга, темы искусствоведения переплелись с политикой, историей, психологией. Молодые люди ежесекундно поправляли очки, а известный режис-

сер забыл, что ему не к лицу говорить слишком быстро и жестиковать при этом руками. Обе актрисы предпочитали сидеть молча, с приличествующей моменту маской серьезности.

«Так кого же они мне все-таки напоминают?» — снова подумал Андрей, ни на минуту не прерывая перевод.

Из зала донесся грохот танков.

— Пошла последняя часть, — сказал режиссер. — Через десять минут нам выходить. — Вдруг глаза его испуганно расширились: — У меня нет с собой ни одного буклета по фильму, ни одной фотографии!

— Да, досадно, — согласился Костров.

— Не досадно, а просто катастрофа. Как выступать без этих материалов? На чем я и мои очаровательные коллеги будем писать автографы? Не подумайте, что меня волнует слава, нет, но это возможность лишний раз напомнить о нашем борющемся киноискусстве, не так ли? — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Согласен, — сдержанно ответил Костров. — Но все это лежит в офисе фирмы, а я не могу сейчас поехать туда, оставив вас одних.

— Я понимаю, но как же быть? Без этих фотографий нельзя. Я же специально вез их из Москвы! — сокрушался режиссер.

Костров понимал, что получилось нескладно и виноват в этом в первую очередь он сам. Именно он забыл фотографии на столе в офисе. Нужно поехать за ними, но как можно оставить сейчас делегацию? Познаний Мэри

для такого разговора явно недостаточно. Отлучись он, Костров, на двадцать минут, и никто не знает, какие мысли вложат критики в уста советского режиссера из-за неточного перевода. Ведь они сказали, что будут писать о его творчестве большую статью...

Мэри внимательно следила за происходящим. Она угадала, что волновало Кострова, и на минуту задумалась. Затем в ее глазах вспыхнула радостная искорка.

— Эврика! — сказала она. — Дайте ключи от вашей машины, Эндрю.

Он не понял.

— Ну, вы же не можете уехать, а я мигом вернусь. Но я без машины, такси сейчас поймать не сразу...

Андрей благодарно поглядел на нее. Мэри сидела рядом с критиками. На подлокотнике кресла лежало ее легкое пальто, а на нем примостился медвежонок. Мэри держала его двумя пальцами за левую лапу и улыбалась. Пышные волосы спадали на плечи. Верхняя пуговица костюма была расстегнута. Воротничок приоткрыл ее красивую шею. Андрей различил крошечную родинку, которую заметил еще тогда, на озере.

Она смотрела ему в глаза открыто, доверчиво, просительно.

— Дайте мне ключи от вашего «шевроле».

Он медленно опустил руку в карман пиджака, нащупал ключи и протянул их Мэри.

— Я мигом. Пока вы представите их, потом они будут что-то говорить, и вы тоже. Словом, у меня есть минут двадцать, двадцать пять. Я успею...

Она так быстро поднялась, что он едва успел подать ей пальто. Мэри на ходу подхватила его и с медвежонком в руках скрылась в дверях. Последнее, что он увидел, это рассыпавшийся по плечам шелк волос и стройную фигуру.

Мэри поднялась наверх, отыскала машину Андрея, уселась поудобнее, передвинув сиденье по своему росту. Впервые за этот день на душе у нее было спокойно. Она радовалась, что может помочь Кострову.

Осторожно вывела «шевроле» из ряда выстроившихся у тротуара машин. Два «крайслера», два «бьюика», два «форда», один «пontiак», машинально подсчитывала она, объезжая стоящие машины.

Из «пontiака» вылез человек и быстро пошел к телефону-автомату под небольшим козырьком...

В тот самый миг там, внизу, в фойе кинотеатра, Костров вдруг вспомнил: «Они похожи на портреты батьки Махно!» — и удивился неуместности и нелепости этой мысли.

Режиссер был раздосадован: фотографии так и не попали вовремя, однако разговор получился хороший и полезный. Казалось, Костров должен был остаться довольным, но он почему-то нервничал, что было неприятно и режиссеру и хорошеньким артисткам.

Костров позвонил Майклу.

— Мэри уехала в девять часов пятьдесят минут, — сказал он, — и не вернулась. Прошло уже больше часа.

— Возьмите такси и поезжайте в отель. Я буду ждать вас там, мы вместе поужинаем. А о Мэри сейчас же наведу справки. Наверное, что-нибудь с машиной.

— Но она бы сообщила.

Майкл ничего не ответил.

Полицейский инспектор был грубоват. Он бесцеремонно встал между Костровым и кинематографистами, когда они вышли из такси возле отеля.

— Вы мистер Костров?

— Да.

— У вас угнали машину?

— Нет, я дал ее сотруднице для деловой поездки.

— Можете ли вы избавиться от своих спутников на тридцать минут? То, что я покажу вам, не для их нервов.

Но это было и не для его нервов.

Она лежала на мраморном столе в подвале morga. Включили два светильника.

— Узнаете?

...Вопреки рекламным проспектам рулевая колонка не сложилась, и Мэри разбила голову о руль.

В комнате наверху полицейский инспектор задал Кострову несколько вопросов. На письменном столе лежал Буренок. Костров смотрел на него, не отрываясь.

— Было в машине. Ваше? — спросил инспектор.

— Да.

— Можете взять.

Андрей взял игрушку в руки. На шерсти было несколько темных пятен. Ворсинки слиплись и затвердели. «Кровь... Ее кровь», — понял Андрей.

В ночном выпуске новостей все телевизионные каналы передали сообщение о катастрофе. Показывали пленку с места происшествия. Вот тело Мэри с трудом извлекают из машины. «Она любила придвигать сиденье близко к рулю», — вспомнил Андрей, — но при таком ударе это ничего не меняло. Рядом с исковерканным «шевроле» стоял «даймонд» с поврежденным радиатором. На экране еще был виден поднимающийся от воды пар.

Диктор бесстрастно пояснял, что «шевроле» был зажат между двумя тяжелыми грузовиками. Затем передний резко затормозил, и «шевроле» врезался в него, а второй ударил легковую машину сзади. Потом оба шофера ударили на переднем «даймонде» и бросили его в полтора милих от места происшествия. Задержать преступников не удалось. Полиция ведет поиск.

«Шевроле» был взят в аренду советским кинопродюсером Андреем Костровым. Мистер Костров неоднократно получал предупрежде-

ния о готовящейся расправе. Однажды уже была совершена попытка покушения.

На рассвете приехал из Оттавы советник и с ним еще два сотрудника посольства, чтобы проводить Кострова. Вечером того же дня он улетал на Родину. Похороны откладывались на неопределенное время, так как откуда-то из Латинской Америки должны были прибыть родственники погибшей.

В последний раз перед возвращением домой заехал Костров в офис фирмы «Розз энд Розз». Его встретила заплаканная Энн.

— Мэри успела подобрать всю прессу о декаде. Газеты лежат на нашем столе. Она просила меня передать, что интересующие вас заметки обведены красным фломастером. Энн не сдержалась и зарыдала.

Газеты были аккуратно сложены и открыты на тех страницах, где помещались интересующие Кострова заметки.

В них отмечался успех «русской», как они ее называли, декады. Одни признавали это с горечью, другие — более доброжелательно. Но главный вывод был сделан обозревателем «Ивнинг стар» в большой статье. «Нашим соотечественникам, родившимся после войны, впервые без прикрас показано, что такое война, какой неизмеримо дорогой ценой была добыта победа над гитлеризмом и какой огромный, решающий вклад в нее внесли Советы».

Это был бесспорный успех.

Андрей вновь подумал о Мэри...

— Дело сделано, — сказал Майкл Кострову, когда они пили кофе в кабинете братьев Розз. — Причем сделано неплохо. Мы заработали больше, чем предполагали.

Кострова неприятно поразил тон старшего компаньона, и он намекнул ему об этом.

— Что поделаешь, Эндрю, жизнь — всегда война. Кто-то побеждает, кто-то погибает... А девочка была чертовски хороша...

В этот миг Андрею захотелось съездить Майклу по довольной физиономии.

Майкл угадал настроение Андрея.

— Ну ладно, парень, я рад за тебя.

— День для радости не самый удачный. Да и доволен я в основном не заработком.

— Знаю... знаю, с кем имею дело, — кивнул Майкл. — Может быть, плюнем на дела и махнем дня на три на Север, на рыбалку? Там изумительная природа, а лососи сами идут в руки.

— Нет, я поеду домой, — сказал Костров.

Майкл нахмурился.

— Не сердись, ты должен понимать меня, — продолжал Андрей. — Нелепость и несправедливость такой смерти... Ведь здесь не фронт... Если бы они расправились со мной, в этом было бы больше логики...

Костров с советником посольства и его сотрудниками приехали на аэродром за час до отлета. Майкла Розза и других провожающих еще не было.

— Мы пойдем выпить по чашке кофе, — предупредил Костров девушку, дежурившую у стойки «Аэрофлота».

Здесь же, в здании аэропорта, на втором этаже была целая галерея рестораников, кафе, баров и магазинов. Они зашли в крошечное, задрапированное шкурами и украшенное предметами эскимосского быта кафе, которое называлось «Биглоо».

Здесь и нашел их Майкл Розз.

— Э-э, парень! Так не делаем, — начал он прямо с порога, выговаривая Кострову. — Там собрались провожающие, а вы здесь преспокойненько потягиваете кофе.

Андрей извинился:

— Думал, успею.

Старший Розз взял Кострова под локоть.

— Ты такой хмурый, будто не домой летишь, — сказал он. — Я все понимаю, однако крепись.

— Я очень устал, — ответил Андрей.

Обычно возвращение домой бывало едва ли не самым счастливым временем в любой командировке. Но сейчас, в эти предотлетные минуты, он, пожалуй, испытывал только боль и тревогу. Они переполняли его, вытесняли чувство ожидания счастливой встречи, притупляли радость одержанной победы.

Попрощавшись, он прошел таможенный до-

смотр, миновал пограничников и бесконечными подземными переходами направился к выходу на летное поле, легко ступая по резиновой дорожке движущегося транспортера.

Наконец он оказался у самолета. Сел мелкий дождь, и его капли, попадая за воротник, неприятно холодили шею.

Костров оглянулся. На крыше аэропорта была смотровая площадка для провожающих. Он поискал глазами и увидел Майкла Розза с женой, Эйба, Энн... Мелькнула мысль: «Мэри, конечно, была бы здесь»... Он стал подниматься по трапу.

Стюардесса, улыбувшись, сказала: «Добро пожаловать!» — и Андрей скрылся в люке самолета.

...Когда они наконец совершили посадку в аэропорту Шереметьево, был чудесный майский день. Солнце заливало поле аэродрома. Не успевшая еще пожелтеть трава ярко зелела между белыми лентами взлетных и посадочных полос. Все вокруг искрилось весенней радостью, которая передавалась людям. И все же на душе у Кострова было тревожно.

Войдя в зал для встречающих, он увидел Сашеньку, Анютку, отца, мать, Геннадия Сергеевича. Андрей замер на миг, прижав к себе жену, и вдруг почувствовал, будто петля захлестнула ему горло и давит, давит. Это длилось лишь миг, но Сашенька что-то почувствовала и вопросительно заглянула ему в глаза.

— Что с тобой, родной?

— Ничего, все в порядке...

Андрей брился после душа, а Геннадий Сергеевич стоял рядом и, дымя большой черной трубкой, рассказывал:

— Вчера в агентстве было партийное собрание. Выступал председатель, хвалил тебя. Сказал, что из посольства пришла бумага и в ней дана высокая оценка декаде... Кстати, ты еще не знаешь. Через месяц — Неделя советского фильма во Вьетнаме, в основном в Ханое. Его сейчас здорово бомбят. Председатель отметил, что эта неделя — дело особенно ответственное. Ее проведение, наверно, поручат тебе...

Когда сели ужинать, было начало десятого. Анютка включила телевизор. Всем хотелось посмотреть программу «Время».

Прошли сообщения по нашей стране, потом из-за рубежа.

— Сейчас будут спортивные новости. Это уже неинтересно, — проговорила Анютка, как вдруг диктор сказал:

— Вчера в Монреале закончилась декада советских фильмов, посвященных двадцатипятилетию победы над фашизмом. Канадская печать, радио и телевидение дают высокую оценку представленным на декаде кинопроизведениям. По словам газеты «Ивнинг стар», это была впечатляющая демонстрация кинодокументов и художественных лент о борьбе советского народа за достижение победы над гитлеризмом. Главный вывод, который могут сделать те четверть миллиона канадцев, что просмотрели русские фильмы, состоит в том, что народ, такой ценой завоевавший победу, не может хотеть войны.

Мы попросили нашего корреспондента в Канаде Ивана Николаева взять краткое интервью у руководителя делегации деятелей советского киноискусства на канадской декаде известного постановщика и актера Вячеслава Коренкова. Вот что он рассказал.

В кадре появился маститый кинематографист, а на втором плане две артистки слушали о чем-то увлеченно говорившего Майкла Розза...

— Я счастлив, что мы — делегация деятелей советского киноискусства — с честью выполнили нелегкую задачу, возложенную на нас. Декада в Монреале прошла успешно. Это итог напряженного труда моих очаровательных коллег и нашего гостеприимного хозяина, канадского продюсера мистера Майкла Розза...

— А ты? — спросила Анютка и вопросительно поглядела на отца. У Сашеньки от обиды навернулись на глаза слезы. Примолкли мама с отцом.

Андрей переглянулся с Геннадием Сергеевичем. Тот выпустил клуб дыма, и они улыбнулись друг другу.

КОЛЫБЕЛЬ МОЯ, ГОРДОСТЬ МОЯ — БЕЛАРУСЬ

Геннадий Буравкин

Начало см. на стр. 1.

Да, любовь к Родине, как и всякая другая большая, настоящая любовь, обязательно побуждает к признанию, к повторению тех святынь, заветных слов, которые с годами не стареют и не обесцениваются, а только обогащаются опытом и чувствами новых поколений. Я не боюсь и не стыжусь высоких слов, потому что о родном народе, родной земле не пристало говорить застиранными, будничными фразами, и бойкая бытовая скоропись не может в этом случае помочь сиюминутной доверительности и естественности разговора.

Справедливо говорится, что Родину, как и мать, не выбирают. С нею рождаются и умирают, с нею мужают и торжествуют, делами, жизнью и даже смертью своею стараясь принести ей радость и утешение. С нею тревожатся и плачут, но не меняют ее. Это совсем не значит, что за отчим порогом и свету нет, что соседская боль не печалит, а счастье не веселит. Но ведь и тогда, когда у других матери оказываются красивее или богаче, самой близкой и дорогой остается своя, единственная, неповторимая, родная.

Помню осень 1975 года, когда мы, группа советских журналистов, ездили по Соединенным Штатам, у нас было много встреч с коллегами-газетчиками, студентами, бизнесменами. Среди многого прочего меня тогда особенно поразило поистине дремучее незнание нашей страны, реалий нашей повседневной жизни самыми разными американцами. Когда я называл, например, свою республику, довольно часто от людей, в общем-то благожелательных и добрых, слышал просьбу объяснить, где это и что это такое. Меня это удивляло, возмущало и даже обижало. Как можно ни разу не слышать про целый народ, не иметь представления о члене Организации Объединенных Наций, о земле, искромсанной фашистскими изуверами и выстоявшей в огне и руинах? А ведь история моей Родины представляется мне не только достойной уважения и внимания, но и глубоко поучительной для нынешнего мира.

На разноцветной карте очертания Белоруссии напоминают зеленый кленовый лист с голубыми прожилками рек и серебряными капельками озер. На кленовых листьях раньше в деревьях пекли душистый хлеб — и об этом хочется все время помнить. Правда, не только моим далеким прадедам, а и дедам, которых я еще застал на земле, часто не хватало этого хлеба. «Есть на Руси немало мест холодных и голодных, но мало можно найти обширных краев, таких скорбных и бедных, какова Белоруссия», — констатировал в 1879 году автор книги «Белоруссия и белорусы» Р. С. Попов. Не потому ли и песни наши народные из века в век были тягуче-грустными? Не потому ли в пожелтевших рукописях и фолиантах земляков наших не найти описания блистательных балов и охотничьих разгулов? Не потому ли таланты, рожденные в Полесье или у Западной Двины, искали покровителей за тысячи километров от родных мест? Польские магнаты и царские сатрапы, каждый на свой манер, безжалостно и методично вытесняли в душе белоруса его человеческое достоинство и гордость, вырывали его память и культуру, да еще и насмехались над ним. Петля и нагайка, тюрьма и кандалы ожидали любого, кто не только хотел свободы и справедливости, а и просто говорил на материнском языке. Не все, наверное, поймут нестерпимую униженность и отчаяние такого положения, но все, очевидно, поймут полноту людского счастья, когда с ними было покончено. Страшный мир капитализма тянул мой отчий край в бездну безысходности и забвения (и я сам реально увидел отзвуки этой бесчеловечной политики во время той моей американской поездки), а ленинский Октябрь широко распахнул перед ним двери в созидание.

Когда я с трепетом перелистываю теперь страницы белорусских газет двадцатых—тридцатых годов, мне словно перехватывает дыхание от порывов удивительного освежающего ветра. Не трудности, нет, хоть было их куда как много, а безмерная жажда деяния определяет атмосферу, особенность тех лет. Люди работали неистово, самоотверженно и упоенно. Сразу десятками хлынули, как мы говорим, из народных глубин таланты. Свободно, певуче и широко, равным среди равных, зазвучало белорусское слово. Открылся Белорусский государственный университет — первый в истории Белоруссии. Организовалась Академия наук — первая в истории Белоруссии. Возводилась электростанция — первая в истории Белоруссии... «Первые», «впервые» — эти слова созвездием вспыхивают на ясных горизонтах становления и утверждения Белорусской Советской Социалистической Республики.

Работая над поэмой «Ленин думает о Белоруссии» (в русском переводе она называется «Четыре думы о Белоруссии»), я вновь и вновь поражался гигантской деятельности Владимира Ильича, который успевал позаботиться и о неприметном крестьянине, и о частной библиотеке, и о голодающих детях, и о запутавшемся в самом себе интеллигенте, и мудрости Ленина, отозвавшейся и до сих пор отзывающейся в судьбах многих народов. Великий вождь пролетариата понимал, что не может быть могучего древа без корней и нового государства без памяти

предков. И моему народу были возвращены имена восточнославянского первопечатника Франциска Скорины, выдающегося революционера, одним из первых в Европе соединившего революционную теорию с революционной практикой, Настуся Калиновского, искромсанные и оплеванные царской цензурой печальные песни мужицких поэтов. Это была великая победа принципов новой национальной политики, одно из самых ярких и плодотворных завоеваний Октября. И в Белоруссии вскоре родились совсем иные песни, не тягуче-горестные, а радостно-широкие. Над всей страной взлетели полные оптимизма и достоинства слова одной из них: «Бывайте здоровы, живите богато!»

Честно добытое счастье надо уметь не только ценить, а и защищать. Это мы знаем хорошо. Да и умеем тоже неплохо.

Партизанская борьба белорусского народа в годы Великой Отечественной войны — замечательная страница в летописи подвигов советских людей. Она вспыхнула и разгорелась не просто как естественный протест против зверств гитлеровских оккупантов, против насилия, рабства и вандализма, а как осознанное патриотическое движение в защиту завоеваний Октябрьской революции, в защиту ленинских идей.

Она неудержимо развернулась сразу же после начала войны, как только кованый сапог врага нахально ступил на наши границы, и не свертывалась ни на мгновение, пока ненавистные захватчики не были вышвырнуты с территории Советской страны. Не смелым поэтическим образом, а абсолютно точным отражением действительности были слова о том, что земля горела под ногами фашистов, что в них стреляли каждое дерево, каждая руина. Гитлеровская газета «Дойче алгемайне цайтунг» писала 22 мая 1943 года: «Даже с виду безобидные женщины, собирающие ягоды и травы, крестьяне, направляющиеся в город, являются партизанскими разведчиками. Нередко в крестьянских избах полевая жандармерия обнаруживает радиоаппараты, поддерживающие связь с ближайшим партизанским отрядом». Четыреста сорок тысяч жителей Белоруссии сражались в рядах народных мстителей и подпольных групп.

Самоуверенная нацистская пропаганда предвещала молниеносный крах всех институтов Советской власти, массовое отречение от законов коллективной жизни на оккупированной штурмовиками фюрера территории. Но и под угрозой смерти мои земляки не отказались ни от одного ленинского завета. Более того, в удушающем кольце блокады и карательных экспедиций, под визг бомб и треск автоматов они поднимали красные флаги над школами, заводами, сельсоветами. До прихода Советской Армии оставались непокоренными многие районные центры, на заседаниях райкомов партии вместе с организацией отпора врагу рассматривались вопросы весеннего сева и работы хлебопекaren, планы культурного обслуживания населения и подготовка к праздникам. В Россонах в декабре 1942 года был открыт партизанский дом отдыха — «для культурного отдыха и оздоровительных мероприятий», как говорилось в приказе комбрига Р. Охотина...

Я помню горячее, багровое небо над лесными деревнями, помню удушливый ветер, не прилетающий, а словно приползающий от страшных пепелищ, которые оставались от сараев и школ, сожженных вместе с загнанными в них стариками, женщинами, детьми. На единственном в мире кладбище деревень в Хатынском мемориальном комплексе покоятся почти две сотни горстей серой подзолистой земли, принесенные оттуда, где уже нет больше ни хат, ни садов, ни колодцев, ни горластых петухов, ни медлительных коров, ни человеческих голосов, поглощенных адским пламенем. На черной мраморной плите — строгие цифры и буквы, сообщающие, что Советская Белоруссия потеряла в годы войны свыше 2 миллионов 200 тысяч человек — каждого четвертого своего жителя... Когда такой ценой платят за свободу и независимость, разве можно сомневаться в людской негибкости, в преданности избранному пути?

Партизанская война в Белоруссии была всенародной и по размаху и по содержанию. В дни больших праздников мы в семье ее героев вспоминаем и знаменитого деда Талаша, пришедшего в отряд в свои сто лет, и юного Марата Казея, погибшего в бою накануне своей пятнадцатой весны, и семидесятилетних братьев Чуба, заманивших гитлеровцев в непроходимые лесные дебри, и неизвестного десятилетнего мальчика, работавшего на партизанской кухне и заменившего там одного взрослого, о чем вместе со сводкой боевых действий сообщалось в ЦК комсомола Белоруссии. Война пробудила в людях неведомые им ранее силы и способности. Умелыми, бесстрашными командирами народных мстителей стали инженер Константин Заслонов, директор картонной фабрики Минай Шмырев (Батяка Минай), агроном Владимир Лобанок, учитель Петр Машеров, удостоенные за свои ратные подвиги звания Героя Советского Союза. Представители самых мирных профессий, они овладели премудростями военной науки и выигрвали у вышколенных гитлеровских генералов битву не только оружия, но и умов.

И еще одно, о чем никогда нельзя забывать, — партизанская эпопея Белоруссии была замечательной школой интернационализма. В отрядах лесных солдат сражались представители более чем семидесяти наций и народностей СССР. И слова народного поэта республики Янки Купалы «Партизаны, партизаны, белорусские сыны!» с полным правом относятся к русскому Алексею Данукалову, грузину Владимиру Талаквдзе, украинцу Дмитрию Короленко, узбеку Мамадали Тапывал-

дыеву, калмыку Михаилу Хонинову, к сотням и тысячам братьев из союзных советских республик, отвоевавших нашу свободу.

В Хатыни на скорбном холме из черного мрамора растут три березки. Там, где должна была тянуться в небо четвертая, тихо колыхается Вечный огонь — как негасимая память о той, погибшей четверти нашего народа. Нет у нас такой семьи, где бы не оплакали отца или сына, мать или дочь, нет такого километра дорог, где бы не стоялobelisk в память о павших. Мы всегда помним погибших за спасение нашей земли. И понимаем, что, если бы не их героизм и их жизни, не было бы на хатынском холме и трех живых березок...

Время стирает следы войны — и скоро их совсем не останется. Что ж, так и должно быть. Потому что всегда побеждает жизнь — это высший закон из всех существующих на земле. Но пока есть жизнь, должна жить и память. Память людей. Память народа. Память истории...

Я помню наши послевоенные города. Полоцк, вернее, то, что от него осталось. Минск — груды закопченного кирпича. Витебск — задымленные остовы заводов. Такими же были Могилев, Гомель, Орша, Брест... Казалось, не хватит сил, чтобы поднять все из руин, чтобы вспахать и засеять исковерканные тротилом и свинцом поля. Подалеко не полным подсчетам, общий материальный ущерб, нанесенный Белоруссии немецко-фашистскими захватчиками, составил тридцать пять ее годовых бюджетов предвоенных времен. Эксперты бывших союзников нашей страны, посетив Минск, со всей ответственностью заявили: только для того, чтобы вернуться к уровню 1940 года, республике потребуется не менее ста лет... Теперь об этом можно вспоминать с улыбкой. Но сколько же труда и самоотверженности потребовало опровержение этих зловещих пророчеств! И опять рядом с белорусами были надежные братья — русские и украинцы, узбеки и грузины, казахи и молдаване, армяне и азербайджанцы. В Минск прибывали вагоны со строительными материалами и оборудованием из Москвы и Ташкента, Киева и Алма-Аты, Баку и Еревана. Оседала горькая пыль руин — и над обломками неумолимо тянулись ввысь новые дома, а в утренней мирной тишине пробовали свои голоса гудки заводов. Уже в конце 1945 года в республике действовало свыше 1600 крупных промышленных предприятий. А в октябре 1947 года на дороги выбежали первые пять зубров на радиаторах могучих самосвалов. А вскоре с конвейера тракторного сошли первые знаменитые ныне тракторы «Беларусь»...

Говорят, что статистика — сухая наука, а перечисление цифр и процентов — скучное, утомительное занятие. Когда как. Разве могут оставить равнодушным такие, например, данные: промышленность БССР теперь выпускает продукции почти в 30 раз больше, чем в 1940 году. В первом году новой пятилетки сверх плана выдано промышленной продукции более чем на 276 миллионов рублей, в том числе свыше чем на 80 миллионов рублей товаров народного потребления; впервые в закрома Родины засыпано миллион восемьсот тысяч тонн зерна, на 502 тысячи тонн больше среднегодовых закупок в десятой пятилетке... Вот что значит добросовестная работа в дружной семье!

Когда-то считалось, что земля Белоруссии, под стать ее сыновьям, бесхитростна и убога, кроме торфа да дегтя, и похвастаться ей нечем. А оказалось, что в недрах ее дремлет нетронутая кладовая, в которой покоятся и железная руда, и различные соли, и нефть, и гранит, и даже уголь. Может, опять кому-то покажутся слова мои смелым поэтическим образом, но, как и душу белоруса, душу земли нашей высветили прожекторы «Авроры» и открыли в ней подспудные силы.

Я очень люблю наши молодые города. Может, потому, что они закладывались и росли на моих глазах. Может, потому, что они олицетворяют новые отрасли промышленности республики.

Особенно я люблю Новополоцк, младшего брата тысячелетнего Полоцка, красавца на берегу Западной Двины. Каждый третий его житель имеет высшее образование. Здесь выпускается более ста марок и композиций отечественного полиэтилена, работает одна из крупнейших в Европе установок первичной переработки нефти. Зарубежные гости часто удивляются, как это удалось за короткий период построить такой промышленный комплекс. На подобные вопросы очень хорошо ответил один из первостроителей Новополоцка — дагестанец Роман Осипов: «Я знаю три строительных материала, из которых такими скачочными темпами возведены нефтегигант и город. Это металл, бетон и дружба. Последний — самый прочный!» Создали Новополоцк посланцы сорока семи национальностей...

Я люблю свою милую, лесную и озерную, певучую и гостеприимную, партизанскую и заводскую Советскую Белоруссию всеми силами ума и сердца и хотел бы еще много рассказать о ней. Но ведь о матери можно говорить без конца. Я благодарен ей за ее неброскую красоту и славянское долготерпение, за ее мужество и умение понимать чужую боль, за ее природную скромность и безоговорочную верность братству, за ее трудолюбие и глубокий интернационализм.

Благодарю, судьба,	К украинским раздольным
тебя	вечерам,
за то,	К певучим дюнам на балтийском
Что для меня	ветре,
ты этот край избрала,	К мастеровым — молдавским
Где на березе аиста гнездо,	гончарам
Где яблони сгибаются устало,	И к молчаливой красоте
Где Нарочь моет ситец голубой	Ай-Петри.
И пахнут земляникою проселки,	
Где вторят соловьям скворцы	Благодарю, судьба,
весной	тебя
И дарят житу голос перепелки.	за то,
Благодарю, судьба,	Что ты меня со счастьем
тебя	породнила,
за то,	Что Беларусь
Что ты в друзья мне выбрала	своею красотой
дороги.	Всю землю от меня не заслонила,
Они меня уведут за мечтой	Что не умела быть она иной,
В тайгу,	Жила в родстве, своих друзей
К пескам,	ценила
На горные отроги,	И что ее в стране моей родной
	Не зря сестрою называют милой...

Стихи в переводе Г. Курунова и И. Бурсова

СТИХИ

Максим
ТАНК

БУРОВАЯ

У пуши
Вышка буровая
Взметнулась, как сосна стальная.
В ночи ее тугие ветви
Сияют в разноцветном свете.

Пущанской чащи старожилы
Сперва тревожились немало,
Потом привыкли,
Подружились,
Она для них своею стала.

Зверье теперь все чаще в гости
К ней выбирается из чащи.
Здесь любят молодые лоси
Точить рога о ствол звенящий.

Кружится аист,
Смотрит в оба
На вышку:
Нет ли где подвоха?..
Весною заложит гнездо бы
На этом дереве неплохо!..

Птиц привлекает ствол могучий,
Им видно все с его вершины —
Полесских нив разлил певучий,
Озера, рощи и долины.

Перевел Бронислав СПРИНЧАН.

ДЫМИТСЯ-КУРИТСЯ

Дымится-курится
Туча, аж страх.
Ой, там не туча,
Пылит в небо шлях.
Ой, не шлях это,
А дым над хатой,
Блины погорели,
А старый наш Бай
С котом кудлатым
Две трубки смолят,
Две байки бают,
А байки — чудо!
Край земли перейдешь —
Нигде ты таких
Других не найдешь.
Когда их слышишь—
От смеха скачешь,
Хоть и от дыма
Не раз заплачешь.

ЛЫЖНЫЙ СЛЕД В ТАТРАХ

Усталые, мы у сосны
Наметили привал,
Но лыжный след, как две струны,
Пролег за перевал.
След звал и беспокоил нас.
И мы пошли за ним.
Кто тут промчался в поздний час,
Взвивая снег, как дым?
На ощупь край он знает свой.
Он смелым должен быть,
Чтоб по дороге снеговой

Куда-то так спешить.
И у хозяйки молодой
Мы стали на ночлег.
Спросили:— Кто ночной порой
Примял в ущельях снег?
— Ах, это,— говорит,— видать,
Мой прибежал Югас,
Мне доброй ночи пожелать,
Так повелось у нас.
Хозяйка славною была.
Огонь в печи зажгла.
И мы сидели за столом.
Огонь играл с вином.
И пили все, чтоб горя, бед
Не знать нам никогда.
А я — за этот лыжный след,
Что нас привел сюда.

Пимен
ПАНЧЕНКО

На Полесье осень...
Гуси белые
Выщипали сладкую траву.
И ветра, от стужи ошалелые,
То уныло свищут,
То ревут.
Смех, цветы,
Куда вы подевались?
На лугах —
Стога, стога, стога.
Злится Припять,
Волны разгулялись.
Чем со мной поделишься, река?
Мне на плащ
Приколешь лист багряный?
Или на мгновение вернешь
Аистинный клекот и туманы,
Тополей предутреннюю дрожь?
Лето под стога уложишь спать.
И сама свернешься ты под льдами.
И во сне,
Увидев луг с цветами,
Будет конь, как человек, вздыхать.

Перевел Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ.

Как путь к возмужанию долог,
Растянут на тысячи верст!
То в зной, то в распустье,
то в холод,
То в злые дожди вперехлест.

Дорога к мечте и надежде
Уходит за небосклон.
Деревья в зеленой одежде
Стоят вдоль нее с двух сторон.

То ветер, то дождь их стегают,
Но им не дано уходить...
Я знаю, как дружбе бывает
Мосты нелегко наводить.

Давались и нам переправы
Тяжелой ценой на войне.
Поныне всех рек тех кровавых
Клубится тревога во мне.

БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ

Мой век выверяет все строго,
Его устремленья чисты.
Стремится сквозь дали дорога:
Надежны под нею мосты.

**Рыгор
БОРОДУЛИН**

ИСТОКИ

В родных Ушацах первый гром
Мне сладко слышать в поднебесье.
Знакомый клен,
И отчий дом,
И луговой аэродром
Держать в сыновнем сердце
вместе.

Вновь чувствовать,
Что здесь основа
И крови,
И родни твоей,
И ощущать всем сердцем снова
Всю прочность родовых корней.

Как не был бы судьбой
возвышен —
Томит, как жажда,
До конца:
Тот первый гром над отчей
крышей,
То пенье первого скворца.

Перевел Иван БУРСОВ.

Мне дома тяжело заснуть,
Пока во мне засыпают:
Небо, от жаворонков дрожащее,
Прохладные вишни в цвету
(Как им не терпится
Увидеть в колодце свои наряды!),
Одуванчики-желторотики,
Жгучие от пчелиного роя,
Речка, где валиком плещет
плотвица,—

Моет детям своим рубахи,
Овраг, где травы роскошествуют,
Как твоя молодая прическа,
Мятлик горячий, что раскрывает
крылья

(И недоверчиво проверяет —
Неужели это его крылья?).
Луговина,
что перетряхивает перины
От метелей

до теплого пуха чибисов,
И, само собой,— клекочущий аист,
Он по традиции давней
Хочет сон мой перекрестить,
Как некогда делала мать.
А теперь ее дома нету...
Я жду, пока они все заснут,
Тогда прошу, заклинаю лаской
Не обходить моих снов.
Я везде с ними буду дома...

МОНОЛОГ ЛУГА

Косите, теребите,
Скубите все меня.
Копытами топчите,—
Вновь зеленею я!

И, сметанный в стога,
Я вас теплом привечу.
Согрею вам бока
В оседлости не вечной.
Мне дарит ливни май,—
Плачу душистой данью.
Вновь затоплю сарай
Своей зеленой далью!
Пока туман, мой друг,
Еще заходит в гости,
Эй, зайцы,

козы,
лоси,
Всех накормлю.
Я — луг!

Перевел Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ.

**Евгения
ЯНИЦИЦ**

ГДЕ ЖИТО ИЗЛУЧАЕТ СВЕТ

Еще расти моей тревоге,
Еще любить мне много лет...
Увижу маму на дороге,
Где жито излучает свет.

Пока еще мой полдень спелый
Дым торфяной не заволок,
На срезе дня — с ромашкой белой
И поседевший василек.

Петляет стежка торопливо —
Моей деревни давний след.
Гнездо с птенцами у обрыва,
Где жито излучает свет.

Пока жива моя планета,
Вовеки не иссякнет, нет,
Душа народа и поэта,
Где жито излучает свет.

Перевел Иван БУРСОВ.

**Нил
ГИЛЕВИЧ**

За белорусской речи перелив,
Мадонны сельские, поклон вам
низкий,
В ней — свежесть рощ, свеченье
рек и нив,—
Все то, что с колыбели стало
близким.

Поете вы — смолкают соловьи.
Ваш смех искрист, сердечны ваши
вздохи...

Побудешь с вами, милые мои,
И веселей глядишь в лицо эпохи.

Мне вовек не вернуться дорогою
этой
На свиданье... Надежда, от сердца
отхлынь!..
Размотался проселок белесою
лентой,
По обочинам — только седая
попынь.

Где-то птица в кустах незнакомая
стонет,
Легкой дымкой подернулась
знойная синь.
День, чреватый грозой, изнывает
в истоме.
Вдоль дороги моей — лишь седая
попынь.

**Сергей
ЗАКОННИКОВ**

Не разомкнуть нам круговерти,
И, аж мороз по коже вдруг,
Подумать только — жизнь
со смертью
Заклучена в единый круг.

Я вовсе не о том тревожусь,
Что где-то есть и мой предел.
Зерном, проверенным
на всхожесть,
Я засеваю свой надел.

Все просто вроде, и не просто...
Меня волнует все сильнее,
А что — как вредный плевел
в росте
Не отличу от зеленой?

Хлебнув немало горя, помню
Я цену радостей и бед,
И потому не все равно мне,
Каким оставлю белый свет.

Навек корнями рода связан
Я с тем, что будет, что прошло...
И свято верю, что обязан
Творить добро и рушить зло.

Мне помогает эта вера
Крепить с людьми живую связь,
Ведь трудно одному, наверно,
Пройти свой круг, не оступясь.

И потому суров я к песне,
Когда не в ритме — в мыслях
сбой.
Умри, строка, и вновь воскресни,
Чтоб встать мне над самим собой!

Перевел Бронислав СПРИНЧАН.

**Василь
ЗУЁНОК**

ПЕСНЯ

Вам соловьи над речкой пели?..
Я позабыл той песни звук...
Но, полно, слышится не мне ли
пластинки патефонный круг?
И шатким Ноевым ковчегом
плывет, плывет зеленый лес,
он соловья пригласил ночлегом,
и вот уже на диске — бес!
Слетай с иглы, крылатый вестник,
бей прямо в сердце, ошалев.
Забудь песню чудесной
труби тревогу в семь колен:
«О чем ты, круг, расскажешь
сыну?»

Ужель спасенья не найду —
от рощи звонкой соловьиной
топор беды не отведу?»

**Петрусь
МАКАЛЬ**

ОПОРА

Премудрости веков былинных
полон,
изрек один мыслитель в старину:
«Вы только дайте точку мне
опоры,
и я весь шар земной переверну!..
О, этот клич ученого пиратства!
Постой, мудрец, перед тобой
провал...
Коль белый свет ты разумом
объял,

так подскажи, на что же
опираться?
Ракеты в грозный век вонзают
шпоры —
и он летит и на дыбы встает.
А я ищу на всей земле опоры,
чтоб удержать над пропастью
полет.

Когда мой первый шаг, начальный
самый,
младенцем робко делал при
стене,

я опереться мог на руку мамы,
она упасть не позволяла мне.
Когда под клич «поехали» азартно
взлетел земляк в космический
простор,

Отчизна и народ с начала старта
ему опорой были из опор.
Премудрость всей земли
постигнув разом,

да скажем мы для всех грядущих
дней:
есть на земле одна опора —
разум

согласьем добрым спянных
людей.

Перевел Владимир ГОРДЕЙЧЕВ.

ИНТЕРЕСНО РАБОТАТЬ — ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ

— Николай Иванович, правомерно ли сказать, что нынешний «Гомсельмаш» типичен для нашей индустрии с ее сегодняшними темпами, техническим прогрессом, твердым курсом на интенсификацию?

— Думаю, да. Что касается темпов, достаточно, по-моему, сослаться на некоторые примеры. И тут без цифр не обойтись. В десятой пятилетке мы освоили 237 миллионов рублей капитальных вложений, в одиннадцатой предстоит освоить 605 миллионов. Это связано с очень важным пунктом решений XXVI съезда КПСС: значительно расширить производство самоходных кормоуборочных машин; завершить расширение завода сельхозмашин в Гомеле. Сейчас «Сельмаш» имеет 380 тысяч квадратных метров производственных площадей, из которых почти половина подлежит реконструкции. Ее мы ведем очень активно. По завершении реконструкции и нового строительства в одиннадцатой пятилетке производственные площади составят 917 тысяч квадратных метров. Напомню, что уже в 1982 году объем производства у нас должен вырасти на 18 процентов по сравнению с предыдущим годом, а производительность труда — на 12 процентов. Скажу тут же, что план десятой пятилетки по этим показателям объединение выполнило досрочно и дало на 264 миллиона рублей сверхплановой продукции. Досрочно выполнили и план первого года новой пятилетки. 19 июня минувшего года с конвейера сошла двухмиллионная машина с начала существования «Гомсельмаша» — оно относится к апрелю 1930 года. Ну и еще добавлю, что на протяжении восьми лет коллектив выходит победителем в социалистическом соревновании в отрасли.

Что касается технического прогресса и курса на интенсификацию, то мы выпускаем машины, не уступающие по своим качествам и техническим параметрам лучшим мировым аналогам. Наша продукция удостаивалась «Гран-при» на Всемирной выставке в Брюсселе, золотых медалей на международных выставках в ГДР и Чехословакии.

Считаю нужным отметить, что на решение поручить гомсельмашевцам выпускать сложную самоходную машину повлияла инициатива самого коллектива. Он знает свои возможности, видит свои ресурсы и понимает, как важно быстрее дать селу кормоуборочные комбайны — ведь от степени насыщенности его техникой во многом зависит подъем животноводства, а с ним — заметные сдвиги в осуществлении производственной программы.

— Скажите, а можно на примере «Гомсельмаша» показать, как наша промышленность влияет на прогресс деревни, причем не только технический, но и социальный?

— Конечно. Новый комбайн КСК-100 — машина высокого технического уровня. Прежде всего потому, что в ней применена гидротрансмиссия. Обслуживать ее могут механизаторы только высокой квалификации. Комфортность условий труда не может не повлиять на культуру людей, работающих на машине. А культура производственная непременно позовет, если можно так сказать, и культуру общую.

Гомельский завод сельскохозяйственных машин. Без него не представить истории Белоруссии. Все процессы развития республики отразились в жизни славного заводского коллектива. Начало ему положила первая пятилетка. Его продукция — от ручной соломорезки до сложнейшего кормоуборочного комбайна — определяла и определяет вместе с тракторами, плугами, электромоторами технический прогресс социалистической деревни. В его цехах с первых дней поселился дух новаторства. С первых шагов машиностроителей отличали трудовая доблесть и стремление к прогрессу. В памяти первые стахановцы «Гомсельмаша», рождение рабочих династий, первые рапорты стране о трудовых победах. В памяти бойцы сформированного на заводе батальона ополченцев, который влился в 1941-м в Гомельский полк народного ополчения; в памяти те, кто быстро наладил тогда производство в эвакуации. В памяти доблесть послевоенных свершений коллектива, отмеченная орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

В канун 60-летия образования СССР редакция послала своих корреспондентов на гомельский «Сельмаш» — теперь производственное объединение по выпуску кормоуборочной техники.

Мы публикуем беседу с генеральным директором объединения Николаем Ивановичем АФАНАСЬЕВЫМ.

Кстати, наш коллектив взял на себя частично решение этой проблемы. Мы готовим у себя будущих водителей КСК-100. Приглашаем для этого специалистов из научных учреждений. Я считаю, что подобное расширение функций предприятия закономерно для почерка пятилеток.

Вообще идут очень интересные процессы. Коллектив взялся за конструирование, разработку и освоение машины, подобной которой никогда не делал. Специалисты из организаций, связанных с планированием выпуска и разработкой сельхозмашин, сомневались, что нам такое по силам, иные пытались отговаривать, советовали взяться за что-нибудь попроще. Казалось бы, почему не ухватиться за авторитетное мнение, почему не соблазниться возможностью жить полегче, поспокойнее... Коллектив отверг такую возможность, настоял на новой современной технике, хотя все знали, что трудностей хватит с избытком.

— А у вас, у общественных организаций, была уверенность, что хватит зрелости, опыта, инициативы, усердия?

— Да. Так же, как и уверенность в том, что мы получим помощь и поддержку со стороны других предприятий республики и страны, научных и проектных центров. И мы ее получили. Только в Белоруссии нам на помощь на новом, сложном этапе пришли коллективы примерно ста предприятий.

А уверенность в своем коллективе основана на знании людей, традиций, на которых они воспитаны, возможностей отдельных производителей и всех вместе. Считаю очень ценным в нашем опыте убежденность — она из практики — в том, что трудные задачи делают коллектив сильнее, мобильнее, развивают стремление к поиску, к предельной ответственности за исполнение долга.

— Что вы считаете главным в воспитании людей, в создании коллектива?

— В практическом смысле — воспитание заботой и воспитание правом и обязанностью участвовать во всем, что определяется понятием жизни коллектива. Поясню примерами.

Уже много лет у нас функционирует цех здоровья. Создали его потому, что поняли: надо объединить на солидной основе все и всех, кто занимается развитием физического состояния наших тружеников, — спортивные организации и профилакторий, туристскую деятельность и медицинские учреждения. Люди почувствовали, что их здоровье стало важным пунктом заводского плана, государственным, стало быть, интересом. Разумеется, не на словах. Около миллиона рублей ежегодно расходуем на охрану труда. У нас три свои поликлиники, одна из них — детская, цеховые здравпункты, больницы. Свои — я подчеркиваю это слово — детские комбинаты, детские садики и ясли, пионерский лагерь; каждый год заселяем по 500—700 квартир, есть более десятка общежитий, в том числе для малосемейных.

Свои. Да. Мы убедились, что чем больше само предприятие заботится о своих людях, тем больше отдача. Легче всего, понятно, отпихнуться от быта, сказать: я отвечаю за выпуск машин, а насчет торговли, транспорта, медицинского обслуживания и тому подобного обращайтесь в райисполком или в какие-то другие инстанции. Неверно так!

Мы беремся за все. И выигрываем от этого.

Построили на свои средства, своими силами универсам, вручили ключи торговым работникам и сказали: надеемся, что отплатите добросовестным обслуживанием, настоящей заботой, и учтите, что требовать с вас будем по рабочей норме. И знаете, такой контакт хорошо действует. В отношениях со школами в нашем микрорайоне, с предприятиями общепита, бытового обслуживания — тоже. Приводим в порядок улицы, помогаем тянуть троллейбусные линии и заводу из разных районов города... Словом, приобщаемся ко всему, что связано с бытом и бытием.

И рабочим говорим: хотите, чтоб пришло благополучие, чтоб все было удобно, рационально — заботьтесь, помогайте создавать, учитесь беречь, отвечать. Это — «свое» уже в коммунистическом смысле. И тут отдача не только в цехах, но и в семьях.

— Объединение растет — значит, приходит пополнение. Как с ним?

— Верно, в связи с расширением производства у нас много новеньких. За прошлый год наша «семья» увеличилась более чем на две тысячи человек. Есть при объединении профтехучилище, филиалы политехнического института, машиностроительного техникума. Но проблема существует: приживаются не все. Иные сразу признаются, что им не по нутру, так сказать, наши требования, наш кодекс жизни. Уходят. Большинство же остается. Мы не боимся браться за воспитание. Основную задачу видим в том, чтоб привить традиции «Гомсельмаша». У нас крепкое ядро, способное решить любую задачу — производственную ли, воспитательную ли. На него и опираемся. Могу назвать Героев Социалистического Труда Раясу Яковлевну Козлову, Василия Николаевича Хурсана, Петра Куприяновича Ковалева, таких людей, как Владимир Михайлович Губанов, Павел Яковлевич Синев, Александр Васильевич Хамазюк. Ну и, естественно, отменный воспитатель — вся жизнь «Гомсельмаша».

— Николай Иванович, вы больше двадцати лет на заводе, начали здесь рядовым инженером! За что вы любите «Гомсельмаш»?

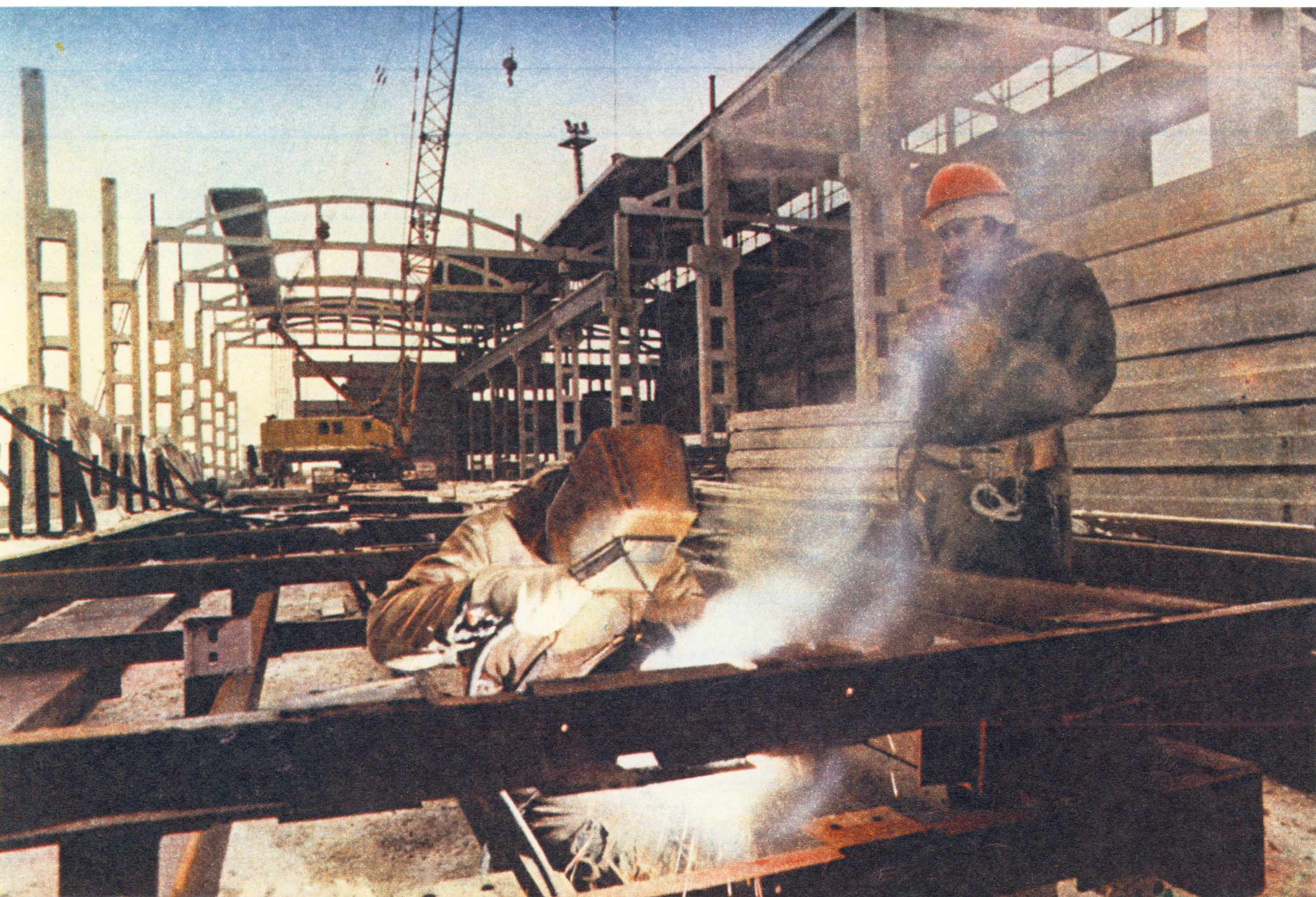
— За то, что тут всегда трудно и всегда интересно. И за то, что на твоих глазах совершается огромный прогресс, и ты — участник этого великого процесса. Ведь когда интересно работать — интересно и жить.

У проходной «Гомсельмаша» * Строительство завода литья и нормалей.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Главный конвейер * Герой Социалистического Труда бригадир слесарей инструментального цеха Петр Куприянович Ковалев * В плавательном бассейне * Домашний концерт. Рая Вельчинская — ученица заводской музыкальной школы * Информационно-вычислительный центр. На переднем плане оператор ЭВМ Наталия Кучерина * Главный пульт управления завода * Генеральный конструктор Г. Трофимук (в центре) и инженеры-конструкторы А. Кашперко, Н. Леонова и В. Кричевцов работают над новыми моделями кормоуборочных машин.

Фото М. САВИНА

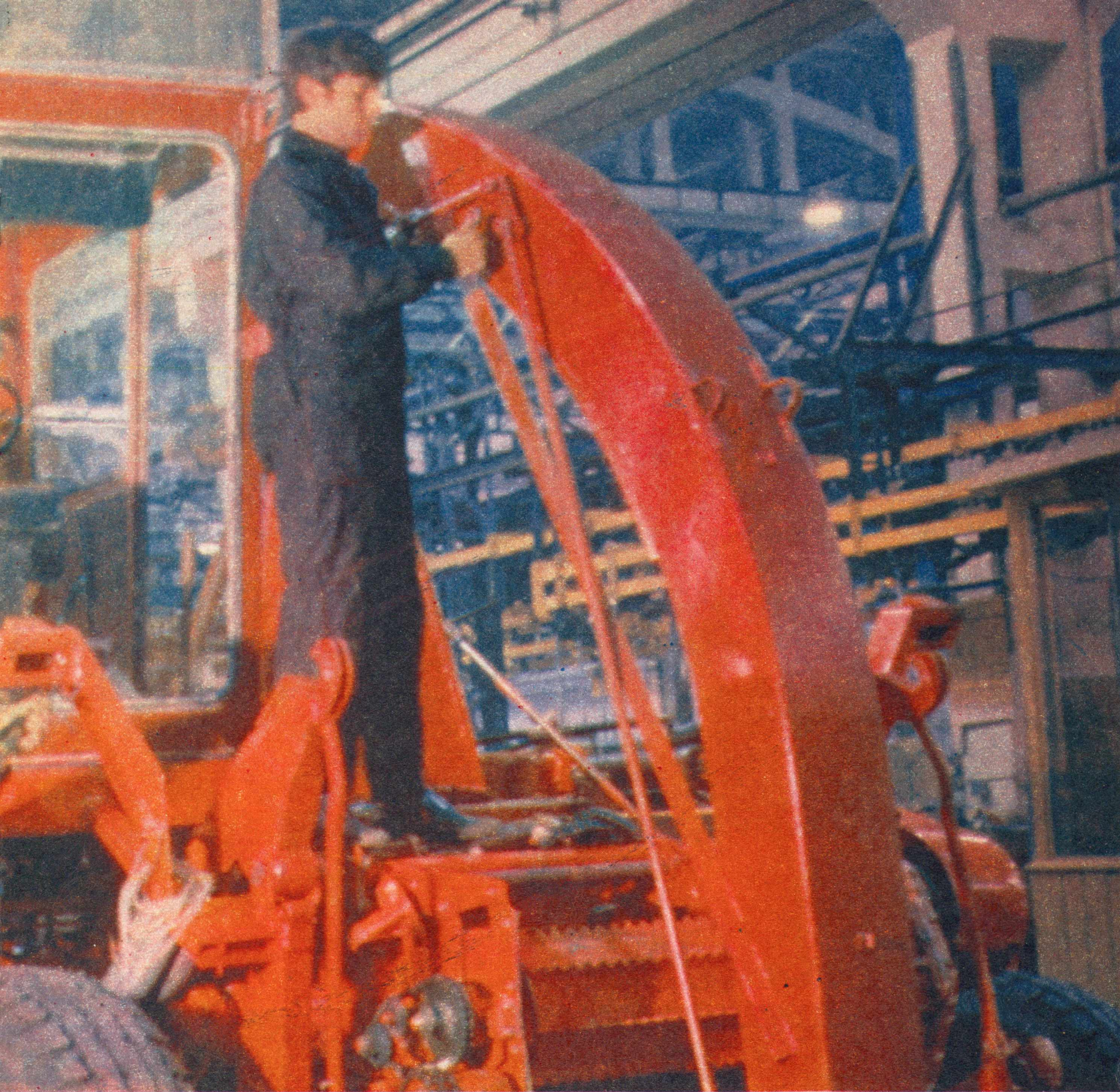

БУДЕТ ТАНЕЦ!

А. ЩЕРБАКОВ

Река разлилась. И как всегда в половодье, даже всегдашняя ее неторопливость пугала. Даже в спокойной стихии, захватившей широкую пойму, чудилось коварство... Плыви на лодке на другую сторону, в Туров... Да еще под вечер. А возвращаться в темноте? Рискованно!.. Разве уж очень необходимо. Если уж никак нельзя не плыть... Минутами Володя Котко колебался. «Остаться? Может, обойдутся без меня? А там уже и спадет вода в Припять... В конце концов не последняя же репетиция!»

Но, представляя себе шумный Дом культуры, слыша мысленно голос Николая Кононовича, руководителя: «Готовы?.. Начнем!» И следом — первый призывный перелив баяна перед тем, как выплеснуть на сцене жаркую полечку.

И Володя отвязал лодку...

«Ура!.. Володя причалил!» «Молодчина!» — встречали его друзья. Больше всех радовался, пожалуй, руководитель...

Было в том неоднократно повторявшемся Володиным риске необыкновенно нужное, важное: утверждение коллектива и того дела, ради которого Николай Кононович Котов приехал сюда, в Туров.

Теперь, к тому времени, когда в Турове прожил Котов уже семнадцать лет, сравнительно легко оценить оправданность любого, в том числе и собственного риска. А тогда он вез сюда лишь надежды. И еще — сомнение. Хватит ли способностей, профессиональной подкованности, чтобы создать танцевальный ансамбль... Удастся ли доказать, что его собственное право жить в искусстве самостоятельно, учить искусство других, — им самим уже завоевано?.. Он понимал разницу: одно дело — танцевать «рядовым» в самодеятельности, другое — претендовать на то, чтобы определять лицо коллектива. Создавать коллектив.

За ним уже был кружок в Речице, курсы хореографов в Гомеле, выступления в ансамбле танца Дворца культуры железнодорожников... Но достаточно ли этого?..

Конечно, Туров — самая что ни на есть полесская глубинка. Но глубинка живет традициями, гордится своей самобытностью. Она не терпит ни «приезжей» легковесности, ни пренебрежения к творчеству народа — тому великому богатству, что накапливают всегда сообща, — по той же крестьянской обычности, какая велит человеку пахать землю, сеять хлеб, кормиться самому и кормить людей... Сумеет ли он приобщиться к этим традициям, продолжить их?..

...В шестьдесят пятом году — всего год спустя после своего рождения — ансамбль «Припять» из Турова уже танцевал в Москве. Вот как славно началась биография.

Выступали они в Колонном зале Дома союзов. Выступали на ВДНХ. Слышали аплодисменты, лестные слова в свой адрес. Но как-то даже не верилось, что коллектив получил не просто название, а ИМЯ. Состоялся. Поэтому такая быстрая и легкая дорога в Москву...

Не верилось тогда. Теперь же — через семнадцать лет — Николай Котов уверенно видит в судьбе ансамбля все, что сложилось и определило его своеобразие, его нынешний престиж.

В древнем Турове, — а известно, что Турово-Пинское княжество в древние времена стояло вровень с Киевским (в позапрошлом году Туров праздновал свое тысячелетие) — умеют ценить людей, которые отдают себя другим.

Солистка ансамбля танца «Припять» Галина Мартынович * Руководитель ансамбля Николай Котов * Белорусские узоры.

Здесь берегут память о Парфене Антоновиче Щекотовиче и Максиме Емельяновиче Бруе, основавших в 1927 году краеведческий музей, без которого с тех пор даже и не мыслится тут духовная жизнь.

Помнят знатных мастеровых, оставивших благодатные всходы, учителей и специалистов, открывших богатство здешних земель...

Понятно, почему берегут и помнят. Эти люди помогали увидеть — в городском ли поселке, в деревне ли — большой мир. Найти его в самом себе.

Примечательна в этом смысле история еще с одним Володей. В свое время Володя Матох тоже танцевал в ансамбле «Припять», но решил поискать счастья в Минске... Учился там и работал. Ушел в армию. Демобилизовался и... вернулся в Туров. Потянуло домой повелительно, сильно! Если сказать, что ансамбль его позвал, будет, наверное, неточно: чересчур уж определенно. Но факт, что Володя Матох, вернувшись, в ансамбль пришел тут же. И Николай Кононович несколько тому не удивился.

Жизнь «растворяет» человека в «массе» ему подобных, только если он не сумел вырваться за пределы быта. Если не нашел той ступеньки, с которой начинается путь в радостный мир творчества, самораскрытия... Представьте себе поселкового мальчишку, который танцует в ансамбле, известном и Москве! Мальчишка уже всей душой верит, что Туров — большой, даже огромный мир! Со сцены Дома культуры ему хорошо видны необъятные, но теперь доступные горизонты. Он может тянуться к ним, а значит, жить интересно и ярко.

Николай Кононович уверенно повел мальчишек и девочек к той ступеньке. Сам-то он давно понимал ее назначение. Ощутил ее высоту.

Отец Котова погиб на войне. Мать хлебнула лиха... Хватило ей этого лиха на долгие годы, но не одолело в ней оно человека; не убило солнечную натуру, умеющую радоваться жизни. Чуть ли не вся Речица знала Прасковью, компанейскую, веселую работницу с мебельного комбината. Без нее не пелось, не плясалось, нуждались в ней люди. Она часто брала с собой сынишку. Тогда и он полюбил пышный песенный наряд, лихую удалую народную гулянь, чистую плавную красоту пляски. Учился плясать и сам. Для него это незаметно сделалось жизнью.

— Мам, в кадрили вот так рука или так идет?

— Да кто же сам с собой кадрил пляшет?!

Не мешай мне!

Мать пробовала сердиться. Но тут же улыбка смывала строгость с лица, прислоняла ухват к печке...

— Ну, становись!.. Смотри!..

Коля смотрел. И ведь одно только движение уже преображало мать. И это западало ему в душу. Запоминалось прочнее, чем жест или па кадрили, не совсем точно схваченные накануне.

Способность танца давать человеку праздничность, радость, неповторимое ощущение душевного полета покоряла Колю.

Кажется, совсем не велика туровская земля. А куда ни приди — она разная. Во всем разная — в танцах, в рукоделье, в песнях, — всюду свои оттенки, свои узоры. Народ умеет творить. Для этого, считает народ, даны руки и ум человеку.

На вечеринках, свадьбах, гуляньях, что собираются стихийно где-нибудь на лужайке, вытоптанной бойкими каблучками, Николай плясал и сам. Но больше присматривался, запоминал. Старался понять, как возникает нетленная эта красота. Ходил по избам, расспрашивал старух и стариков, чтобы связать воедино годы и поколения, постигнуть движение времени в творчестве. Найти, освоить и закономерности и стихию.

— Начинаем репетировать «Кондаровскую веселую», — объявил однажды. — Спробуйте, почему. Знаете же, что Кондаровский отшиб рядом с Туровом, как слобода? Не обратили внимание, что пляшут там на свой манер? Они

считают, что тоже, мол, не лыком шиты. И — правы! А для нашего репертуара это еще одна находка...

Находки, находки... «Полесская гулянка», «Матлот», «Стукалочка», «Туровская полька», «Ку-ку»...

Вспомнился спор во время одной из гастрольных поездок.

— Вы искусственно пытаетесь оживить старину! — с апломбом внушал Николаю Котову ярый сторонник ультрасовременных течений и стилей. — Все это давно ушло и никому не нужно! Зачем превращать искусство в лавку древностей?!

— Как раз наоборот! То, что вы отстаиваете, — это всего лишь преходящая мода. Она насаждается искусственно, — через тех, кто только в чужом и видит достойное. Через тех, кто своего не любит и стесняется, кто боится выглядеть несовременным...

— И все же молодежь голосует за «рок», а не за «полечку»!..

— Не потому ли, что молодых гипнотизируют сногшибательными нарядами, сверканьем прожекторов, какими-то космическими звуками, вычурными названиями ансамблей и групп...

Николай не поддавался! Он готов был спорить и дальше. Ведь чужое можно только копировать. А то, что идет от своего народа, дает простор для творчества. Вечный простор. Беспредельный!..

Спор шел перед концертом. Концерт подтвердил, что «оппонент» Котова провалился. «Припять» долго не отпускали со сцены, хотя аудитория была вовсе не «доисторическая».

...А потом снова была Москва. Были Белоруссия, Украина...

В 1973 году ансамблю присвоили звание «народный»; он дипломант многих смотров и фестивалей, лауреат конкурсов, обладатель почетных грамот... И чем больше достижений, чем шире признание, тем больше планов у Николая Кононовича Котова, тем глубже его замыслы... В Турове теперь создана еще и подготовительная группа ансамбля, в ней — школьники. Лучшие из них заменят тех, кто уедет учиться, уйдет служить в армию...

Владимир Супоненко, начинавший когда-то в «Припяти», руководит теперь танцевальным коллективом в Гродно; Вячеслав Веренич — в Светлогорске, Федор Седелник — хореограф балетной группы ансамбля песни и танца в Ленинградской области... Еще один ансамбль танца — в селе Вересничи.

Движение искусство... Оно для Николая главное, а не награды. Новая и новая возможность черпать из народного источника...

Однажды в деревне обратил он внимание, как плетут корзину. Пахнущие речной ивовые прутья под руками будто исполняют плавный танец. Да и руки, словно слушая какую-то, только им доступную музыку, тоже ведут в этом танце свою партию... Подумалось: как же прекрасно, что человек умеет так мудро соединять труд с искусством! И чувствовать при этом высокую, а в то же время доступную радость бытия. И ведь это тоже можно воплотить в танце: привычное, естественное изящество движений, наслаждение мастерством. И — радость, как подтверждение смысла жизни...

Будет танец! Надо только еще и еще раз услышать потаенную музыку труда, вдохнуть в нее поэзию, внутреннюю природу вдохновения... Будет танец! Дома возьмет Николай Котов тетрадку, сделает рисунки. Потом закажет костюмы в деревне мастерицам, чьих рукоделий не повторит никто и нигде.

Какое же раздолье для хореографа это чудо — народная стихия танца! Какое неповторимое чудо!..

Житковичский район, Белорусской ССР.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Д. ИВАНОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

В давнем монументальном двухтомнике образных слов и иносказаний «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона я долго искал среди этого кладезя пословиц и поговорок (а в сборнике их, начинающихся хотя бы со слов на букву «К» — 886 штук, на «Н» — уже 1152, а на «П» — целых 1357) хоть одну, в которой бы выразилось бережное, заботливое, охра-

а в ЧССР — только 2774), дело обстоит по-другому? Но и в Праге, сколько я ни обращался с просьбой припомнить какую-нибудь связанную с водой народную мудрость, в которой звучала бы такая понятная в нынешний век тревога, — предо мной тоже лишь разводили руками.

...Однако эти фольклорные разыскания не слишком серьезны, особенно перед теми серьезностью и ответственностью, с которыми сегодня повсюду стали подходить к решению водохозяйственных задач. И пример здесь во многом показывают братские социалистические государства.

В Чехословакии, как и в других странах — членах Совета Экономической Взаимопомощи, есть свои достижения в освоении и рациональном использовании водных ресурсов, есть и не решенные пока проблемы. Об этом мне рассказывали еще в Москве, ког-

нем уровне науки и техники вполне разрешима, но очень и очень непроста, ибо требует все большего вложения средств там, где все из века привыкли брать почти даром. А как следствие: необходимость охраны природы — и в первую, быть может, очередь именно воды — еще не сделалась в общественном сознании безусловной и насущнейшей задачей.

Человек по отношению к природе привык чувствовать себя хозяином и быть к тому же расточительным, а на самом деле он не только должник, он ее вечный данник. И здесь мало даже воспитания заботливого, подлинно сыновнего отношения к земле и воде, лесу и воздуху. Требуется ясное осознание кардинальной мысли, сформулированной еще на заре новейшей цивилизации. «Природа побеждается только подчинением ей», — утверждал Фрэнсис Бэкон.

Инженер Йозеф Бенеш.
Фото М. Пика.

ВОДА НА КРЫШЕ ЕВРОПЫ

нительное отношение к такой становящейся все более драгоценной основе жизни, как вода. Но нет — еще в конце прошлого века живительность, прозрачность или, как мы говорим теперь, доброкачественность воды сами собой подразумевались: «вывести на чистую воду», «бриллиант чистой воды», даже «соболья шуба чистейшей воды» у Салтыкова-Щедрина, — вода, как видим, все еще продолжала служить надежным эталоном.

Да, ее всегда хватало на Руси, и была она хрустальной, кристальной, светлой, живой... И много, очень много воды должно было утечь, прежде чем спохватились и узрели, что вода сплошь и рядом становится и стала уже не та...

Но, может быть, так происходит в нашем, стоящем на втором (после Бразилии) месте в мире по ресурсам пресной воды государстве, а в такой, например, стране, как Чехословакия (для сравнения: годовой сток наших рек составляет 4714 кубических километров,

да я знакомился с деятельностью специального органа в рамках СЭВа — Совещания руководителей водохозяйственных органов.

Созданное в 1962 году Совещание координирует реализацию той части Комплексной Программы, где речь идет об обеспечении потребностей населения и народного хозяйства в воде необходимого качества, охране поверхностных и подземных источников от загрязнения и истощения, повышении эффективности водного хозяйства. Говоря другими словами, основная задача на современном этапе: чтобы неуклонно возрастающее потребление воды не истощило бы ее запасы, а качество воды — с учетом ее целенаправленного использования, а также в результате побочных и непредвиденных загрязнений — не только бы не ухудшалось, но и постепенно улучшалось.

Задача эта — как и вообще задача охраны окружающей среды и поддержания экологического равновесия — даже и на нынеш-

Желивковское водохранилище улучшило водоснабжение Праги
питьевой водой. Фото А. Штясны.

— Да, сегодня мы должны, не жалея, платить природе, в том числе и за прошлые долги, чтобы не пришлось расплачиваться нам самим же или ближайшим нашим потомкам. — Так мой собеседник, инженер Йозеф Бенеш определил свое отношение к сути предмета нашего разговора. В Министерстве лесного и водного хозяйства Й. Бенеш руководит отделом науки и техники водохозяйственного управления. Это крупный специалист своего дела, один из авторов книги «Водное хозяйство Чешской Социалистической Республики». Он участник разработки государственного водохозяйственного плана ЧССР, рассчитанного на перспективу до 2000 года.

Принципы социалистического хозяйствования, ставящего во главу угла заботу о человеке и создании надлежащих условий его природного обитания, а также отсутствие в нашем обществе социальных сил, которые наживались бы на хищнической эксплуатации природы, — все это сущест-

веннейшим образом сказывается на состоянии природопользования в странах СЭВа. «Западный мир куда более безразличен, чем коммунистический», — пишет французский буржуазный ученый-эколог Ф. Сен-Марк в книге «Социализация природы», — к предельно допустимым концентрациям загрязнений окружающей среды. Он предпочитает оплачивать разрушение человека, а не сохранение для него естественной среды. Установленная максимальная норма в СССР по хлору в 3 раза ниже, чем в США, по бензолу — в 4 раза, по окиси углерода — в 5 раз, по анилину — в 6, по ртути — в 10, по свинцу — в 20, по фосфору — в 30, а по стиролу — в 80 раз».

В практике борьбы с загрязнением водных источников один из главных путей, по которому идут социалистические страны, — разработка и внедрение научно обоснованных жесточайших норм потребления воды на единицу продукции для различных отраслей промышленности. В результате в

отдельных случаях внедрение новой технологии давало снижение расхода воды до 60 раз — и это не предел!

В промышленности до 45 процентов всего количества потребляемой воды идет на охлаждение. Отсюда специфический вид загрязнений — утепление воды, что способствует образованию вредных водорослей, «цветению» водоемов. Переход от водяного охлаждения к воздушному позволяет сократить расход воды на предприятиях на 70—90 процентов. Весьма эффективным с точки зрения уменьшения потребления воды является и внедрение замкнутых циклов водопользования.

По своему подходу к водохозяйственным проблемам Чехословакия занимает передовые позиции. Продолжаются активные поиски нового в самых разных направлениях. Так, в прошедшем году в ЧССР дважды собирались специалисты СЭВа. В феврале обсуждалась тема: разработка методов интенсификации и повышения очистки и доочистки сточных вод, а в октябре речь шла о совершенствовании автоматического контроля качества воды и разработке автоматических систем управления.

— А вот еще одно дело, которое, мы уверены, поможет сохранности наших водных богатств, — с улыбкой говорит товарищ Бенеш и протягивает мне буклет с яркой обложкой, на которой изображен зеленый смешной сказочный человечек — Йозеф Водник, водяной мастер. В буклете — условия детской радиоигры-викторины, задуманной сотрудниками Министерства лесного и водного хозяйства. В занимательной форме игра рассказывает ребятам, из какого именно источника вода попадает в их дома, кто и как может случайно или специально загрязнить ее, сколько воды расходуется на различные домашние нужды и сколько ее может пролиться зазря, если не устранив утечку (кстати, за один день через неисправный сливной бачок в туалет выливается 500 литров, то есть почти три ванны!).

— Мы стремимся, — говорит Бенеш, — привить ребятам привычку ценить воду, видеть в ней источник жизни, воспитать у них потребность заботиться, охранять чистоту и здоровье рек и лесов. Чехословакия лежит на крыше Европы. Через нее проходит водораздельная линия трех морей: Северного, Балтийского и Черного. За исключением Швейцарии, наша страна единственная, которая охватывает лишь верхние области истоков важнейших средне-европейских рек: Эльбы, Одера, ведь Дунай же практически только омывает небольшую часть нашей границы. Отсюда видны, с одной стороны, ограниченность наших водных ресурсов, а с другой — дополнительная ответственность, которая лежит на нашей стране за водное загрязнение. Вместе с тем население республики еще далеко не полностью охвачено водоснабжением. Так, в 1975 году водопроводом пользовалось 63,7 процента населения, канализацией — лишь 51 процент.

Все эти обстоятельства делают решение водохозяйственных проблем у нас особенно насущными. За последнее десятилетие построено 1300 различных очистных сооружений в городах и на промышленных предприятиях. Планомерно проводится модернизация и интенсификация действующих станций очистки. В прошлом году работы, проведенные на комбинате «Ставострой» в Словакии по очистке воды от масел и нефти, были удостоены государственной премии за экономно капитальных вложений и улучшение живой среды.

— Большим успехом следует считать, — продолжал инженер Бенеш, — закрытие старых сахарных, крахмальных и целлюлозно-бумажных заводов, повинных в особенно высоком загрязнении. Одновременно государство отпустило средства на создание новых аналогичных производств. Более жестким стал контроль над загрязнением. Конкретные виновники штрафуются, вторичный штраф накладывается в размере трехмесячной зарплат!

Уже выявлены все важнейшие источники загрязнения вод — их оказалось около трех тысяч. Определены области по стране — сейчас их тринадцать, которые служат основными источниками питьевой воды. Там запрещено строительство промышленных предприятий, нефтехранилищ, ТЭЦ, больниц и инфекционных учреждений, а также крупных животноводческих ферм.

Сельскохозяйственное загрязнение вообще все более выдвигается на передний план, поскольку представляет заметную опасность своей меньшей управляемостью. В промышленности и коммунальном хозяйстве требуются только соответствующие мощности для очистки сточных вод. В земледелии смыл с почвы минеральных удобрений и токсичных средств защиты растений, в животноводстве — концентрация отбросов в местах разведения 5—10 тысяч и более голов скота, а кроме того, сточные воды в местах ремонта сельскохозяйственной техники и хранения двигателя топлива — все, вместе взятые, они с трудом поддаются контролю.

Наше государство предпринимает постоянно новые шаги по развитию водного хозяйства Чехословакии. В текущем пятилетии на это будет израсходовано свыше 10 миллиардов крон. Обеспечение водой возрастет до 400 литров на человека в сутки. Меняется система капитального строительства в отрасли: предполагается сосредоточивать денежные и материальные ресурсы и мощности строительных организаций на меньшем числе объектов, но строить их быстрее и лучше.

— И, конечно, — заключил Йозеф Бенеш, — личная ответственность каждого человека должна расти! Быть современным — значит становиться лучше по отношению к знакомым и незнакомым, ко всем людям планеты, взрастившей нас, и, наконец, к самой благословенной матери-природе.

Прага — Москва.

Любуюсь столицей с Воробьевых гор. А. П. Чехов сказал: «Кто хочет понять Россию, тот должен прийти сюда и посмотреть на Москву...»

Не знаю, с какой точки сегодня смотрел на Москву Евгений Осетров, но открылась она ему в новой книге щедро, глубоко, дав взглянуть в «ближние и дальние пласты Истории». Скорее всего именно прекрасное знание истории города и любовь к нему помогли писателю так трепетно и поэтично рассказать о Москве, которую мы вроде бы и сами давно знаем.

Как истинный москвич, хозяин своего города, Е. Осетров свободно ориентируется в событиях, датах, именах, объясняя происхождение и историю московского здания, монастыря, улицы. Непринужденно беседует с кремлевскими башнями, и каждая раскрывает ему свои сокровенные тайны. Слышит (и приглашает читателя послушать) рассказ старого дома и переносится в дни, когда приезжали сюда Пушкин, Грибоедов, Толстой. Старые деревья на Покровском бульваре хранят для него в своих кронах умолкнувшие голоса часто бывавших здесь писателей и артистов. «Дерева, помните ли вы, о чем толковали большие люди?» И мы слышим звучащее из глубин десятилетий голоса Мамина-Сибиряка, Бунина, Гиляровского.

Признаюсь честно, если бы меня спросили, какую улицу Москвы я могу назвать Свет-улицей, я бы не сразу ответил. И прочтя эту главу книги — она так и называется «Свет-улица», — я поразились точности определения, данного автором. Совсем небольшая по размеру (Никольская — ныне улица 25-го Октября), эта старая московская улочка внесла, пожалуй, самую большую лепту в развитие русского просвещения.

Говорят, хорошая книга всегда ко времени. Но эта вышла удивительно вовремя. В 1981 году исполнилось 125 лет Государственной Третьяковской галерее, к истории которой, рассказывая о художественной Москве, не мог не обратиться автор. «Третьяковская галерея, — пишет Осетров, — одно из самых лучших украшений художественной Москвы, ее неотъемлемое достояние».

В этом году свое 70-летие отметит Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Его рождение связано с двумя именами: профессора И. Цветаева и архитектора Р. Клейна. по проекту которого в 1912 году построен дом-дворец на Волхонке. Музей этот стал ныне сокровищницей мирового искусства — «окно в живописный мир всего мира», как говорит о нем писатель.

Наверное, сегодняшняя Москва нам ближе, понятнее потому, что она наша

современница. Мы любим ее будничную, трудовую, любим праздничную, в огнях иллюминаций и салютов. И привычно вместе с автором книги спускаемся в Московское метро — «владения Прозерпины», вдыхаем живительный воздух парков и садов, стоим у могилы Неизвестного солдата, наконец, приходим в Кремль, в кабинет В. И. Ленина, склонив головы, входим в Мавзолей — самые дорогие места для каждого советского человека.

Но как много мы потеряли бы в Москве сегодняшней, если бы не знали, не умели понять Москву старую, если бы не берегли ее. Все, что ею накоплено, — наше духовное, культурное, историческое наследие — это наше богатство, наша сила и опора.

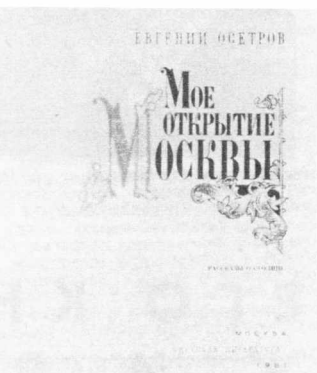
С первых дней своего существования Советская власть заботилась об охране старины. Уже в мае 1918 года В. И. Ленин распорядился о реставрации кремлевских построек. В это же время группа реставраторов, возглавляемая И. Грабарем, отправилась во Владимир для изучения фресок Рублева. Даже в суровых условиях войны мы сумели не только сберечь коллекции своих музеев, но спасли и вернули их законным владельцам шедевры Дрезденской галереи.

Как же могло случиться, что нет ныне Сухаревой башни, «невесты Ивана Великого», с которой связан один из драматичнейших моментов русской истории — стрелецкий бунт, в стенах которой зарождался российский флот. «Основанием для сноса, — пишет Е. Осетров, — послужил повод — мешал-де усиливать мусса движению машин. Разговор этот представляется теперь просто несерьезным». Снесли Красные Триумфальные ворота. Совсем недавно не стало «фамусовского дома» — одного из немногих, уцелевших в Отечественной войну 1812 года. К сожалению, не время разрушило эти неповторимые шедевры архитектуры, так много вносившие в зримый облик столицы. Их погубили слепота сердца, равнодушный ум и потребительское отношение к культурному наследию.

А отношение наше определяется во многом тем, что мы знаем о прошлом. Для человека знающего все обретает особый смысл и особую цену.

Е. Осетров назвал свою книгу «Мое открытие Москвы». Тем самым, думаю, он хотел подчеркнуть, что, берясь за перо, не претендовал на всеисчерпывающее исследование. И, может быть, окажется, что кому-то, кто ее прочтет, а читать ее будут люди всех возрастов, чего-то в ней не достает. Ведь Москва для каждого — что-то и очень личное. Человек открывает ее по-своему, в зависимости от своей любви, своих пристрастий. Но мы обязательно согласимся с автором, что «часть души каждого из нас принадлежит Москве».

Л. ГОЛУШКИНА

Евгений Осетров. Мое открытие Москвы. М., «Детская литература», 1981, 351 стр.

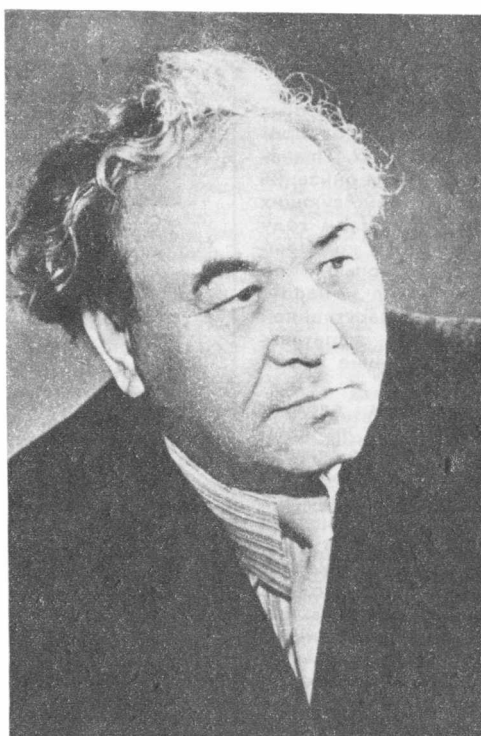
К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

БИОГРАФИЯ ДУШИ— В СЛОВЕ

Однажды Давид Кугультинов сказал: «Я люблю жизнь — и потому пишу стихи». Кажется, как легко стать поэтом — просто люби жизнь. Но только тот, кто знает его биографию, увидит в этой афористичной фразе другой, более глубокий и символический смысл.

Кугультинов начал печататься, когда ему было четырнадцать лет, первую книгу стихов выпустил сразу же после получения аттестата зрелости, а через год стал самым молодым в стране членом Союза писателей СССР — счастливо складывалась судьба сына народа с трагической, но высокой судьбой! Много раз калмыки в кровавых битвах завоевывали свою самостоятельность и много раз теряли ее снова, пока почти на грани гибели и вымирания не присоединились к России. История родного народа, его трагедия, его невиданный взлет за годы Советской власти — во всем творчестве народного поэта Калмыкии, лауреата Государственной премии РСФСР Давида Никитича Кугультинова. В его стихах и поэмах высокая духовность сочетается со зримой земной вещественностью, лирическое движение души — с глубоко проникновенным осмыслением современной жизни.

— Богатства человеческой души концентрируются, спрессовываются в образах искусства, литературы. Биографией души надо дорожить в такой же степени, как дорожить самой жизнью, — говорит Давид Никитич. — Ведь цена слова измеряется всем опытом человеческой истории, судьбы человека. Одажды у меня зашел спор с одним довольно известным

писателем, считающим себя знатоком русского языка. Говорю ему: «Хочешь, я подарю тебе два русских слова, наверняка неизвестных тебе?» Он удивился и посмотрел на меня как-то обиженно. «Вот первое слово — «обвальщик». Знакомо тебе или нет?» Мой оппонент отрицательно покачал головой. «Так вот, — говорю я, — обвальщик — это очень распространенная профессия. Обвальщиком называется человек, на бойнях отделяющий мясо от костей животных. Нельзя придумать автомат, который выполнял бы эту работу, потому-то профессия эта вечная». Второе слово было «пачуковщик» — человек, который на химических предприятиях осаждаст в пачуках — больших чанах — кобальт и никель. Эти слова я знаю не потому, что много читал книг, а потому, что в моей трудовой книжке записано, что я работал обвальщиком и пачуковщиком. Эти два слова записа-

ны в мою трудовую биографию. Но они, конечно же, обогатили и биографию моей души.

Каждое слово — крупница жизни, ветвь жизни. Чем больше слов художник «перепробует» на вкус, тем он богаче душой. Никогда не забуду, как пришло ко мне слово «хлеб». Когда его произносили, я закрывал глаза, чтобы увидеть этот конкретный кусок хлеба, золотистый цвет его корочки. Слово рождало картину, дополняло жизнь.

Со словом связаны судьбы целых народов. Например, моего, калмыцкого народа. Когда-то калмыки имели высокоразвитую литературу. «Рамаяна» была переведена на калмыцкий язык еще в XV веке, но потом, под гнетом завоевателей, стало резко уменьшаться число грамотных людей. Народ почувствовал приближение этой катастрофы интуитивно. И в памяти своей решил сохранить то, что грозило кануть в Лету: философские трактаты, медицинские штудии. Как поразителен в этом смысле наш эпос «Джангар»!

Д. Кугультинов, как бы взвешивая слова, говорит медленно, за каждой фразой — мысль, событие. Вспоминает о своем друге поэте Сергее Орлове, который сказал, что война не рождает, а убивает поэтов. Вот почему искусство — враг войны.

— Когда я прочитал письмо мэра Хиросимы Такэси Араки, который благодарил меня за поэму «Бунт разума», я понял, что слово мое было не напрасным, что оно помогает людям бороться. В моей поэме — боль человека, пережившего войну.

Я ведь тоже воевал. Об этом писал и буду писать. Да, то, что мы видели на фронте, было страшным. Но когда подумаешь, какой может быть следующая война, охватывает ужас. Вот почему, когда говорят о борьбе за мир как о теме в литературе, я не соглашаюсь. Это не тема — это судьба. Какие бы книги на современную тему мы ни писали, в них должна присутствовать тема войны и мира. Тема жизни.

В этих словах большой художник наших дней раскрывает нам, читателям, свою, я бы сказал, неповторимую биографию. Она растворена в его стихах и поэмах, в его сказках, в его размышлениях о прошлом и будущем. Биография эта сотворена талантом, трудом, мыслью самобытного художника. Любовь к жизни порождает стихи, порождает слово, живое, трепетное, нужное людям.

Феликс МЕДВЕДЕВ

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
А. Н. ВАСИЛЬЕВА

Весь смысл жизни и творчества писателя Аркадия Николаевича Васильева проглядывается сквозь признание, высказанное им незадолго до смерти: «Я всегда рассматривал свою литературную деятельность, как постоянное партийное поручение». Партийным было поручение общего собрания комсомольской организации рекомендовать тянувшегося к журналистике и общительного по натуре парня редактором многотиражки Большой красной фабрики в городе Шувее, где он родился и жил. Рабочий «Шувейского пролетария», Васильев становится профессиональным газетчиком, а после фельетона «Почему не лаяла собака» его пригласили на работу в областную газету. И опять по зову партии, когда в райкоме сказали: «Надо» — он идет на ответственную и опасную работу в областное управление ОГПУ. По воспоминаниям знавших тогда Аркадия Николаевича людей, он трудился самозабвенно, не жалея себя в борьбе с врагами революции.

Когда через десятки лет выйдет в свет диалог писателя «В час дня, ваше превосходительство...», в которой найдут обобщение многие факты его личной биографии, имя А. Васильева получит широкую известность. Из рук в руки будет переходить эта книга писателя-коммуниста, книга, которая вызвала замешательство и злобу наших идеологических противников. Роман Аркадия Васильева еще раз убедит читателя, советского и западного (книга была переведена на многие языки), в нерушимости, в духовной мощи советского строя, в том, что будущее Страны Советов крепко и прочно.

Есть художники, чей творческий путь счастливо совпадает с основными вехами развития нашего государства. А. Васильев один из таких писателей. По насыщенности увиденного, пережитого, по «частоте пульса» личной и общественной жизни его биография неотрывна от биографии страны.

Все, что вышло из-под его пера, пронизано коммунистической убежденностью в правоте дела рабочего класса, дела партии. Писатель садился за рабочий стол лишь тогда, когда ощущал тот самый «социальный заказ», о котором говорил еще Маяковский. Именно так было, когда Васильев решил написать книгу о «Товарище Арсении», книгу, навеянную ароматом детства и воспоминаний о родных ивановских краях. Так было, когда появилась его трилогия «Есть такая партия!» (1959 год), а через шесть лет — роман «Вопросов больше нет...». Книжки его шагали в ногу с временем.

Книжки А. Васильева нельзя читать по страничке, по главе, они «проглатываются» на одном дыхании, они захватывают читателя сразу же, с первых страниц уводят его в полон увлекательного повествования.

Аркадий Васильев чрезвычайно бережно относился к фактам истории, ему было чуждо поверхностное писательство, дилетантизм. Он понимал, что художественная правда как бы венчает тщательное изучение жизни, знание которой — одно из условий удач художника. Организмический сплав документалистики с художественным домислом характерен для всего, что вышло из-под его пера.

Меняла амплуа сатирика на амплуа публициста, создавая и роман, и памфлет, и фельетон, и сценарий кинофильма, А. Васильев был целен в одном — следуя лучшим традициям литературы социалистического реализма, он по-большевистски боролся со злом во всех его проявлениях, от обыкновенного бюрократизма до предательства Родины. Писатель-коммунист понимал, что труд его необходим Родине. Так оно и есть: десять лет прошло со дня смерти А. Васильева, а книги его продолжают жить, бороться, побеждать.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

ЕГО КНИГИ
ЖИВУТ

В ЗАЩИТУ ЛОШАДИ

В прошлом году в «Огоньке» (№ 36) был опубликован фельетон «В защиту беззащитной лошади». Если вы помните, в нем шла речь о жестокости трех парней, угнавших из подмосковного совхоза племенного жеребца Лексикона и безжалостно надругавшихся над ним. Уголовное дело, возбужденное против хулиганов, было первоначально прекращено «ввиду отсутствия состава преступления».

На эту публикацию в «Огонек» пришли сотни взволнованных писем.

«Как могло случиться, что лошадь, испокон веку верный и надежный друг человека, осталась беззащитной?» — спрашивает кавалер семи боевых орденов, член партии с 1931 года Б. С. Кузнецов (Люберцы). И вопрос этот задает каждый обратившийся в редакцию, чтобы выступить в пользу закона об охране лошадей. «Я прошла войну в полевом госпитале, который был на конной тяге. И какую титаническую работу проделали наши 30 пар лошадей из Краснодар, которые прошли от Москвы до Берлина и Эльбы. Вот потому я выступаю за то, чтобы выработали наконец статью Уголовного кодекса, пришли к разумному решению и узаконили уголовную ответственность за угон лошадей, и тем суровой, если животное истязают и истребляют», — пишет из Тихорецка В. Д. Москвичева. А вот мнение 18-летней Светланы Слинко, работающей в конно-спортивной школе Ташкента: «Трудно поверить, что у нас нет законов, охраняющих лошадей, но еще невероятней, что для некоторых людей не существует законов чести, благородства, доброты. Вопрос, поднятый на страницах журнала «Огонек», нужен, жизненно важен. Я не верю, чтобы человек, способный искалечить лошадь, мог отнестись с добром и вниманием к людям».

Читателей возмущает любая форма жестокости к лошади. И дело здесь не только в опасениях, что, «начав издеваться над кошками, собаками и лошадьми, нравственно запущенные парни переключатся потом на человека». Это мнение многих читателей подтверждается, к сожалению, фактами: например, угоны в Курской области сопровождался тяжелейшими избиениями сторожей конюшен, о чем писали «Известия» 29 августа 1980 года. Дело еще и в том, что жестокость к животным оскорбляет наши самые сокровенные человеческие чувства. Уважение к человеку подвергается надругательству вместе с надругательством над животным» (полковник Н. Мясоедов, Киев).

В почте много сообщений от очевидцев угона и издевательства над лошадьми. Почти в каждом из этих писем моляба о помощи.

«На моих глазах также замучен племенной жеребец, и дело осталось безнаказанным... Уважаемая редакция «Огонька», душевно прошу, похватайтесь перед нашим правительством, чтобы издали статью о наказании за издевательства над лошадьми и чтобы местные власти к этим животным были человечней», — пишет библиотечкарь З. Спирина из Ржевского района Калининской области.

В письмах настойчиво звучит призыв к Министерству сельского хозяйства СССР положить конец халатности и бесхозяйственности на конюшне, взыскивать с лиц, материально ответственных за состояние лошадей. «Мне, ветерану партии, привелось участвовать в ста-

новлении экономической основы нашего строя, закладывать первые камни и приумножать общественное добро, поэтому я не могу спокойно писать об этой беде... Необходимо добиваться решительного (без втиеватостей и казуистики) уточнения соответствующего закона с тем, чтобы священная и неприкосновенная общественная собственность надежно оберегалась от злодеев в большом и малом, оберегалась без каких-либо скидок кому бы то ни было», — пишет К. Ю. Шрам из села Одарьевки Криничанского района Днепрпетровской области.

Справедливо требуя инициативности от должностных лиц, читатели сознают необходимость радикальных мер и единодушно поддерживают предложение о введении уголовной ответственности за угоны и жестоком обращении с животными. В письмах высказываются пожелания приравнять ответственность за угон лошади к ответственности за угон автомото-средств, уже оправдавшей себя в жизни: число угоняемых автомашин заметно сократилось. Другие авторы считают разумным рассматривать угон как кражу и тем исключить бесправное положение лошади среди остальных сельскохозяйственных животных.

М. Рудаков, отслуживший 20 лет в пограничных войсках и на собственном опыте убедившийся в неосуществимости помощи лошади на границе, спрашивает с недоумением: «Почему корову и овцу не угоняют, а крадут... а животное, которое с самого начала земледелия помогало человеку добывать свой хлеб, не крадут, а просто угоняют? Создается впечатление, что слово «угон» придумано, чтобы смягчить тяжесть преступления. А ведь следует, наоборот, жестоко наказывать за кражу и издевательства над лошадью».

Р. Двевленко из Курска не может согласиться с принятым ныне подходом к взысканию за погубленную лошадь — возмещение балансовой стоимости, и только. «Выходит, что деньги — большая стоимость, чем живое существо. Лошадь рассматривается как предмет, имеющий определенное денежное выражение. А если взглянуть на нее как на полноценного члена всего живого на земле?»

«Поражает реакция людей, призванных прекратить это гнусное издевательство, встать на защиту, прямо скажем, святого для человека животного, наконец, спасти самого человека от вырождения. Работники прокуратуры, суда, юристы — неужели они не понимают или по крайней мере не чувствуют опасность для всего общества от эмоциональной распушенности подростков?» — спрашивает психолог-эксперт по делам молодежи Могилевского пединститута И. Соболюк.

Доктор сельскохозяйственных наук В. Мацкевич — решительный сторонник законодательных мер

по охране лошадей. Он пишет: «Необходимо сурово наказывать за воровство, истязания, а также за бесхозяйственное отношение к лошади, но это не умаляет особого значения проблемы воспитания молодежи. Надо с детства, со школьной скамьи, с картинок в букваре прививать детям правильное понятие о живом, в частности о лошади».

Ветеран Великой Отечественной войны Б. Шкитов из Уреня Горьковской области с горечью замечает: «Нигде не увидишь наглядной агитации об охране и любви к лошади... Надо бы в наших школах уделять внимание воспитанию у детей любви к домашним животным и в первую очередь к лошадям».

Многие читатели решение «лошадиной проблемы» видят в создании конноспортивных секций и других «культурных конных точек». О работе одной из них «Огонек» рассказал в феврале прошлого года: в Лианозовском парке культуры и отдыха столицы организован катание детворы на лошадях. От желающих нет отбоя, и летом длинная очередь. За день удается прокатить по кругу около двух тысяч ребят. «Видели бы вы, каким счастьем светятся при этом лица малышей! — пишет в редакции конюх Василий Иокубайтис. — Две тысячи маленьких сердец бьются взволнованнее и чаще, переполненные любовью к животному, к природе. И эта любовь наверняка прорастет во взрослом человеке. Он будет добрее и чище, внимательнее к окружающим. Отсюда следует сделать, как мне кажется, очень правильный вывод: любовь к животным надо воспитывать с детства. Не только словами, но и прямым общением с животным, с лошадью. Но беда в том, что красивыми словами и правильными мыслями лошадей не накормишь. У нашего парка нет угодий, где бы можно было косить траву на сено. Приходится брать обыкновенную дедовскую косу, и выезжать на вороном на тележке куда-нибудь в поле или на лесную поляну и косить на незаконных основаниях. Естественно, возникающие конфликты с руководителями близлежащего колхоза или лесничества. Не положено — звучит справедливый в общем-то приговор. Начинаешь просить, умолять, унижаться. Разрешит добрая душа прихватить с пятак навильников — на том спасибо. День кони живут. А завтра снова вставать пораньше и украдкой в лес или опять в поле».

Хотелось бы в этой связи обратиться к Министерству сельского хозяйства. Видимо, там есть товарищи, которые могут подсказать

нам, как быть дальше с кормами. Помогите нам, а мы пойдем дальше в своем стремлении как можно лучше обслужить население района. У нас, например, возникла идея со временем учить детей и взрослых верховой езде, организовать пункт проката лошадей.

Ругаю себя за то, что не списал однажды в записную книжку любопытную страничку из дневника Л. Н. Толстого. Я могу теперь донести лишь смысл той записи великого писателя о пользе верховой езды. Когда выехал из Ясной Поляны, записал в дневнике Лев Николаевич, мне было под семьдесят. Когда проехал Дубки, с меня слетело с десятков лет, у Гремучего снова сбросил этак лет с десятков. Вернулся в Ясную Поляну совсем помолодевшим и почувствовал себя просто юношей...

И размечтался я: а ведь может быть такое и в наши дни, когда тот же рабочий или художник придет после трудового дня домой, наденет спортивный костюм — и на конюшню, а там верхом на лошади по любимому маршруту — пусть себе молодеет, набирается сил и здоровья. А можно и такое представить. Берет семья на целые сутки коня напрокат и выезжает с ним на природу. Дети и взрослые и верхом покатаются, и вымочат лошадей в лесном озере, и ночью поспут у костра. О такой романтике можно только мечтать... Когда это будет? И будет ли вообще, если сохранится такое бездушное отношение к беззащитной лошади, какое мы наблюдаем сегодня?»

Трудно не согласиться с мнением нашего читателя.

В 1981 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассмотрели вопрос о развитии коневодства и обязали руководителей хозяйств увеличить поголовье лошадей, улучшить селекционную работу, рационально использовать животных на сельскохозяйственных и транспортных работах. Министерство сельского хозяйства рассчитывает довести поголовье лошадей за пятилетку до 6355,5 тысячи.

Чтобы эти планы воплотились в жизнь, надо беречь каждую лошадь, надо создать условия, которые бы изменили отношение к лошади. Для этого одних воспитательных мер уже недостаточно. Нужны решительные законодательные меры, нужен закон об охране лошадей. Такого единодушного мнения наших читателей.

Обзор писем подготовили
Юлия ШВЕДОВА
и Сергей ВЛАСОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал уже был подготовлен к печати, мы получили еще одно письмо — от начальника Росконнообъединения Министерства сельского хозяйства РСФСР В. В. Чернышова. Вот оно:

«Всероссийское объединение по коневодству и коннозаводству Министерства сельского хозяйства РСФСР внимательно ознакомилось со статьей «В защиту беззащитной лошади», опубликованной в журнале «Огонек» № 36 за 1981 год. Считаем эту статью очень нужной и полезной. Полностью поддерживаем предложение авторов статьи об установлении ответственности за угон лошадей и жестоком обращении с ними. Угон лошадей наносит серьезный экономический ущерб отрасли коневодства. Кроме того, как совершенно правильно подчеркивают авторы, безнаказанность лиц, допускающих жестокость в отношении животных и оскорбляющих своими действиями общественную нравственность, наносит и моральный вред обществу».

Материалы об угоне лошадей рассматривались в Министерстве сельского хозяйства РСФСР. Руководством министерства по вопросу установления ответственности за угон лошадей были направлены предложения в Президиум Верховного Совета РСФСР и Совет Министров РСФСР».

ОСТАНОВКА НА БОЛЬШОЙ ЗЕМЛЕ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

5

В ресторан тем временем ввалилась группа парней, шумных, уверенных в себе и в своем праве на жизнь акселератов, одетых в джинсовые брюки и куртки. Локтев с удивлением отметил, что все они были загорелые. Подивился: когда же и где акселераты сумели загореть, если все время крапает нудный, до нелезя опротивевший дождь? Честно говоря, Юрмала уже забыла, как выглядит солнце. Может, парни загорели, извините, на примусе, на ультрафиолете, в рыбацкой копильне?

— Ну вот вы и вернулись в этот мир, — объявила Сподра, и Локтев, медленно прозрев, еще раз отметил, какое у нее нежное, доброе и застенчивое лицо, юное, непотревоженное, даже дышать страшно. К этому лицу, может быть, даже ни разу не прикасалась мужская рука, ни разу не гладила эти подскуля, подбородок, высокую, с гладкой кожей шею, не трогала пятнышко-родинку на переносице. Из-за такой женщины только на дуэли драться, что, возможно, и случилось бы не раз, обитая она в веке примерно восемнадцатом. А сейчас, увы, дуэль невозможна — идет век двадцатый. Впрочем, если верить теории, что люди повторяются, что кто-то невидимый, повелевающий этим миром, штампует человека, извините, по образцам, пресс-формам и повторы случаются довольно часто, то тогда можно смело считать, что такая девушка явно жила и в семнадцатом веке, и в восемнадцатом, и в девятнадцатом... И из-за нее как пить дать немало было пролито горячей мужской крови.

Локтев пожалел, что он стар, безнадежно стар для того, чтобы ухаживать за Сподрой, — ему не выдержать натиска спортивных, с лошадиными ногами мальчиков, знающих все и вся, а также все и вся умеющих, рано изведавших уклады жизни, в том числе и самые интимные, считающих себя венцом вселенной, настоящими людьми, а не двуногими кроликами — в общем, тут придется Локтеву уступить. А не уступит если — обязательно потерпит поражение, вот ведь дело как обстоит... Он усмехнулся, недовольно одернул себя: не увлекайся, дядя.

— Задумчивость ваша — это что, некая примета? К тому, что ветер собирается перемениться, грибы будут расти вниз, а не вверх и волна пойдет не от берега, а к берегу? Или у вас сложились плохие отношения с начальством и вы обмысливаете варианты дальнейшего своего жития?

— Плохие отношения с начальством, Сподра, — это как пузырек с нашатырем, от употребления только трезвее становишься. Мозг постоянно ясный, глаз, как у охотника, дальнорезкий, ухо вострое... И главное, фигура спортивная, поджарая — ведь все время приходится держать себя в бойцовой форме. Но, увы, Сподра, я уже не в том состоянии,

чтобы позволить себе такую роскошь, как плохие отношения с начальством.

— Тогда в чем же дело?

— Я ведь уже объяснил... Повторю на языке подрастающего поколения: пора менять старый автомобиль на молодой.

Он даже не сразу понял, что сказал пошлость.

Сподра тем не менее пропустила это мимо, засмеялась, потом оценивающе, критически сощурив глаза, оглядела Локтева, бросила взгляд на стол, сделала утешительный вывод:

— Ну, вы еще не в том состоянии, чтобы думать о замене.

— Ну, спасибо, спасибо. — Локтев салфеткой стряхнул коньячную каплю, упавшую на брюки. В порыве искренности признался: — С вами довольно интересно беседовать.

— Комплимент по-латыни — то, чего нет. Поэтому люди, знающие, что это такое, принимают комплименты с видом, мягко говоря, кислым.

— Это не комплимент, Сподра, это — признание.

Тут локтевский голос перекрыл громкий хохот загорелых молодых людей. Локтев оглянулся, посмотрел на ребят, ничего смешного не нашел, переместил взгляд на зал. Народу заметно прибавилось — наступал вечер, затяжной, дождливый, и многие решили скоротать время в ресторане. Ресторан — это ведь как театр: и себя показать можно, и на других посмотреть, и музыку послушать, и посудачить, и что-нибудь интересное узреть. Локтев столкнулся глазами со Сподрой, уловил во взгляде ответный интерес, улыбнулся чуть приметно: вон, оказывается, его собственная персона еще может на себя внимание девушки обратить. Ну, держись, старый хрыч, не растеряй костей...

— Вы, наверное, одинокий человек? — спросила Сподра задумчиво. — Я угадала?

Локтев покачал головой, оглянулся на шумную загорелую компанию: приметные голоса у акселератов, мешает братва разговору.

— Не совсем. Хотя я и похоронил жену, а все же я не один... Дома у меня живут два симпатичных существа — одноглазый мух Василий и жук Витек.

— Почему не муха, а мух?

— Да потому что он, извините, парень. Мужского рода-племени. Мух Василий любит у меня сидеть на шторе и наблюдать оттуда, как я работаю. Если я пишу письмо и не в том месте ставлю запятую, он поправляет. Если ему надо спрыгнуть со шторы на стол, то он, как всякое аккуратное существо, вытирает ноги — вначале две передние, потом две средние, а затем две задние и лишь потом перемещается на стол. Пуговицы у него на пиджаке всегда целы, не болтаются, все до единой пришиты... Не то, что у меня. Ботинки начищены, медная часовая цепочка на животе имеется. И вообще он парень славный, мух Василий, хотя и несколько робкий. Когда в дом приходят чужие — ужасно нервничает, а если появляется дама — смущается, прячется в складках штор.

— Бедняга, где же он глаз потерял?

— В уличной драке.

— С кем он мог так здорово подраться? Это же убийственно — выбить глаз муху.

— Да с кем угодно мог подраться. С воробьем, с голубем, с дворовой собакой, с другими мухами.

— А жук Витек?

— Он маленький, хотя и зовется жуком. Скорее жучок, жучишка. Специалист по сельскому хозяйству. Говорит, что агрономический техникум окончил, диплом имеет.

— Предъявлял документ?

— Нет, я ему на слово поверил.

— И что же делает у вас специалист по сельскому хозяйству?

— Наблюдает, как в полиэтиленовом пакете прорастает картошка, стережет мусорное ведро, чтобы его не утащили, переворачивает огурцы на подоконнике, чтоб не залежались и не желтели, сушит салаку, когда я приношу ее домой и хочу завялить для пива... Что еще? Умеет пить водку, приготавливает яичницу и довольно сносно заваривать чай. Достаточно?

— Любопытно было бы побывать у вас дома.

— Проще простого. Нет проблем.

— А удобно?

— Неудобно только, извините за резкость, собственными ушами вытирать нос вместо платка.

— А вы это умеете?

Локтев неожиданно печально, сохраняя отсутствующий вид, усмехнулся: а что, эти две славные прищелицы извне заставили все-таки его выкарабкаться из собственного одиночества, из состояния застоя, и он, будто любопытная гусеница, выполз из теплого кокона наружу, разговорился, даже позабыл о том, что надо снова звонить Паше Смеляку.

— Еще я умею держать на носу соломинку, моргать полтора раза, двигать взглядом тяжелые предметы и с помощью биологических импульсов готовить любимое блюдо йогов — ларовые котлеты из рубленых гвоздей. На гарнир — лапша из вареной проволоки.

— Ну, вы умеете гораздо больше, чем ваш приятель, сельскохозяйственно-колорадский жук Витек.

— Все-таки он жук, а я человек, — с несколько странной гордостью произнес Локтев.

Из-за тяжелой суконной портьеры с негнущимися тяжелыми складками, свисающими до самого пола — портьера эта закрывала задник эстрадного подиума, — выскользнул один музыкант, чернявый, армянского вида, с серебряной дудкой в руках, украшенной блестящими красивыми кнопками, потом в щель протиснулось еще несколько человек, судя по внешности, как и кларнетист, с юга, приезжих, прибывших сюда на летние заработки. Музыканты быстро разобрались по своим местам, и тут же ударил гром, оглушил присутствующих в зале — это подал знак лихой барабанщик, гордость Кавказа. Впрочем, через несколько секунд на смену грому пришла тихая, щемящая мелодия. Из-за стола, где сидели акселераты в джинсовых куртках, отделился видный малый баскетбольного роста, белесый, как альбинос, с загибулками косичек на висках. Уверенно подошел к Сподре, взял ее за локоть.

— Станцуюм?

Сподра выпрямилась, в глазах у нее затрепетало темное пламя.

— Прежде всего, уважаемый маркиз, — произнесла она вежливо, — за нашим столом сидит мужчина и, согласно этикету, как и положено, извольте вначале у него спросить разрешение. — Слова она чеканила медленно, твердо выплевывая каждую букву. — А потом уж обращайтесь ко мне.

Окончание. См. «Огонек» № 9.

Акселерат смеялся, но не настолько, чтобы рухнуть на пол, хотя руку от локтя Сподры все же отдернул, будто получил укол током. Обернулся к Локтеву:

— Можно пригласить вашу даму? — Слово «пригласить» он произнес почему-то через «е» — «прегласить», и это было очень заметно, одновременно он сознательно сделал акцент на слове «дама».

Локтев пожал плечами. Он уже знал, что сейчас произойдет.

— Пожалуйста.

— Разрешите? — не желая проигрывать партию, молодой человек снова обратился к Сподре.

Взгляд Сподры все же сбил его с ног, он полетел на пол и, черпая рукавами джинсовой куртки пыль, окурки, огрызки огурцов, хотя пол был идеально чистым, паркетным, натертым до янтарного глянца, промямлил откуда-то снизу, из ужасающе глубокой бездны:

— На танец танго... разрешите...

Но Сподра безжалостно нанесла еще один удар:

— Увы, не разрешаю. Есть человеческие экземпляры, с которыми просто неприлично танцевать. Танцевать с вами — дурной тон. Надеюсь, все ясно? И прошу освободить наш стол от в-вашего присутствия, — на манер акселерата, подражая и одновременно издеваясь

над ним, Сподра особо выделила два слова: «наш» и «ваш».

Хотя сцена, разыгранная Сподрой, была жестокой, даже жестокой по исполнению и психологической сути, Локтев не увидел в ней ничего худого. Совсем напротив. Хорошо, что был поставлен на место развязный, до гадливости уверенный в себе парень, который, не окороти его Сподра, пошел бы дальше. Он мог бы запросто налить себе в бокал локтевского коньяка, выпить, а остатки плеснуть Локтеву на пиджак, мог бы пристать к Сподре, попытаться увести ее с собой, расстегнуть на ней кофту, сорвать янтарь с шеи — все мог бы сделать... Конечно, Локтев не трус и не слабак — врезал бы этому парню так, что у того вылетели бы изо рта челюсти и повисли бы на рогульках люстры, но акселерат-то был не один. Их вон — целая команда, по-лошадиному ржут парни, обсасывая поражение баскетболиста — любителя грустных заморских танго. Сподра сидела прямая, подобранная. Синеглазая Тонечка давилась смехом.

Эх, скинуть бы годов двадцать — двадцать пять, и он точно бы женился на Сподре. Честное слово. Увлеч бы ее, уговорил, покориł бы собою... И даже образ жены, которую Локтев часто вспоминал, увял, погас в эти минуты, хотя с женою у него было связано все самое лучшее, самое светлое в жизни и о сво-

ей милой, родной, прошедшей с ним сквозь пороховые черные годы войны Наташке, Наталии, Наталье Михайловне, он вспоминает с щемящей тяжестью, с болью, всякий раз возникающей в подгрудье, круто обжигающей нутро. Даже виски саднит в минуты воспоминаний от одиночества и печали. Но все, годы ушли, он до хрипа, до кровавой пены загнал своих коней, и нечего даже думать о «подарке божьем», о совмещении прошлого и настоящего, о возврате молодости.

— А вот с вами я хочу потанцевать, — прежним нежно-хриловатым голосом сказала Сподра. Пятнышко у нее на переносице потемнело, и это очень шло Сподре. — Не откажите мне в этом... Пойдемте?

— Вы же только что отшили этого... маркиза из подворотни. Чердачного рыцаря...

— Каждый должен довольствоваться тем, что заслужил.

— Благодарю вас, — пробормотал Локтев. Поднялся. На лице его снова появилось нерешительное выражение. — Но вы же сказали, что не умеете танцевать.

— Не бойтесь. Что главное в танце? Главное — не отдавливать друг другу ноги.

— Словом, надо аккуратно передвигать башмаки с места на место, стараться не оставлять после себя грязи и не забывать подбирать обувь, когда она будет соскакивать с ног. Так?

— Так, — подтвердила Сподра.

Танцевала она уверенно, легко, изящно. Она будто бы была рождена для танца. Даже компания акселераторов перестала по-лешачьи сотрясать воздух, галдеть и бряцать бокалами, глядя, как она танцует.

И вот такая вещь — обычно неуклюжий, а порою и беспомощный в танце Локтев неожиданно тоже почувствовал себя легко и свободно, раскованно: Сподра была настоящим мастером своего дела, она сняла с Локтева груз стеснения, сделала его непринужденным, живым и таким молодым, каким он давно не был.

...Они еще долго сидели в ресторане, много танцевали и, если говорить честно, много пили, и Локтеву было хорошо в этот вечер, он словно бы заново обрел себя. Лишь изредка тень озабоченности проползала по его лицу, но это было настолько незаметно, что даже наблюдательная Сподра ничего не разглядела.

А потом Локтев пригласил Сподру и Тонечку к себе домой: ведь надо же было познакомиться их в конце концов с друзьями, живущими в его квартире, с мухом Василием и сельскохозяйственным жуком Витьком. Это славные ребята, они стоят того, чтобы время от времени жизнь света касалась и их...

Юрмальские улицы были темны. Дождь кончился. Сосны задумчиво шумели, тесно сплетаясь руками где-то в вышине, — они в беседе коротали ночь, стряхивая на землю водяные грозды, горохом бьющиеся об асфальт. Локтеву было почему-то грустно, а Сподре и Тонечке наоборот: они много смеялись, толкались, играли по дороге в классики — в общем, вели себя, как девчонки, впервые ощутившие вкус свободы, оторвавшиеся от родительского и педагогического надзора.

6

Случай, происшедший с Пашей Смеляком на Памире, — редкий, такого почти не бывает: упасть с высоты сто семьдесят метров и остаться в живых! Подобного не ведал никто. Ни в своей опасной, полной самых различных падений жизни Люсьен Берардини, считающийся альпинистом номер один, ни Вальтер Бонатти, восходитель-одиночка, ни братья Абаляковы — словом, никто. Стоило Локтеву представить себе мрачную стометровую стенку, кое-где поблескивающую в слабом свете морозного дня голубоватыми сколами льда, и маленькую ватную фигурку, свершующую с щемяще-огромной верхотуры и теперь безудержно несущуюсь вниз, прямо на камни, так сердце у него останавливалось, осклизлым, мертвым комком закупоривало горло, и всякий раз возникало болезненное острое ощущение, что жизнь в нем вот-вот сойдет на нет, оборвется.

Пашу спасли. Его сумели быстро доставить на Большую землю, там сделали несколько операций, потом было долгое лежание на больничной койке, после чего он благополучно отбыл в родной Свердловск... Внешняя канва тут проста, она, если хотите, даже счастливый конец имеет. А вот внутренняя — здесь дело посложнее. Сумеет ли Паша после случившегося одолеть себя, перемочь страх, прежнюю боль и снова пойти в горы? Не то ведь на подобных вещах и не такие альпинисты ломались...

Локтев много раз задавался вопросом: почему люди ходят в горы? Ну то, что он сам ходит, — это понятно... Близость неба, высота, ощущение риска, сладкое, типичное для фронты, для войны чувство боя, борьбы, которому сопутствуют замирающий бой сердца, оглушающие удары в висках, кипение крови, не желающей мириться с высотой, риск и опасность, преодоление страха и одновременно преодоление самого себя, каждый раз заново. Но есть и другое. На земле, внизу, в нашей обыденной жизни встречаются негодяи, трусы, люди с двойным дном, что ради корысти и собственного блага готовы пожертвовать даже отцом с матерью. Есть такие люди, есть. В горах же они напрочь отсутствуют, не дано им в горах завестись — там, среди людей, идущих в одной связке, часто рискующих собой, никак не может ужиться подонки или трус. И не надо корить его за то, что он такой уродился, не надо гнать его прочь, если он случайно окажется рядом в связке, — он

сам уйдет. Тихо и безболезненно для тех, кто находится рядом. Он просто не вынесет того, что в состоянии вынести другие, — обязательно испугается высоты, мороза, пурги, жесткости, а зачастую и прямолинейности отношений, складывающихся в группе, голода и шпарящего холодного солнца, превращающего кожу в струпья, испугается постоянной, буквально на коротке опасности, вероятности в любую минуту сверзнуться в бездну.

Сколько ни ходил Локтев в горы, сколько ни брал пиков, вершин, пупырей, из всех гор он предпочтение отдает только одним — памирским. Во-первых, они ближе всех остальных гор к солнцу и к небу, и только там, именно там и больше нигде, в полной мере удовлетворяется летящая жажда высоты, вторых, лишь на Памире погода бывает такой терпеливо-постоянной, без нервных заскоков и перепадов: если начинает дуть ветер, то он дует в одном направлении месяц-полтора, если небо ясное, то оно долго, очень долго будет ясным, если же затевается пурга, то она обычно выдыхается, лишается сил очень скоро. В других горах — на Кавказе, Тянь-Шане, в Саянах — погода бывает не столь постоянна, как на Памире, все время случаются срывы, а когда погода стабилизируется, то всегда можно точно, предельно точно рассчитать любое, даже самое сложное восхождение.

В случае с Пашей Смеляком им повезло — пурга продержалась недолго, да и не пурга то была вовсе — так, снежный заряд, выстрел из пушки. Если бы занялась настоящая пурга — вряд ли бы тогда они выбрались...

В больнице им с Пашей пришлось лежать вместе; правда, Локтева скоро выписали, Паша же остался долечивать разбитые ноги. Позже Локтев провожал его на самолете до Свердловска, боялся оставить одного.

Конечно, горы — это не только «близость к богу», не только острое ощущение страха и бесстрашия, риска, низменного и благородного, подлости и великодушия, честности и никчемности, горы дают возможность, как точно подметил француз Робер Параго, «возможность судить о себе», понять, кто ты есть на самом деле, кто ты такой. Горы ломают человека, но они и возвышают его, горы — это очищение от скверны, это ни с чем не сравнимое чувство победы, когда каменная макушка наконец взята и где-то далеко внизу медленно скрипят, полза в устье, исчерканные каменными полосами морен ледники, а еще ниже растет арча и бродят кишки, улары, кеклики — сладкомая памирская живность, грохочут придурковатые красавицы реки, чье сильное течение способно на отдельных участках волочить по дну полторатонные валуны, и вода там такая крепкая, тугая и так ошеломляюще мощно она катит вниз, что сунь в течение палец — оторвет палец, сунь руку — оторвет руку.

Если человек на свою беду или счастье свое (кому как) полюбил горы, то они — вот ведь — приваживают к себе, и тогда человек становится их рабом — самым настоящим рабом, честное слово. Вот и случается, что люди, в силу обстоятельств расставшие с горами, иногда теряют рассудок — не вытерпеть ведь, когда по ночам снится ясное горное солнце необъятной величины, блазнятся зеленые сверкущие звезды, рождается ощущение высоты, тиши и величия, и человек тогда тоскует, плачет, жалуется на судьбу, ловит обрывающееся сердце собственной грудной клеткой, накрывает его, как синицу накрывают ловчей плетущей, и мается, мается, мается до полного изнеможения. Жаль таких людей — они несчастны, они потеряны в своей беде для самих себя и для других людей.

В общем, чего греха таить, Локтев боялся, очень боялся, как бы таким человеком не сделался Паша — уж слишком здорово поломали, покорежили его горы, как бы испуг, рожденный в нем при падении со стенки, не сохранился на всю жизнь. Если, не дай бог, сохранится, Паша тогда пропащий человек, он навсегда останется трусом и будет бояться всего: громкого крика, полета воробья, огороженного чучела, собственной тени. Локтев, спасая Пашу, стал самым настоящим крестным отцом его, и теперь Локтева охватывала тревога за крестника. В нынешнем году он даже задержался на Большой земле, не пошел со своей группой в горы, поджидая Пашу. Ибо знал,

что они должны, обязательно должны совершить очередное восхождение вместе, Локтев и Павел Смеляк, пусть несложное, нетрудное, но это восхождение должно быть совершено. Оно нужно, очень нужно. Для Паши, для жизни, для самого Локтева в конце концов.

Пока что Локтев «проводил работу» по телефону — уговаривал Пашу, — да, увы, результатов до сих пор никаких. Если же он не уговорит, то тогда сядет в самолет и покатит в Свердловск, ибо знает, что поломы, синяки и шишки, которые Смеляк заработал при падении, — всего лишь полбеда, полная беда — когда все-таки прошлое оставит след в душе, в мозгу, когда человек изменит свою психику, словно никудышнюю одежду, превратится в робкое подобие самого себя, в тень. Тогда такого человека уже не спасти.

Вот почему Локтев не отправился со своей командой на восхождение, остался дома, на Большой земле, поджидать Пашу.

А Паша, он, похоже, забился в угол, ушел в никуда, потеряв связь с миром, — уже четыре дня, как телефон его не отвечает. Неужто Паша Смеляк испугался? Нырнул в подпол и на вызовы никак не реагирует? Неужто парень этот навсегда потерял?

7

Считается, что одинокие мужчины, холостяки и вдовцы, умеют обставлять свое жилье, создавать в нем уют лучше, чем иные женщины-хозяйки — в собственных квартирах. Попросту говоря, мужики больше смыслят в том, что радует глаз и создает настроение, они не увлекаются, как это часто случается у женщин, мелочами, рюшечками и кнопочками, не захламляют, извините, комнаты безделушками в виде пуховых собак и котов — существ, ничуть не уступающих пресловутой мещанской герани в горшочках — столь модному в начале века украшению подоконников, тысячу раз раскритикованному, — словом, мужчина, создавая интерьер, старается отметить второстепенное и выделять главное.

Хоть и имелась в доме Локтева углы, которые хранили облик, созданный еще покойной Натальей Михайловной, все остальное было уже локтевским: и дерево, которым он собственноручно обшил стены, и украшения, свитые из грубых пенковых веревок, картины и ледорубы, висевшие, словно ружья, на перегородках комнат, и старый самолетный штурвал, и камни, что он привозил из каждого горного похода и любовно, один к другому, расставлял на полках, подбирая и komponуя их так, чтобы получилась некая каменная мелодия, икебана...

— Ого, а здесь душа отдыхает, — первой отметила уют локтевского жилья Сподра. — Я, знаете, что сделала бы? Внедрила бы ваши изобретения по части интерьера в массовое производство.

— Никогда не внедряйте в массовое производство изобретения, — усмехнулся Локтев. — Это вовсе не обязательно делать, ибо вслед за только что изобретенным появится изобретение куда более новое, более совершенное... Но и его не надо внедрять; возникнет изобретение следующее, опять-таки более качественное, и так далее. Не ставьте, Сподра, уют на конвейер, уют никогда не станет предметом массового производства.

— Что-то слишком сложно для меня. — Сподра зябко поежилась, обхватила руками трогательно худые плечи, обтянутые трикотажной кофточкой.

Этот жест перехватил Локтев, быстро сбросил с себя пиджак.

— Я сейчас камин растоплю. Тем более у меня ольховые полешки уже готовые есть, заранее наколоты. Знаете, как вкусно пахнет ольховый дым?

— М-м-м, вот он, высший свет... Камин, ольховый дым, отблески пламени на стене... Версаль, Лувр, замок Шатля, настоящий дворец Сен-Поль, — Сподра подняла брови, — ольховое дерево идет для королевского огня...

— Огонь в моем камине не уступит королевскому огню, — произнес с пафосом Локтев.

— Отсутствием скромности вы не страдаете.

— Красиво жить не запретишь, каждому охота хоть немного почувствовать себя королем и посидеть на троне.

— Хотя сами короли говорят, что на троне

Н. Кочетова. Род. 1954. МОЙ ОКЕАН. 1981.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

А. Крылов. Род. 1945. ПОМНИМ. 1980.

хорошо лишь спать — очень удобная мебель для сна и сновидений.

— Не знаю. Ни разу не коротал ночи на троне, ни разу не беседовал с королем. Сколько ни пытался встретить короля где-нибудь в автобусе или в электричке — мне это пока не удалось.

За веселым, немного шутковским разговором, от которого рождается на душе хмельное ощущение дурачества и легкости, Локтев о деле не забывал — быстро насовал полешек в камин, вниз положил немного бересты, подпалил с одной спички, и вот уже по комнатам теплый ольховый дымок, делающий вечернее коротание запоминающимся, полным душевного очарования. И девушки, они, похоже, хорошо, по-доброму относились к Локтеву, бросали на него, старого кондотьера, восторженные взгляды, видели в нем почти ровню, хотя ровня этот был седой, как полярный волк, добывающий в обледенелых скалах свой век. Локтев почти физически ощущал эти взгляды и был благодарен девушкам за этот визит, выведший его из состояния душевного застоя.

— А где же ваши жильцы? Одноглазый мух Василий и сельскохозяйственный жучок Витюха? — вдруг спросила Сподра.

— Витек, — поправил Локтев. — Василий, как я уже говорил, очень смущается, когда приходят гости, тем более дамы, — сидит, наверное, сейчас с несчастным видом в складке портьеры и чистит зубным порошком пуговицы на собственном пиджаке.

— Они у него что, медные? — поинтересовалась Сподра, подходя к портьеру.

Отвернула портьеру, внимательно оглядела ее. Тонечка присоединилась к подруге, озарила все вокруг синевой взгляда, разыскивая, куда же это спрятался застенчивый мух Василий, любитель правильно расставлять запяты, снимать обувь, прежде чем перескочить с портьеры на стол, чистюля, что каждый день драит зубным порошком пуговицы на собственной одежде?

— Нет его, — объявила Сподра.

— Я и сам удивился, когда не увидел ни его, ни Витьку. Витек, посмотрите, нигде не ползает там? Может, он заснул?

— Не видно ни того, ни другого.

— Странно. Тогда ребята, возможно, вышли погулять. На пару. Они иногда это делают. Ну ладно, я думаю, мы не будем ждать их, а выпьем немного коньяку, кофе и погреемся у огня. А когда вернутся — угостим гуляк. Годи́тся?

Это был редкий вечер, какие раньше нечасто выпадали в жизни Локтева, в нем будто заработал, раскрутился на полную мощность старый, проржавевший станок памяти, он без устали сыпал летними и горными историями, шутил остроумно и тонко и чувствовал, как эти красивые, словно бы из космического небытия переместившиеся в сегодняшний день девушки отзываются на каждое его слово.

Потом они готовили на каминной подставке шашлыки, получившиеся вкусными и сочными, запивали горячее, вязко тающее во рту мясо холодным красным вином.

— А Василий с Витьком так и не появились, — со смехом констатировала Сподра.

— Ну их! — отмахнулся Локтев. — Шляются где-нибудь, полуночники. Возможно, в подвальчик решили зайти, пропустить по стаканчику-другому вина... Не пропадут.

Посмотрел на часы — время уже было поздним, четверть двенадцатого ночи. Подумал с какой-то мягкой добротой, что, возможно, Сподре и Тонечке нет смысла сегодня возвращаться в Ригу, возможно, они хотят остаться, и тогда он предоставит им королевские апартаменты, для этого есть все условия — пусть располагаются! А утром подаст им по чашке крепкого горячего кофе и омлет с постной ветчиной — в общем, в грязь лицом не ударит. Он был благодарен им за сегодняшний вечер, за то, что отступило назад, не смея больше допекать, острое и тревожно-тоскливое чувство одиночества, очень схожее с долгой, иссасывающей болью, обеспокоенностью за Пашу; он благодарен девушкам за их смех, за доброту, за то, что они вместе с ним едят шашлыки и пьют вино, делают время и зачарованно смотрят на огонь камина. Они в нем действительно будто новую жизнь возродили, надеж-

ду подали, а то после бесчисленных звонков Паше Локтеву казалось, что он уже начал терять приобретенное ранее — а именно веру в человеческую исключительность, в добро, которое венец природы призван сеять вокруг, в чувство мужской дружбы и единения пред мраком худого, — он начал было сомневаться в том, в чем сомневаться вообще нельзя.

Сподра также посмотрела на часы, прикрепленные к тонкой серебряной цепочке, обвитой вокруг хрупкой и нежной руки, прошла на кухню, где на блестящей, старого литья рогулке висел древний, внушительно поблескивающий никелированными деталями телефон с масляно шелкающим безотказным диском, и через минуту Локтев услышал чуть приглушенный хрипловатый голос:

— Мама, я не разбудила тебя? Извини, что так поздно звоню, мамуль. — Сподра еще более понизила голос, и в нем появились доверчиво-капризные нотки, совсем детские, будто ребенок совершил шалость и теперь раскаивается в ней, рассчитывая на сочувствие и любовь взрослых, — милый, безошибочный рецепт. — Мамуль, я задержалась, прости меня, засиделась у Тонечки. Разреши, я сегодня домой не приеду, переночую у нее. Ладно? Ой, мамуль, спасибо тебе большое, а то мне ехать очень уж далеко. И боязно. Даже не знаю, как я и добиралась бы. Что, плохо слышно? Будто я из Юрмалы звоню? Да нет же, мамуль, не из Юрмалы звоню — из Риги. Вышли с Тонечкой из дома, отыскали автомат, у нее же, ты знаешь, телефона нет — вот и звоним с нею из будки... Дождь идет на улице, а в дождь телефоны в нашей славной Риге всегда плохо работают, ничего не слышно. Ну целую тебя, мамуль! Спокойной ночи... Привет папе!

Локтев подумал, что, наверное, можно было бы признаться и сказать: они застряли в Юрмале, у старого летчика и альпиниста Локтева, и ничего худого в этом нет, но потом, рассмеявшись тихо, одернул самого себя: ведь не очень здорово отнеслись бы папа и мама, если б узнали, что их дочь, «подарок божий», остановилась на ночь у какого-то Локтева... Тут не только всю Ригу — тут всю Латвию поднять на ноги можно.

Нет, какие же все-таки славные девушки Сподра и Тонечка, как здорово, что они здесь. Локтев им в ноги должен бухнуться за это, песню спеть, обучить новой остроумной считалке, показать лучший фокус, который он знает: ап, вот в руке куриное яйцо, видите? ап, вот вместо яйца мохнатенький пуховый комочек, похожий на большую сережку с вербы! Цыпленок! Ап, опять куриное яйцо, проштепелованное фиолетовым ромбом «диетическое, первый сорт», видите? — рассказать о самом точном гадании на руке, о том, как яркие изумрудные звезды, что светят ночью в горном небе, подарить им по неотшлифованному памирскому рубину — богатство, найденное в предпоследнем походе, продемонстрировать, как кричит голуб-яван — снежный человек...

Полешки в камине прогорели, пламя мигнуло раз и другой, сделалось бледным, рахитичным. Локтев поднялся, чтобы сходить на кухню, взять новую охапку из ольхового задела, подкормить огонь.

У входа на кухню он остановился — Сподра разговаривала по телефону тихим, почти неслышным голосом. Не слышным-то не слышным, но только из комнаты, а здесь, у входа на кухню, каждое слово, несмотря на тихость, буквально врезалось в уши, отчетливое, хорошо вылепленное. Локтев хотел было уйти, но задержался невольно.

— Володенька, чем занят? — спрашивала Сподра в телефонную трубку. — В карты с Айваром отношения выясняешь? Айвар — это кто? А-а, знаю, знаю, высокий такой парень, он в республиканской сборной по баскетболу играет. Молодец, хорошо играет. Что ж, Айвар вполне подходит. Если может — пусть останется, мы сейчас к вам с Тонечкой приедем. Да, на всю ночь. До утра... Нет, в Ригу проситься не будем, я с мамой договорилась. Ну пока!

Локтев почувствовал, как свинцовая боль наполнила ему виски, и сердце враз дало о себе знать, подпрыгнуло, срываясь с места, вилось тычком в горло — выходит, его все время водили за нос, просто дурачились над ним, а он этого не замечал? Постичь этот факт было трудно, не постигать надо было... Ах, как все это не к месту! И эти дурацкие слюни, кото-

рые он пускал, веселя Сподру и Тонечку, и его сопливая растроганность, восторженность их красотой, добротой и умом — как все это постыдно, смешно, жалко, фальшиво! Надо же, выступил в роли популая, шута, балаганного развлекателя, трактирного говоруна. Локтев схватился рукою за голову, потянул седую прядь, проверяя, сон это или не сон. Нет, происходящее не было сном. Напились, наелись за его счет, время хорошо провели, глядя, как он раздевается перед ними, разыгрывает то клоуна, то фигляра, то деревенского дурачка...

Напрягся тяжело лицом, чувствуя, что боль в висках становится сильнее, она невыносима и нет уже мочи терпеть ее, нет, но терпеть надо. Надо! Столкнулся взглядом со Сподрой. В ней ничто не выдавало волнения — лицо по-прежнему спокойное, со звонкими красками, смутно темнеет родинка на переносице, твердый милый рот чуть приоткрыт, будто на губах застыл невысказанный вопрос.

— Вот что, — проговорил Локтев сиплым чужим голосом, — я выйду минут на десять из дома. Погулять... Чтоб вас за это время здесь не было. Ясно?

Медленно передвигая негнущиеся ноги, он прошел к двери, вывалился наружу, захватил открытым ртом побольше свежего воздуха. Кадик напряженно запыргал на его шее. Локтев старался изгнать боль из висков, из крови, из тела, а боль, она, зараза, никак не проходила, хоть криком кричи.

Слепо тычась в какие-то предметы, в сосновые стволы, в изгородь, которой была обнесена детская площадка, он вслепую побрел к заливу, ориентируясь на глухое давленное шипение волн, перебиваемое мелким раскисшим звуком дождя, который опять посыпал с неба, хрустом песка под ногами, далекими вскриками не засыпающих даже ночью чаек.

Он по ошибке думал, что его спасают, помогают выстоять, дают возможность крепче держаться на ногах, а его попросту топили, как топят ненужную собаку, привязав камень к шее, его разжевали, словно невкусную корку хлеба, и выплюнули — вот что с ним сделали две красивые девушки. Локтев слепо покрутил головой — боль, вонзившаяся в виски, не отпущала, она проникала в мозг, парализовывала движения, желание жить, мыслить, общаться с другими людьми.

Остановившись, он прислонился плечом к гулкому кривоватому стволу сосны, посмотрел печально в темноту, в ту сторону, где плескались, напoлзая на берег, волны.

Когда он вернулся домой, Сподры и Тонечки там уже не было. Остался лишь едва приметный запах губной помады, духов, лака для ногтей — обычный женский запах. Огонь в камине окончательно догорел, и закопченная задняя стенка недобро чернела, чудилось Локтеву в ее пороховой гари что-то такое, что приносило зло, увечило дух.

Сел на стул, стиснул коленями руки, опустил голову и словно бы погрузился в небытие. Сколько он так просидел — не помнил. Очнувшись лишь, когда в голову пришла мысль о том, что он еще раз собирался позвонить Паше Смеляку.

Смеляк, Смеляк... Удобно ли звонить? Ведь в Свердловске, наверное, время сейчас уже совсем позднее.

Удобно. Локтев собрался было сходить к телефонам-автоматам, но потом отмахнулся от этого желания: зачем идти, когда телефон в доме имеется? Поймал себя на мысли, что раньше он почему-то из дома не звонил, все к автоматам ходил... Наверное, потому, что ему хотелось видеть людей, общаться с ними, жить как можно более полной жизнью, а не киснуть в одиночестве, не чувствовать себя окончательно затворником.

Локтев снял трубку, поморщился от назойливо-тонкого пищания гудка, набрал номер междугородной станции и попросил телефонистку соединить со Свердловском. И, если можно, поскорее — пусть заказ будет срочным. Очень срочным.

Ощущение боли, горечи, какой-то странной, схожей с язвой затравленности не проходило. Он крепко закусил зубами нижнюю губу, сдерживаясь. Задал сам себе вопрос: а только ли из-за Паши он задержался на Большой земле, не ушел в горы? Нет ли тут какой-нибудь другой причины. Может, он уже безнадежно постарел, ослаб и дороги в горы вместе с силь-

ными молодыми людьми, которым он явно не подходит в соперники, уже нет?

Локтев неприятно покривился лицом, подвигал челюстью, будто его ударили кулаком и теперь он прожевывает этот удар, словно сухарь, старается освободиться от него. Он неожиданно понял, что сейчас из состояния душевного клинча, потерянности его может вытащить только Паша, только он один, спасенный Локтевым человек. Если Паша переберет страх перед горами, перед своим прошлым, перед ощущением постоянного падения с обледенелой стены и найдет в себе мужество вновь поехать на Памир, то Локтев спасен, он, так же как и Паша Смеляк, вновь обретет себя после сегодняшнего удара, одолеет одиночество, боль, тоску, снова станет самим собой. Если же Паша скис и в нем окончательно оборвалась нить, связывающая его со временем, оставшимся позади, с людьми, умеющими ради других рисковать, а то и жертвовать собой, добывать победу в изнурительной борьбе и не плакать, когда разбивается друг, а продолжать его дело,—если нить эта оборвалась и Паша Смеляк надломился, то тогда, видимо, суждено окончательно надломиться и Локтеву.

Минуты ожидания были долгими, щемящими, страшновато-пустыми, полностью лишенными каких бы то ни было звуков. Когда телефон заливило, оглушающе звонко зазвенел, Локтев даже вздрогнул. Взял себя в руки, прошел на кухню, поднял трубку. И сразу же услышал далекое, сдобренное щелканьем, словно где-то горел костер, Пашино: «Алло!»

— Это Локтев. Ло-октев, тебя, Паша, беспокоит,—проговорил он медленно, слушая собственный голос и одновременно голос эфира, стараясь угадать заранее, как Паша поведет себя, что ответит.

— Чую, чую,—совершенно бесцветно проговорил Паша, и Локтев, не думая о том, что бесцветность эта, возможно, со сна (час-то вон какой поздний), сгорбился, ощутив неожиданно: Павел Смеляк больше нигде и ни за что не пойдет, ни в какие горы—все, отходился он, увяло в нем биение жизни, угас голос...

— Я тебе несколько раз звонил,—по инерции пробормотал Локтев, морщась.

— Знаю,—сказал Паша. Помолчал.—Я к телефону не подходил. Когда междугородка звонила, я боялся трубку брать, а сейчас вот... Сейчас взял.—В голосе его появились решительные нотки.—Ну что, крестный? Я готов идти в горы! Рюкзак собран, отпуск оформлен, ледоруб в боевом положении!

Боль, натекая Локтеву в виски, давившая на голову, мешавшая дышать и думать, сразу ослабла, будто прорвало нарыв, и Локтев ощутил неожиданно, что у него дрожат, буквально трясутся ходят, как у психованного, руки. Он отставил трубку далеко от себя и, совершенно не слыша обеспокоенного Пашиного «алло, алло!», раздвинул губы в улыбку.

Посмотрел трезвыми, осмысленными глазами вокруг, скользнул взглядом по стенам, по столу, на котором лежали шампур с засохшими кусочками мяса, стояло недопитое вино, поглядел в окно, где по-прежнему мерно и нудно брел о железную крышу холодный, совсем нелетний дождик и вели свой печальный ночной разговор сосны да еще, скраденные расстоянием, изредка всхлипывали волны залива, зашевелил губами беззвучно, чувствуя, как предательски подрагивает подбородок...

Дождь этот пройдет, он обязательно кончится, а с ним истает, удалится в бившест и ночь. И разыграет своими чистыми красками утро, выведется простор, наступят желанные сухие дни, столь любимые отпускниками,—с нежарким, но едким, оставляющим прочный загар солнцем, с нежной, прозрачной водой залива, с белым мелким, как крахмал, песком и редкими, тоскливыми криками чаек.

Но вот такая вещь: в хорошую летнюю погоду люди, живущие в Юрмале, обязательно вспоминают осенние дожди, низкое серое небо, вызывающее ощущение печали, вспоминают тревожный шум мокрых сосен, проросших сквозь дюны, и тоскуют об этих днях... А точнее, тоскуют об осени. То ли приближение ее чувствуют, то ли просто думают о ней, ибо знают, что законы природы нерушимы: вслед за летом обязательно наступит осень. И приближение ее неминуемо.

ИССЛЕДОВАНО — В ПРАКТИКУ

Игорь ДЬЯКОВ

О щутить первозданную тишину можно теперь, пожалуй, лишь замерев посреди векового зимнего леса, когда над головой не проносится самолет, не визжит лесопильня... Однако в таком «стерильном» покое человек, как правило, не может находиться долго. Молодые мамы, читавшие доктора Спока, не доводят оберегание детского сна до абсурда, а обязательно оставляют для ребенка малую толику звука. Человеку необходим так называемый «шумовой фон», в котором тонут единичные шумы, действующие на психику гораздо сильнее. В этом я убедился, оказавшись в беззвучной камере Московского НИИ строительной физики Госстроя СССР. Стены квадратного зала, обитые метровыми клингами из прессованной стекловаты, полностью поглощали звук.

— Здесь мы проводим различные испытания,—говорил в звенящей тишине Л. А. Борисов, заведующий одной из лабораторий института.—На этом «глухом» полу устанавливаются макеты зданий и даже целых микрорайонов. Их «ошумливают» с помощью источника звука, а потом подыскивают наиболее рациональный антишумовой вариант планировки. Благодаря таким опытам уже существуют «шумовые карты» сорока крупнейших городов страны...

Я слушал, и вдруг в этой абсолютной тишине мне начало казаться, что от звучащих слов мои барабанные перепонки прогибаются, подобно нависающему потолку из толстых матов.

— Но такая тишина — великая редкость,—улыбнулся Борисов.—Неизмеримо больший вред организму человека наносит шум, который тиранит наши уши порой в течение круглых суток. Мы не обращаем на это внимания — привыкли. А между тем медиками доказано, что последствия «звуковой агрессии» могут быть самыми серьезными. Шум в девятью децибел вреден. А уровень, нашим организмом непереносимый,—сто пятьдесят децибел.

Фронтвики рассказывают, что во время артобстрела казалось, будто деревья перемещаются. Подобное случается при уровне шума 130 децибел. Чрезмерный шум и меньшего уровня влияет на зрительный и вестибулярный аппараты, ухудшает устойчивое ясное видение и рефлекторную деятель-

ность. Кроме того, снижается чувствительность сумеречного зрения. Дневное же зрение постепенно перестает воспринимать оранжево-красные лучи, что, кстати, является причиной многих автомобильных катастроф. С артобстрелом по уровню шума сравним взлет реактивного самолета, а также концерты некоторых вокально-инструментальных ансамблей поп-музыки. На многих концертах групп «Дип перл», «Статус-нво», «Грэнд фанк рейлроуд» зрители вынуждены затыкать уши ватой. Из зала раздаются крики «тише!», «тише!», но они тонут в реве многотонной аппаратуры. Вероятно, не всем из беснующихся известно, что такая эксплуатация музыки приводит к потере слуха, способствует возникновению опухолей желудка и кишечника, нарушает кровообращение, снижает мыслительную потенцию. Столь убийственный ритмизированный шум может довести человека до состояния предбезумия, ведет к агрессивности, требующей немедленного выхода. Пугающе далекими кажутся порой слова Чайковского: «Я сам становился звуком, слушая песни лес!»

Согласно данным австрийского врача Гриффита, шум «съедает» восемь—двенадцать лет нашей жизни. Но мы, уже не особенно задумываясь над этим невеселым выводом, покачиваем головами: «Это же надо!» С такой же безучастностью скользят взгляд злого курильщика по надписи на сигаретной пачке «Курение опасно...». Шум — зло, опасное для всех без исключения, с ним надо бороться беспощадно, всеми силами и средствами, как со злейшим врагом здоровья человека. Ведь неизвестно еще, чему более обязаны восточные долгожители — чистому воздуху, как принято считать, или отсутствию каждодневного шума. А финны говорят: «Наши уши — это наши нервы».

Еще в 1880 году один из создателей современной бактериологии, Роберт Кох, писал: «Наступит день, когда человеку придется вступить в борьбу с шумом — злейшим врагом его здоровья, точно так же, как он боролся против холеры и чумы в прежние времена». Прошло сто лет. Если учесть, что верхний предел шумов в окружающей среде удваивается примерно каждые десятилетия, то можно представить себе, какими потерями для человечества чревата недостаточная оперативность в решении проблемы шума. Ведь шум пагубно действует не только на здоровье, но и на экономику. Вернее, через здоровье на экономику. Шум повышает утомляемость, не дает сосредоточиться, часто бывает отступен, отравляя целительный покой — отдыха. В результате уменьшается производительность труда, а в конечном итоге — и творческая потенция.

Мы не привыкли еще переводить убытки от шума в звонкую монету — это сложный, «многоступенчатый» процесс. Но он, кстати, является одним из показателей высокой культуры труда, а главное — крайне важен с точки зрения экономики. В Англии, например, убытки, причиняемые шумом, превышают убытки от пожаров. В США только в учреждениях шум «пожирал» ежегодно 4 миллиона долларов.

В нашей стране шум пробудил беспокойство в 1934 году. Уже в феврале 1935 года была созвана первая в Союзе конференция по борьбе с шумом. С тех пор подоб-

ПОЖАЛУЙСТА, ТИШЕ!

ные конференции проводились многократно. Последняя состоялась в 1979 году в Челябинске.

Над решением проблемы работают сорок научно-исследовательских институтов, акустические центры в Москве, Минске, Ленинграде, Вильнюсе, Новороссийске и в других городах, сотни лабораторий при министерствах, вузах, на предприятиях.

В 1960 году Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по ограничению шума в промышленности». В 1973 году Совет Министров СССР принял возвращенное постановление «О мерах по снижению шума на промышленных предприятиях, в городах и других населенных пунктах», которое предписывало осуществление комплексной системы мероприятий, защищающих людей от шума на рабочих местах и в быту.

Необходимость разработки и внедрения новых методов и средств борьбы с производственными, транспортными и иными шумами подчеркивалась на XXV и XXVI съездах КПСС, в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов».

Вопросам борьбы с шумом в нашей стране придано общегосударственное значение. В «Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» есть специальная статья 24 «Предупреждение и устранение шума», а в статье 12 принятого в 1980 году «Закона об охране атмосферного воздуха» указывается, что «местные Советы народных депутатов, министерства, государственные комитеты, ведомства, предприятия, учреждения и организации обязаны разрабатывать и осуществлять мероприятия по предупреждению, снижению и устранению вредного воздействия на атмосферу звуковых колебаний, включая шумы, излучений и т. п.».

— Подсчитано, что около десяти миллионов наших сограждан подвергаются постоянному шумовому воздействию с особой интенсивностью — это люди, работающие в таких «громких» отраслях, как машиностроение, металлургия, литейное производство, текстильная промышленность; допустимые нормы там превышаются порой на 10—15 децибел, — говорил заведующий лабораторией по борьбе с промышленными и городскими шумами НИИ строительной физики Г. Л. Осипов. — Работа ведется по двум основным направлениям. Первое — подавление шума в самом источнике: станках, агрегатах, машинах, устройствах. Для этого требуются конструкторские решения, сводящие до минимума ударное взаимодействие деталей, предполагающие совершенствование кинематических схем, изменение жесткости или массы отдельных элементов, применение звукопоглощающих и звукоизоляционных материалов, узлов, деталей. Особое внимание конструкторов должно уделяться металлорежущим станкам, прокатным станам, оборудованию: кузнечно-прессовому, доменному, сталелитейному, деревообрабатывающему. Между тем до сих пор находятся в серийном производстве изделия, при работе производящие опасный для здоровья людей шум. Пожалуй, сильнее всех страдают от акустического перенапряжения работники текстильной промышленности. Новые станки, поступающие в цеха, дают по сравнению со старыми некоторый выигрыш, но тем не менее грохот там стоит прежним. Отсюда — повышенная

утомляемость работников, текучесть кадров.

Второе направление борьбы с шумом на предприятиях — их всесторонняя звукоизоляция, которая включает в себя специальные покрытия и кожухи, экраны, отделывающие один агрегат от другого, глушители систем вентиляции, кондиционирования, улучшенную планировку цехов.

Разработки по шумоглушению в промышленности внедрены на многих крупных предприятиях страны: комбинате синтетических волокон имени В. И. Ленина в Могилеве, Камском автозаводе, ЗИЛе, Люберецком ковровом комбинате, табачной фабрике «Ява», на газотурбинных энергетических установках в Краснодаре, Харькове, Невинномысске, Электрогорске...

...Оглядев скошенные стены реверберационной камеры, Борисов сильно хлопнул в ладоши — словно лавина теннисных шариков зацокала, посыпалась на нас со всех сторон и долго не затихала.

— Все-таки еще недостаточный эффект, — сказал Лев Александрович. Он кивком головы указал на несколько белых минераловатных плит, уложенных на полу для испытаний. Такими плитами оснащены потолки в цехах московского текстильного комбината «Красная роза», Ермолинского комбината и других предприятий текстильной промышленности. Минераловатные плиты, дублированные акустической прозрачной оболочкой из стеклоткани, снижают уровень шума, по субъективному восприятию, в полтора раза, что далеко не предел.

Однако столь очевидное преимущество часто встречается со странным к себе отношением. Некоторые руководители легко идут на удешевление строительства, на отступления от проекта за счет сокращения мер по шумозащите. А ведь понижение шума в цехах на один процент ведет к такому же повышению производительности труда! Подсчитано, например, что в одном только прядильном цехе в Ермолине благодаря шумозащите за год было сэкономлено более сорока тысяч рублей.

Но главное — недостаток основных звукопоглощающих материалов. Специальные акустические плиты выпускает завод жестких минераловатных плит в Ростове-на-Дону, но их количество может удовлетворить лишь половину предприятий одной только текстильной промышленности. Всего же по стране потребность в звукопоглощающих материалах удовлетворяется лишь на семь-восемь процентов. Для осуществления шумозащитных мероприятий не хватает качественной минеральной ваты, фенолоспиртов, стеклотканей определенных типов, хорошо известных Минхимпрому СССР. Без этих материалов проекты по шумозащите промышленных предприятий могут существовать лишь на бумаге.

«Шумные» предприятия вынуждены чуть ли не в частном порядке подыскивать производителей звукоизоляционных материалов и звукопоглощающих конструкций и выменивать их на часть своей про-

дукции, а если это не удается, изготавливать самим приспособления, спасающие от шума. А это, как правило, делается недостаточно квалифицированно, без учета многих необходимых критериев.

В Вильнюсском НИИ теплоизоляции разработано и собрано опытное оборудование для технологической линии по производству звукопоглощающих элементов кулисного типа — таких же, из которых состоит потолок в Ермолине. Но ежегодно их там выпускается всего десять тысяч квадратных метров...

От шума транспорта страдали и древние римляне. Юлий Цезарь, разбуженный однажды грохотом колес, запретил в Риме езду на колесницах в ночное время. Сейчас уровень шума транспортных потоков — порой уже невыносимый — ежегодно возрастает на 0,5—1 децибел.

Вспоминаю два разговора с градостроителями.

— Главное — рациональная планировка городов, — рассказывал московский архитектор Б. Е. Светличный. — Проспекты с зеленой зоной, идущей посередине, постепенно вытесняются в проектах широкими магистралями с бульварами, деревьями и кустарниками по сторонам — по типу Ленинского проспекта. Там, где это возможно, магистрали углубляются или уводятся в тоннели, как в таллинском жилом массиве Ласнамяэ. Транзитный транспорт повсеместно должен быть выведен на обходные трассы, а индивидуальные гаражи — за пределы жилых районов. Мне думается также, что на здоровье и настроение людей благотворно влияют участки центральных улиц или отдельные жилые микрорайоны, куда запрещен въезд любому виду транспорта.

Б. Е. Светличного как бы дополняет С. М. Виноград, главный архитектор Нового города в Тольятти. С ним я беседовал в его рабочем кабинете.

— Вы, наверное, слышали о нашей санитарно-защитной зоне? Своей зеленой грудью она словно прикрывает город от неприятных воздействий, в том числе и шумовых. За кронами ее деревьев укрылись десятки мелких предприятий, вынесенных из районов жилых застроек. Тольяттинцы потихоньку отвыкают от грохота грузового транспорта: обходная магистраль для него расположена за защитной зоной. Думаю, такую практику настало время вводить и в других местах.

Семен Михайлович встал и подошел к окну, из которого были видны громады зданий Нового города.

— Взгляните и представьте, что один квартал таких домов мы строим за два года. А наш квартал — километр на километр, и живут в нем тридцать тысяч человек. Внутри — торговый центр, школа, детский сад, кинотеатр. Вне такого жилого центра лишь подземные гаражи для личных автомашин... А магистрали? Они рассчитаны на десятикратное увеличение транспортного потока...

Тольятти во многом город бу-

дущего, в том числе и в смысле шумозащиты. Не каждый город имеет открытую, подобную тольяттинской, планировку, позволяющую оперировать огромными площадями. Защитные зоны — расстояния между жилыми домами и магистралью — занимают много места, что для иных городов неприемлемо. Сократить эти расстояния пытались различными способами: создавали зеленые заслоны из деревьев и кустарников, земляные валы, бетонные стенки, а также экраны из двух-трехэтажных нежилых зданий — складов, магазинов, гаражей.

Но наиболее эффективно вопросы защиты от транспортных шумов решаются с помощью «шумозащитных» домов. Несколько существующих вариантов объединяет один главный принцип: на магистрали выходят лишь вспомогательные помещения — кухни, санузлы, лестничные клетки и максимум одна из нескольких жилых комнат квартиры. Экспериментальные шумозащитные дома есть уже в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Херсоне и других городах. А на Дмитровском шоссе построен первый крупнопанельный шумозащитный дом по типовому проекту.

Однако и создателей подобных домов в значительной мере сдерживает нехватка звукоизоляционных материалов. Наша промышленность не выпускает специальных прокладок, которые необходимо укладывать между бетонной плитой и полом. И строители часто вынуждены полагаться на случайные материалы. Оттого звукопроницаемость во многих домах гораздо лучше по вертикали, чем по горизонтали. Оттого звук работающего миксера слышат все соседи сверху и снизу, что, конечно, не способствует росту взаимопонимания соседей.

Качество строительства... Нежелательные «акустические мосты» с удручающей частотой наводятся даже тогда, когда в проекте предусмотрена вся мыслимая блокировка так называемых бытовых шумов. Из-за недобросовестного исполнения вдобавление переговорных труб превращаются вентиляционные каналы; бойлерные, не отделенные от жилых зданий, наполняют наши квартиры урчанием двигателей и вибрацией; отверстия розеток, по недосмотру лишенных звукоизоляционных прокладок, становятся рупорами частной жизни наших соседей; по всему дому разносятся стоны и оханья водопроводных труб, слишком жестко соединенных с перекрытиями; все звуки подъезда в любое время суток доходят до нашего слуха сквозь тоненькие входные двери квартиры.

Может быть, настала пора на новых домах вешать таблички с именами и телефонами тех, кто их строил, хотя бы на первый год? И главное, не настало ли время подумать о строительстве завода акустических материалов? А может быть, и о создании новой отрасли промышленности, которая устранил досадную нехватку звукоизоляционных средств и для предприятий и для жилого строительства?

БОЛЕВАЯ ТОЧКА СЕРДЦА

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. Д. ЦЫБИНА

В начале шестидесятых годов, после первых двух книг поэта Владимира Цыбина, критика отмечала его как «приметное явление советской поэзии... Он современен и образован. Истоки его творческой самобытности глубоко народны...». Именно к народной основе восходит его сильное дарование, которое обогащается современным опытом духовной жизни общества, опытом современной поэтической культуры.

Эпиграфом к первому разделу новой книги «Думы дальние» поэт взял слова Поля Валери: «Создавать для меня ежедневно, в течение нескольких часов возможность сосуществования с самим собой». Возможность сосуществования с самим собой, что это значит для поэта? В. Цыбин так отвечает на этот вопрос: «Я не мучаю слова до тех пор, пока из них выскрипится натужное вдохновение. Делать стихи нельзя. Тем более принуждать себя к поэзии. Стихи нам даются как бы в подарок за добро, боль, измученность воспоминаниями». И добавляет: «В поэзии, как в теории относительности, миг уравнивается с вечностью, более того, миг — это сжатое в одну точку время. Вот почему он становится болевой точкой сердца».

Он очарован поэзией с далеких лет, когда под влиянием матери, знавшей бесконечное множество казачьих песен, и отца, выдающегося фольклориста, помнившего легенды и предания Семиречья, научился «говорить» в рифму, а во втором классе уже написал первые стихи о коршунах и беркутах, которые «летают в обнимку с облаками». Живя с родителями в старой казачьей станице Самсоновская, будущий поэт каждый день слышал густую народную речь, мелодичные степные песни. Отец рассказывал сыну о казачьей старине, о том, как рубились с белоказаками под Верным и Копалом. Потом эти рассказы выльются в поэзии Цыбина в строки страстные, характеры сильные.

Насыщенная приметами бытия, народной жизни, его поэзия стала поэзией широкого диапазона, причастия ко всему, что вершится вокруг. «Собираю улыбки, чтобы они по лицу потекли, чтобы их разнесли по домам своим весело дети...» Заглавное стихотворение новой книги Цыбина заканчивается строфой, в которой выражено отношение поэта к своему времени, к жизни, к поэтической судьбе:

Ветра плоть — моя плоть,
оттого я живу на ветру,
вдох мой каждый живет
у любимой в отзывчивом вздохе.
Как же вздох от нее,
как от ветра я плоть отберу,
как свой пульс оторву
от смятенного пульса эпохи?..

Он причастен ко всем спорам о современной поэзии, ибо те изменения, которые происходят в ней, видимые и невидимые, касаются и его работы в литературе. Он причастен к этому как поэт, переводчик, воспитатель молодых дарований.

Поздравляя поэта, хочется вспомнить слова о нем, сказанные Борисом Пастернаком, ибо они точно отражают суть и смысл работы Владимира Цыбина в литературе: «Страстное, неравнодушное, жадное, эмоциональное, одухотворяющее слово Владимира Цыбина существует на земле не ради суетной славы, которая «лезет напролом», оно живет во имя памяти жизни, во имя исполнения своего гражданского, общечеловеческого, поэтического долга».

А. КИРИЛЛОВ

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
советского телевидения
на Ближнем Востоке

Выехав ранним утром из Аммана — столицы королевства Иордания и оставив позади горную дорогу, постепенно спускающуюся в долину, мы подъезжаем к неширокой реке. Ее берега — восточный и западный — соединены металлическим мостом. На противоположном, западном берегу лениво колышется на высоком флагштоке бело-синий флаг с шестиконечной звездой. Отсюда совсем недалеко Иерусалим, Иерихон, Мертвое море — названия, тесно связанные с историей Палестины.

Неужели эта узкая мутная речка, не сходящая теперь со страниц газет и телеэкранов, — та самая легендарная река, перейдя которую отряды древнеиудейских воинов предали огню и мечу мирные поля и села, но так и не смогли тогда покорить палестинцев? Неужели именно на эти берега устремлялись полчища гремящих мечами и латами крестоносцев?

Да, это и есть известная с незапамятных времен река Иордан. Мы — на восточном ее берегу, который принадлежит Иордании. Западный берег реки со всеми прилегающими палестинскими землями, селами и городами захвачен вооруженными силами Израиля.

По какому праву? Очень просто — по праву сильного. По праву превосходства в артиллерии, танках и авиации, по праву неожиданного удара бронированным кулаком.

Пока что эту оккупированную часть Палестины израильская администрация называет «контролируемыми территориями». Но не успел кнессет утвердить аннексию Голан, как тут же сионистские «ястребы» стали требовать аннексии районов сектора Газа и Западного берега реки Иордан. Сионистская пропаганда считает, что юридическое присоедине-

НА БЕРЕГАХ ИОРДАНА

ние этих палестинских земель к Израилю — вопрос времени, возможно, очень непродолжительного. Ведь и здесь происходит израильская колонизация, подобно тому, как постепенно вопреки протестам даже в самом Израиле был заселен, а затем и аннексирован район сирийских Голанских высот.

Мы стоим среди группы арабов, одетых в национальные палестинские и в европейские костюмы. Мужчины, женщины, старики, дети — все они смотрят на западный берег, где виден израильский флаг, с тоской и болью.

В 1967 году вместе с отступающими под напором врага частями иорданской армии тысячи и тысячи палестинцев бежали от сионистов за реку Иордан. Им пришлось бросить поля, сады, пастбища со стадами, дома, имущество и могилы предков. Еще недавно счастливые и уважаемые люди — крестьяне, рабочие, ремесленники, врачи, инженеры, — а теперь бездомные и неимущие беженцы, они пополнили население палестинских лагерей, разбросанных по Ближнему Востоку с 1948 года, со времени образования государства Израиль.

Пожилый араб с саквояжем в руке тихо говорит по-английски, не глядя на журналистов: — Когда-то никто из нас не хотел верить, что изгнание может быть долгим. Мы были убеждены, что Организация Объединенных Наций заставит сионистов вернуться в их законные государственные границы...

Горькой иронией звучат эти слова в те дни, когда израильские лидеры заявляют на весь мир, что ООН вообще не имеет права на существование — ни больше, ни меньше! — если позволяет себе осуждать Израиль за аннексию Голан. Как сообщало на днях израильское радио, в кнессете уже кричат о том, чтобы закрыть представительства ООН в Израиле и впредь не иметь ничего общего с «этой организацией». Но одно дело одергивать и отчитывать президентов США и Египта, — это внутренняя проблема взаимоотношений в «кэмп-дэвидской тройке». Совсем другое — оскорблять Объединенные Нации. Вот этого, по мнению ряда зарубежных обозревателей, правительству Менахема Бегина, мягко говоря, не следовало бы делать. Не случайно оппозиция в кнессете не поддержала воинствующую партию премьер-министра в атаке на ООН, хотя и получила за это соответствующий нагоняй.

Но те, кто стоит на восточном берегу Иордана, сейчас далеки от высокой политики. Они просто хотят побывать дома. Но не всем это удастся. Да и то перейти Иордан им дозволено лишь в качестве людей второго сорта, со специальными документами. Выстроившись в очередь, они подходят к контрольному пункту израильской армии на середине моста. Раздвижной барьер украшен надписью на иврите. Здесь офицер и солдат проверяют бумаги.

Солдат, довольно толстый для военного человека парень в белой американской каске, смотрит на палестинцев с равнодушным презрением. Офицер подтянут и корректен. Если документы ему не нравятся, он спокойно показывает рукой на восточную сторону и говорит по-арабски: «Прощайте!» Так, например, он отправил обратно человека, которого ждала на западной стороне жена с маленьким ребенком. Сдавленным от сдерживаемых рыданий голосом она крикнула:

— Мы не виделись с мужем три года!

Корректный офицер слегка пожимает плечами:

— Прощайте! Следующий...

Те, кого пропустили, идут по настилу моста на заветный берег. Там их ждет сначала обсык, а затем встреча с родными и друзьями... или новые унижения.

Так на мосту короля Хусейна, на территории, которую даже израильский кнессет пока не решается «узаконить» как свою собственность, по всей форме действует израильский пограничный пункт.

Мы побывали в одном из лагерей палестинских беженцев, где живет немало людей, родившихся и выросших «за рекой», то есть на Западном берегу реки Иордан.

— Не нужно только называть мое имя, — сказал нам молодой палестинец. — Там, за Иорданом, осталась моя родня. Я пытался перейти Иордан, чтобы повидать сестру и племянников, но оккупанты не пустили меня. Дело в том, что я позволил себе публично высказать свое мнение по поводу изгнания сионистами ректора Иерусалимского университета и мэров двух палестинских городов.

Перепрыгивая через сточные канавы (на постройку в лагерях канализации не хватает средств), идем по узким улочкам, заходим в дома. Комнаты подметены, стены выбелены. Но ужасающая скудность и бедность видны повсюду. И при этом все дети ходят в школу, несмотря ни на что! Сворачиваем за угол и видим целую улицу разрушенных бомбами и снарядами домов.

— Вот вы удивляетесь, как люди могут жить годами в таких условиях и не потерять человеческого облика, — продолжает наш собеседник. — Они живут надеждой. Для меня это надежда мирно и счастливо зажить в старом доме моего отца. Я хочу перейти Иордан гражданином независимого Палестинского государства. Разве я требую слишком многого?..

Бейрут.

Специально для «Огонька»

ВСТРЕЧИ В НЯЧАНГЕ

Юрий Ю Ш А

КОЛЛЕГИ И ДРУЗЬЯ

Однажды в знойный полдень мы сидели в тени кокосовой пальмы на пляже небольшого вьетнамского городка Нячанг. Мы — это четверо советских специалистов Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного научного центра АН СССР и трое вьетнамских ученых Института морских исследований СРВ: Нгуэн Динь Тан, Хунг Минь Чин и Нгуэн Ба Суан. Был второй день нашей совместной работы. Тан, Чин и Суан прекрасно говорили по-русски и вообще оказались своими парнями. Тан окончил Киевский институт инженеров гражданской авиации, Чин — Одесский гидрометеорологический, Суан — Ленинградский гидрометеорологический.

Задача перед нашей группой стояла довольно сложная. Мы должны были передать Институту морских исследований СРВ опыт работы по измерению электромагнитных полей океана, в частности по выявлению предвестников грозных тихоокеанских тайфунов, часто обрушивающихся на вьетнамское побережье. Нам было поручено также разработать проект договора о совместном строительстве в Нячанге постоянно действующей научной океанологической станции. В тот день с утра мы как раз и ездили осматривать место для нее.

ЗАБЛУДШИЙ

Итак, мы сидели в тени кокосовой пальмы, любовались красивой подковообразной бухтой и не спеша попили сок кокосовых орехов, когда появился этот странный человек. К нам медленно, усталой походкой, загребая почерневшими ногами горячий песок, приближался классического вида бродяга. Одежда его состояла из чрезвычайно обтрепанных, давно потерявших форму брюк и такой же рубашки, в которой при внимательном рассмотрении можно было узнать военную гимнастерку.

— Здравствуй, Ленсо (так нас часто называли во Вьетнаме), — сказал он на ломаном русском языке и присел в сторонке.

Он смотрел на нас с нескрываемым интересом и, казалось, хотел что-то сказать. Мы угостили его соком. Поставив между ног кокосовый орех со вскрытой верхушкой, незнакомец вдруг вытаснул вперед правую руку, и мы увидели синюю татуировку — написанные русским шрифтом одно под другим три слова: «Ленин, Хо Ши Мин, СССР».

Руководитель нашего отряда Ренат Джаватович Меджитов обратился к Тану:

— Спроси, пожалуйста, кто он такой и откуда.

Тан с готовностью задал вопрос и долго слушал темпераментный ответ незнакомца. Затем начал переводить:

— Он бывший солдат марионеточного сайгонского режима. После ухода американцев эмигрировал. Попал на Тайвань. Работал в каменоломнях. Терпел нужду, побои. Удалось бежать на судне, перевозившем щебень в Сингапур. Оттуда месяц добирался до Вьетнама. Без документов, без денег. По дороге сам сделал себе эту татуировку. Идет в родную деревню, которая находится где-то севернее Нячанга. Там у него мать, сестры, брат. Говорит: «Хочу работать у себя дома, хочу строить социализм, мирную жизнь, как учили Ленин и Хо Ши Мин».

В КООПЕРАТИВЕ

О возвращавшемся в свою деревню страннике я вспомнил несколько дней спустя, когда мы были приглашены в сельскохозяйственный кооператив «Зин-ан», расположенный севернее Нячанга. Где-то здесь, возможно, его деревня. Что увидит он в родной стороне? Как сложится его судьба?

На эти вопросы нам отвечала молодая и стройная женщина Чанг Шонг. Она участковый милиционер в районе и одновременно военком в райкоме партии.

— Случается, — сказала товарищ Шонг, — к нам возвращаются подобные эмигранты. Проверяем. Если на совести такого человека нет уголовно наказуемых проступков, если он искренне раскаялся в своих заблуждениях, хочет трудиться и жить честно, то он обретет такую возможность...

Председатель кооператива Нгу Хын Лон водил нас по своему большому хозяйству, и в его словах и жестах сквозила гордость за то, что удалось сделать. Предмет его особой заботы — это огромное поле площадью в двести пятьдесят гектаров, где члены кооператива добывают наивысшей производительности труда и наилучшим образом используют технику.

— О таких полях здесь раньше и не мечтали, — с увлечением говорил председатель. — Правда, с машинами пока трудно, но постепенно приобретаем сельскохозяйственную технику. Спасибо советским друзьям: недавно несколько новых тракторов прислали. А вот еще, идемте, покажу, чем русские коллеги помогли, оживился он и повел нас на ферму.

Здесь председатель показал породистых свиноматок с поросятами, рассказал о помощи специалистов из СССР и ГДР. Эта отрасль быстро пошла в гору.

— Хозяйство наше одно из крупнейших в стране — 1900 чело-

век работающих — и многоотраслевое. Успешно развиваем также фруктовое-овощное направление, — говорил председатель кооператива, радушно потчуя нас сочными и сладкими плодами манго.

Мы видели заросли кукурузы в рост человека, пальмовые рощи, грядки экзотических так называемых черных грибов. Все эти культуры благодаря дружному, кропотливому труду вьетнамских крестьян экономически выгодны. Кооператив награжден орденом Труда, двумя Почетными знаками и тремя переходящими Красными знаменами.

— А как живут члены кооператива, товарищ Лон, как зарабатывают?

— Хорошо живут, — воодушевился председатель, — в этом году мы оплачиваем их труд и деньгами и продукцией. В среднем на каждого работающего приходится за отработанный день по 12 донгов и 4 килограмма риса.

— Как видите, платим неплохо, — продолжал товарищ Лон, — но это еще не все. Две тысячи детей обучаются в наших школах бесплатно, да и взрослые — а раньше здесь была почти полная неграмотность — проходят в обязательном порядке четырехлетний курс вечернего обучения. Построили несколько детских садов, клуб, для чего создали свою строительную бригаду. Народный ансамбль художественной самодеятельности нашего кооператива хорошо знают в Нячанге. Есть футбольная и волейбольная команды, работают разные спортивные секции. Все культурные мероприятия организует наша сельская комсомольская организация, насчитывающая сейчас 75 человек...

Председатель кооператива ведет нас в джунгли, начинающиеся сразу за селом. Здесь, среди густых тропических зарослей, перед нами неожиданно открывается, словно яркая картинка, красочно расписанный буддийский храм.

— Это место свято не только для верующих, но и для тех, кто боролся за свободу народа в годы иностранной интервенции.

В храме укрывались от карателей патриоты.

— Вот этому священнику мы обязаны спасением, — указал товарищ Лон на худощавого старца в длинном культовом одеянии, который неслышно передвигался по молельному залу, зажигая тонкие восковые свечи.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЗЕМЛЯКИ!

После ужина мы вышли подышать на веранду отеля «Виктория». Настоянный на пряных запахах тропической растительности и моря парной воздух обволакивал тело. Мы любовались стремительными прыжками гекконов, во множестве сидевших на стенах и потолке веранды. Эти песочного цвета ящерицы с воздушными присосками на лапках — искуснейшие охотники за насекомыми.

Мы услышали голоса приближающихся к веранде людей. Русские голоса, басовитые. Через несколько секунд мы возбужденно обнимались и знакомились со своими соотечественниками.

Рыжебородый веселый здоровяк Вячеслав Владимирович Козырев — член Астрономического совета АН СССР. Он приехал в шестимесячную командировку. Цель ее — организация станции оптических наблюдений искусственных небесных тел. Советский астроном должен был также обучить здешних своих коллег обращению с астрономической фотостанцией.

Николай Васильевич Парин, кожа которого, еще не тронутая южным солнцем, сохраняла бледность северных широт, оказался нашим собратом океанологом. Он заведующий лабораторией океанической ихтиофауны московского Института океанологии имени П. П. Ширшова. Прибыл Николай Васильевич во Вьетнам, чтобы помочь здешним ученым в изучении подводных обитателей реки Меконг и ее притоков. Это необходимо для налаживания планомерного рыбного промысла и рыбозаведения.

У Владислава Николаевича Луговенко, человека уравновешенного и невозмутимого, задача более теоретического характера. Он из ИЗМИРАН СССР — Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн. Владислав Николаевич прибыл в Нячанг по приглашению своих вьетнамских коллег и считает, что ему крупно повезло. Дело в том, что в этой стране проходит так называемый магнитный экватор — уникальное для ученых место на земле. Цель его приезда тоже, так сказать, интеграционная. Специалист по земному магнетизму договаривался о создании на этом экваторе совместной с вьетнамскими учеными магнитной обсерватории.

Пока мы выясняли, кто есть кто, расспрашивали земляков о последних новостях в Москве, на веранду вошли два вьетнамских товарища и скромно сели в сторонке. Один из них, уловив момент, когда в нашем разговоре наступила пауза, спросил:

— Скажите, пожалуйста, кто здесь товарищ Меджитов?

— Я, — откликнулся Ренат Джаватович, выступая вперед.

— Мы научные работники из Ханоя. Хотели бы с вами проконсультироваться и, если можно, просить помощь...

— С удовольствием... А в чем дело?

— Нам необходимо найти неразорвавшиеся американские авиабомбы в озере глубиной восемьдесят метров. Слышали, у вас есть приборы...

Договорились назавтра встретиться с ханойцами и обсудить проблему. Так возникла еще одна тема совместной работы.

Хошимин — Москва.

Юмор

Женская гимнастика
помолодела.

Рис. В. Тамаева.

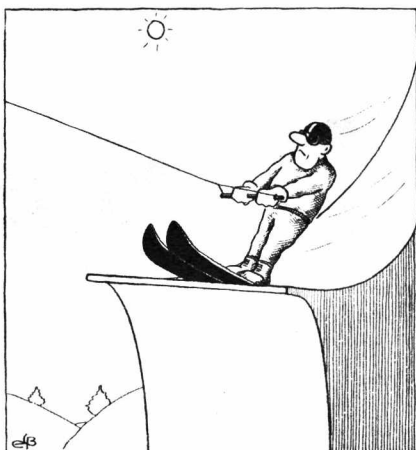
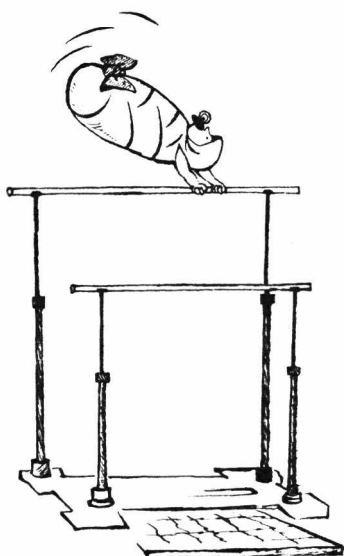
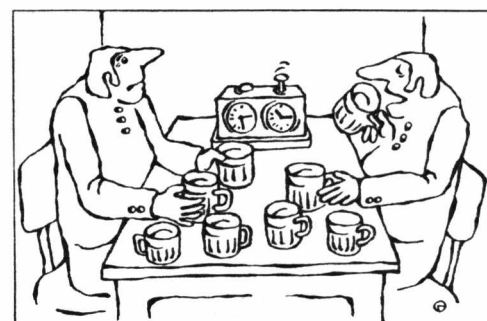

Рис. Т. Юнака (Киев)

Рисунки В. Ашманова

Рис. Г. Свидченко

«ЭТО Ж НАДО!..»

Сергей СОЛОДОВНИКОВ

Сорвавшись с крыши шестнадцатизэтажного жилого дома, Василий Угрюмов неумолимо летел вниз.

«Это ж надо, — с горечью думал он, мимоходом заглядывая в стремительно мелькавшие перед ним окна соседей. — Все в жизни было. Квартира — дворец: мебель антикварная, ковры в три наката, люстра из музея, ванная изразцами выложена, одного хрусталя полтонны, а книг — все пять будет. Нет же, мало — камин приспичило...»

Именно идея постройки камина в собственной квартире заставила Угрюмова полезть на крышу в этот ненастный зимний день, чтобы выбрать место для вывода трубы. Однако один неверный шаг

на скользком, обледенелом карнизе коварно нарушил его планы.

«...А все почему? — осмысливал Василий. — Не на то жизнь трагична. Ищем, достаем, покупаем, продаем, хапаем да колим. Нет чтобы бросить все это барахло, взять удочки да махнуть в леса: сидеть у костра, слушать соловья...»

Что еще собирался он делать в лесах, Угрюмов додумать не успел, так как вошел в непосредственный контакт с поверхностью. Огромный сугроб, возникший благодаря снежной зиме и добросовестным усилиям местного дворника, принял Василия в свои объятия и, смягчив удар, оставил его целым и невредимым.

Очухавшись, Угрюмов первым делом проверил, не выпало ли что-нибудь из карманов, и, убедившись, что не выпало, выбрался из сугроба.

«Это ж надо, — думал он, поспешая к подъезду, — и десяти секунд не летел, а какая чушь в голову лезет!»

Рис. Л. Тишкова

В № 12
«ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ ПЕЧАТАТЬ

ПОВЕСТЬ

Олега ШМЕЛЕВА

«ТРИ ЧЕРЕПАХИ»

В ней рассказывается о том, как Московским уголовным розыском было раскрыто сложное преступление.

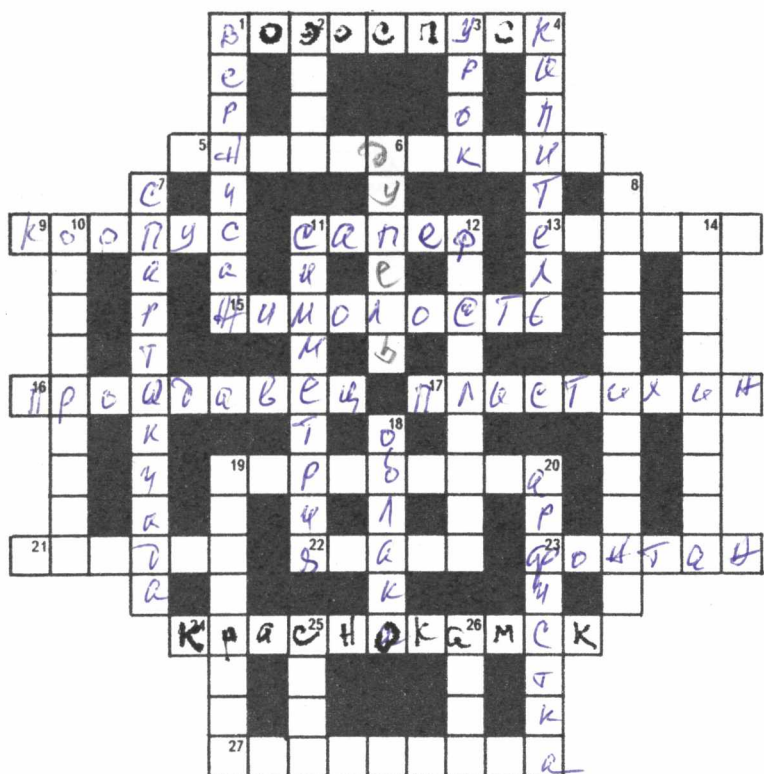
Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Гидротехническое сооружение в плотине. 5. Краткая увертюра к опере, балету. 9. Основная часть машины, механизма, аппарата. 11. Военнослужащий инженерных войск. 13. Действующее лицо в опере А. П. Бородина «Князь Игорь». 15. Декоративный кустарник, медонос. 16. Специалист в системе торговли. 17. Материал для лепки. 19. Сухой плод растений. 21. Один из героев сказки А. С. Пушкина. 22. Южное травянистое растение семейства бьюнковых. 23. Бьющая вверх струя воды, нефти. 24. Город в Пермской области. 27. Балерина, народная артистка СССР.

По вертикали: 1. Торжественное открытие выставки. 2. Повесть А. А. Караваяевой. 3. Основная форма занятий в школе. 4. Венчающая часть колонны. 6. Птица, обитающая на болотистых местах. 7. Традиционные массовые спортивные соревнования. 8. Множитель в алгебраическом выражении, показатель. 10. Художник-пейзажист. 11. Соразмерность, пропорциональность. 12. Сказка Х. К. Андерсена. 14. Картина Н. А. Ярошенко. 18. Скопление в атмосфере водяных капель. 19. Договор. 20. Музыкант, исполнительница на струнном инструменте. 25. Приток реки Десны. 26. Эстонский советский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 1. Калькутта. 6. Плацкарта. 7. «Парус». 9. Магнето. 10. Шкала. 15. Тетива. 16. Анкер. 18. Тоника. 19. Альпинист. 20. Треска. 21. Скetch. 23. Кремль. 24. Ширма. 25. Ваккара. 27. Вазов. 30. Олимпиада. 31. Нежданова.

По вертикали: 1. Крупа. 2. Кошкин. 3. Атлас. 4. Шарада. 5. Крайтер. 7. Патронит. 8. Универсам. 11. Кантилена. 12. Афанасьев. 13. Каракал. 14. Статика. 17. Клише. 21. Стамиц. 22. Чардаш. 26. Купюра. 28. Мосин. 29. Дамба.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Готовые кормоборочные комбайны * Выступление ансамбля танца «Припять». (См. в номере материал «Интересно работать — интересно жить».) Фото М. Савина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Увидит ли сын землю отцов? * Нелегко перейти Иордан! (См. в номере материал «На берегах Иордана».) Фото В. Ковната.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.02.82. Подписано к печати 10.03.82. А 00332. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 599. Заказ № 1985.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НОВОЕ В КЛАССИКЕ

А. БАСМАНОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Кустодиев, вспоминая о годах своей молодости, часто рассказывал, как выстаивал в Петербурге длиннейшие очереди на первые выставки «Мира искусства», посещение которых каждый раз надолго оставляло в душе ощущение праздника — не только от перво-классных произведений, но и от эффектного антуража, остроумной всегда выдумки экспозиционной конструкции и оформления — вплоть до расставленных ваз с живыми гиацинтами в разделах, отведенных натюрморту.

Выставка «Русская графика XVIII—XX веков» из собрания коллекционеров И. В. Качурина и Я. Е. Рубинштейна (который, кстати, решил безвозмездно передать свою коллекцию Ярославскому художественному музею), размещенная в стенах замечательного памятника архитектуры, ампириного Конногвардейского Манежа — в Центральном выставочном зале Ленинграда, — очевидно, подкупала современного придирчивого посетителя тем же: изяществом и высокой культурой, с блеском продемонстрированной ее организаторами: Всесоюзным научно-исследовательским институтом реставрации и ленинградскими экспозиционерами, поставившими себе сложнейшую задачу — показать в классике только то, что еще никто и никогда не видел.

Частное коллекционирование традиционно для России. Со времен еще Третьякова лучшие собиратели не таили своих ценностей, публично их демонстрировали и в конечном итоге превращали личное достояние в общественное. И если в прошлом наши сокоро-

вищницы изобразительного искусства значительно пополнились фондами Лихачева и Остроухова, Морозова и Мамонтова, Олив и Хитрово, то среди сегодняшних дарителей следует особо назвать таких, как Корин и Вишневский; коллекция последнего послужила основанием для открытия в Москве целого музея.

Постижение тайны творчества, его психологии всегда притягательно. Тут свой мир, где путешествие готовится за каждым углом неожиданности, малые и большие открытия, поскольку даже известный до хрестоматийности художник видится в новом, только ему присущем обличье. Тех, кто приходил теперь в ленинградский Манеж, ждали именно неожиданности: штрихи, подробности творчества всемирно знаменитых мастеров.

Связанные цельной сюитой, точно, почти в технике миниатюры, ощутимо передающие фактуру человеческого тела, шелковых или бархатных материй, дерева и металла, скрупулезно выписанные акварели Гау, гротесковые, придуманные иронически, но добродушно персонажи непревзойденного иллюстратора Гоголя — Петра Боклевского или прицельные, эскизные листы Валентина Серова, где очерк модели радужен от многочисленных поправок силуэта в поисках единственно возможного и естественного поворота и ракурса, — соединились на выставке общей и трепетной идеей духовности, так принципиально свойственной русскому искусству еще со старинных времен его становления.

Именно обращение к душе человека составило язык экспозиции, воспринимаемой на одном дыхании, несмотря на видимую разность выучки и манер, вкусов и мировосприятия, — язык, который

1.

2.

3.

позволил органически поместить по соседству несколько наивную, в роде народного лубка копию с «малого голландца» XVII века, исполненную пером Баженова, и московскую уличную сценку Лансере.

Здесь можно было увидеть работы Лосенко и Левицкого, Брюллова и Тропинина, Петра Соколова и Александра Иванова, Левитана и Айвазовского, Верещагина и Врубеля, Сомова, Бенуа, Бакста, Петрова-Водкина, Борисова-Мусатова, Кустодиева, Анненкова, Зинаиды Серебряковой, Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой, Феофилактова и Юона...

Больше тысячи листов акварелей и рисунков, произведений камерно-лирических и социальных, портретов, жанров и марин, пейзажей и театральных эскизов, законченных и лишь беглых набросков, экспрессивных, пестрых и, наоборот, тонких по линии и блеклых по краскам, но почти всегда непривычных по стилистике и теме для того или иного мастера, как бы приоткрывали сам процесс поиска формы, самовыражения, наконец, жизненного смысла. И можно быть почти уверенным, что если бы не этикетка на стенде, даже самый опытный и изощренный искусствовед не признал бы в авторе нарядного, воздушного пейзажа в духе Сильвестра Щедрина замечательного зодчего Кваренги, в авторе темпераментно и динамически нарисованного «Парижского рабочего» — Виктора Васнецова, в сочинителе затейливой обманки — портретиста Боровиковского, а эскиза обложки журнала «Красная нива» на 1926 год — живописца Петра Кончаловского.

Неожиданным было на выставке не только зачастую открытие в известных именах новых художников, но и выходящая за привычные рамки сама ее структура: показ не определенного этапа, но, по сути, всего пути отечественного искусства, движения — от XVIII столетия до наших дней.

Успех демонстрации русской графики за два века несомненен. Доказательство тому в статистической оценке буквально массовой посещаемости. А еще у стендов ежедневно можно было видеть фотографов: репродуцировались многие произведения для публикации в художественных альбомах и каталогах или те, что, как выяснилось, насущно нужны филологической и исторической наукам. К примеру, Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) переснимал для своих фондов листы Ореста Кипренского, среди которых аллегория «Шествие Кутузова в храм славы и бессмертия» оказалась совершенно необходимой для изучения темы «Пушкинская эпоха и окружение семьи Олениных».

Около ленинградского Манежа в течение двух первых месяцев этого года можно было видеть очереди. Тысячи людей прошли через его залы, приобщаясь к высокому искусству и красоте.

1. К. Брюллов. Портрет неизвестной.
2. П. Соколов. Портрет детей Чертковых. 1832 год.
3. А. Иванов. Итальянская женщина.
4. В зале ленинградского Манежа.
5. В. Гау. Портрет графа Н. Мордвинова. 1846 год.
6. К. Сомов. Встреча у фонтана. 1902 год.
7. В. Лебедев. За столом. 1916 год.

4.

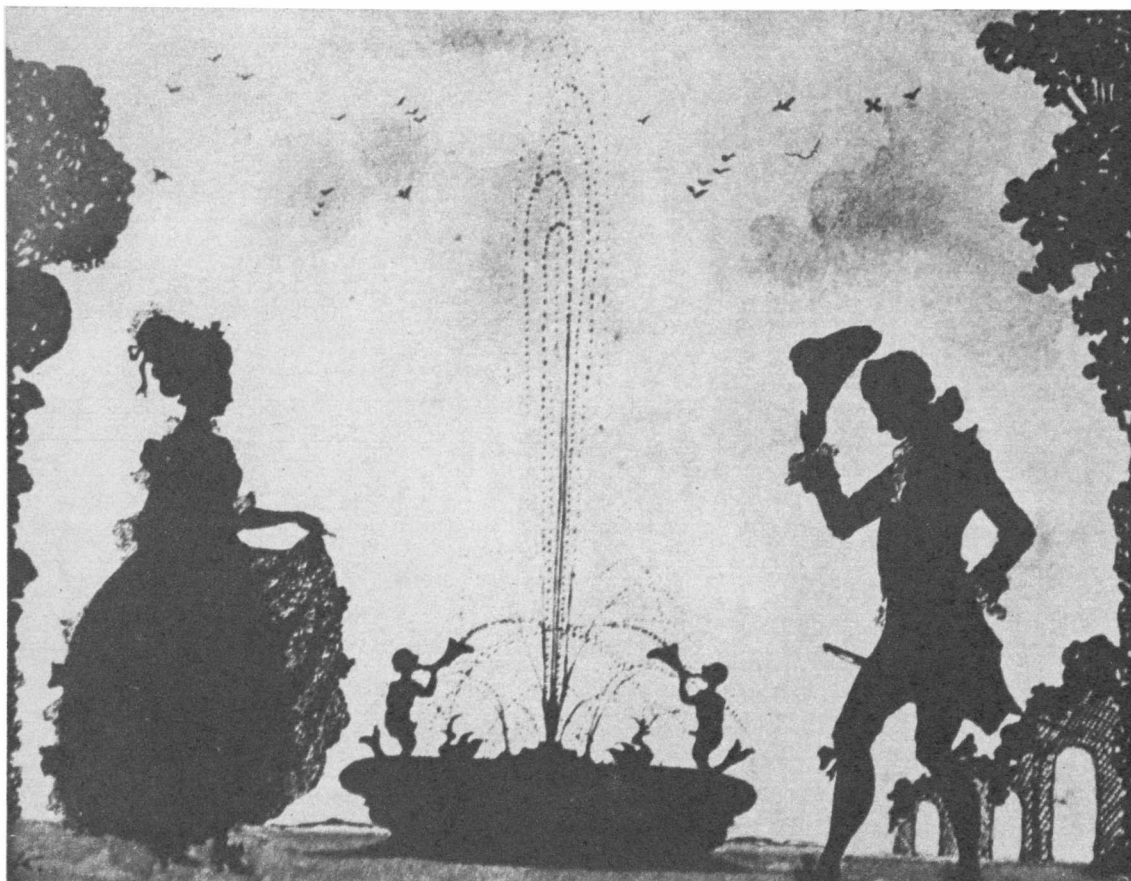
5.

6.

7.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

